

ISSN 2587-7844

СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ

Красноярского государственного
педагогического университета
им. В.П. Астафьева

2021. № 2 (14)

Учредитель

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (КГПУ им. В.П. Астафьева)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-70429 от 20 июля 2017 г.

Языки: русский, английский

Доменное имя сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (для сетевого издания): SIBFIL.RU

История журнала

В 2016 г. на базе университета был проведен Сибирский филологический форум, собравший филологов России и зарубежья и ставший местом дискуссий и обмена идеями, наработками, проектами. Данное событие послужило поводом для создания журнала, на страницах которого не одновременно, а регулярно можно было бы проводить подобные обсуждения, делать обзоры, сообщать о значимых событиях в области филологии

Задачи и тематика журнала

Публикация оригинальных научных исследований по филологии 10.00.00

Дискуссии и обзоры по актуальным проблемам филологии

Рецензии на статьи и монографии российских и зарубежных филологов

Освещение научных филологических событий (конференций, круглых столов, семинаров, научных школ)

Хроники региональных исследований
Все статьи проходят трехступенчатое рецензирование

Издательство

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.
Россия, 660049, Красноярск,
ул. А. Лебедевой, 89, каб. 3-20а

Индексирование

С 1 марта 2021 г. журнал включен ВАК в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Журнал включен в международную ассоциацию издателей CrossRef, которая разрабатывает общую инфраструктуру (CrossRef DOI) для поддержки наиболее эффективной научной коммуникации (публикациям журнала присваивается идентификатор DOI – индексируемая ссылка к постоянно-местонахождению статьи для получения необходимой информации о ней)

Журнал размещен в системе научной электронной библиотеки «КиберЛенинка»

Редакционная коллегия

Editorial board

Васильева С.П., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (главный редактор)
Vasilieva S.P., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Editor-in-Chief)

Ковтун Н.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева (зам. главного редактора)
Kovtun N.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Deputy Editor-in-Chief)

Васильев А.Д., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Vasiliev A.D., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Бенет Винсент, доктор филологических наук, профессор, INALCO (Франция)
Benet Vincent, Doctor of Philology, Professor, INALCO (France)

Войводиц Ясмينا, доктор филологических наук, профессор, Университет Загреб (Хорватия)
Voynovich Yasmina, Doctor of Philology, Professor, University of Zagreb (Croatia)

Игнатиева Т.Г., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Ignatieva T.G., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пак Чжон-Кван, доктор PhD, Национальный университет Кёнбук (Республика Корея)
Park Jong-kwan, PhD, Doctor, Gyeongbuk State University (The Republic of Korea)

Керо Энрике, Университет Гранады (Испания)
Kero Enrique, University of Granada (Spain)

Осетрова Е.В., доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Osetrova E.V., Doctor of Philology, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Пикколо Лаура, профессор, Университет РИМ-3 (Италия)
Piccolo Laura, Professor, RIM-3 University (Italy)

Проскурина Е.Н., доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт филологии СО РАН (Новосибирск)
Proskurina E.N., Doctor of Philology, Chief Researcher, Institute of Philology of SB RAS (Novosibirsk)

Протасова Е.Ю., доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, Университет Хельсинки (Финляндия)
Protasova E.Yu., Doctor of Education, PhD in Philology, University of Helsinki (Finland)

Садовский Я., доктор исторических наук, кандидат филологических наук, профессор Ягеллонского университета, директор Института восточнославянской филологии, заведующий кафедрой языковой и культурной коммуникации (Краков, Польша)
Sadowski J., PhD in Philology, Doctor of History, Professor, Director of the Institute of East Slavic Philology, Head of the Department of Language and Cultural Communication, Jagiellonian University (Krakow, Poland)

Садырина Т.Н., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sadyrina T.N., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Софронова Т.М., кандидат филологических наук, доцент, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева
Sofronova T.M., PhD in Philology, Associate Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev

Тышковска-Каспршак Э., доктор филологических наук, профессор, Вроцлавский университет (Польша)
Elzbieta Tyszkowska-Kasprzak, Doctor of Philology, Professor, Wroclaw University (Poland)

Цветова Н.С., доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет
Tsvetova N.S., Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University

Черняк В.Д., доктор филологических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)
Cherniak V.D., Doctor of Philology, Professor, Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg)

Шмелева Т.В., доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Shmeleva T.V., Doctor of Philology, Professor, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Velikiy Novgorod)

СОДЕРЖАНИЕ

TABLE OF CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Актуальные проблемы языкознания

А.Г. Тимченко, Ю.Е. Серёдкина
ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПУТЬ»
В ПОВЕСТИ В.О. ПЕЛЕВИНА «ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА»
A.G. Timchenko, Yu.E. Seredkina
VERBALIZATION OF THE CONCEPT “WAY”
IN V.O. PELEVIN’S NOVEL “YELLOW ARROW”

[4]

Е.В. Устьянцева
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ТИП УЧИТЕЛЯ
МАЛОГО ГОРОДА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ
(ОСОЗНАВАЕМЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ)
E.V. Ustyantseva
SOCIOCULTURAL TYPE OF A TEACHER
IN A SMALL CITY OF KRASNOYARSKY KRAI
(CONSCIOUS LEVEL OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS)

[17]

И.А. Битнер, А.В. Коршунова, Б.О. Лузин
КЛИКБЕЙТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ
В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ
I.A. Bitner, A.V. Korshunova, B.O. Luzin
CLICKBAIT HEADLINES THROUGH
THE PRISM OF SPEECH ACTS THEORY

[24]

Языковая политика

А.Д. Васильев
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ
A.D. Vasilyev
TERMINOLOGICAL ASPECTS
OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE POLICY

[37]

А.В. Володина
ДВУЯЗЫЧИЕ В ЭСТОНИИ:
ПОЛИТИКА, ОБРАЗОВАНИЕ,
КУЛЬТУРА, МЕНТАЛИТЕТ
A.V. Volodina
BILINGUALISM IN ESTONIA:
POLITICS, EDUCATION,
CULTURE, AND MENTALITY

[47]

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Актуальные проблемы литературоведения

С.М. Козлова
КРЕСТЬЯНСКИЕ УТОПИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1960–1980-х гг.
S.M. Kozlova
PEASANT UTOPIAS OF THE ALTAI TERRITORY
IN RUSSIAN PROSE OF 1960s–1980s

[57]

М.А. Черняк, М.А. Саргсян
«КАК МЫ ПИШЕМ»,
ИЛИ ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ
M.A. Chernyak, M.A. Sargsyan
“HOW DO WE WRITE”,
OR THE PROBLEM OF LITERARY SELF-CONSCIOUSNESS

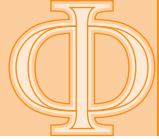
[67]

Е.А. Папкина
ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ
В ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА
E.A. Papkina
PROBLEMS OF CULTURE
IN THE WORKS OF VSEVOLOD IVANOV

[80]

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

[92]

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-73>

УДК 81

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ПУТЬ» В ПОВЕСТИ В.О. ПЕЛЕВИНА «ЖЕЛТАЯ СТРЕЛА»

А.Г. Тимченко (Красноярск, Россия)

Ю.Е. Серёдкина (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Концептуальная картина мира автора текста является ключевым элементом его понимания и верной интерпретации, позволяет сделать выводы об индивидуально-авторском понимании мира. Концепт «путь» является одним из базовых концептов как в русской языковой, так и в индивидуально-авторских картинах мира и ставится в один ряд с такими универсальными концептами, как жизнь, смерть, Бог и др.

Цель – изучение смыслового наполнения концепта «путь» в повести В.О. Пелевина «Желтая стрела» и способов его лексической репрезентации, выявление особенностей индивидуально-авторской картины мира.

Методология (материалы и методы). Материал исследования – контексты, вербализующие концепт «путь», извлеченные методом сплошной выборки из текста повести В.О. Пелевина «Желтая стрела». Основные методы анализа: описательный, метод концептуального анализа, контекстного и компонентного анализа лексических единиц, семантического анализа словарных дефиниций.

Результаты исследования. В аспекте вербальных контекстных репрезентаций концепт «путь» обозначает направление, вектор развития человеческой жизни в повести: общечеловеческий маршрут движется к «разрушенному мосту». Воплощают эту идею лексемы ближней периферии (*пассажиры, стрела*) и дальней периферии (*стук колес, сниженные собственные имена существительные*). Индивидуальный путь способен обрести не каждый, но главный герой смог «сойти с поезда».

Ключевые слова: *концепт «путь», вербальные репрезентации, ядерная зона, зона ближней периферии, зона дальней периферии, языковая картина мира, индивидуально-авторская картина мира, концептуальная картина мира, повесть В.О. Пелевина «Желтая стрела».*

П*остановка проблемы.* Художественный текст представляет собой систему ярких языковых средств, отражающих особое мировосприятие автора. Ключевым в восприятии текста становится понятие о концептуальной картине мира писателя. Использование концептуального анализа позволяет проникнуть в глубинный смысл текста, раскрыть авторский замысел, изучить идиостиль писателя, сделать выводы об индивидуально-авторском понимании мира. Исследование произведений отечественных писателей и поэтов в лингвистическом ключе позволяет расширить границы изученного в концептосфере русского языка.

Ю.М. Лотман отмечал, что «семантика пространства имеет исключительно важное, если не доминирующее, значение в создании картины мира той или иной

культуры» [Лотман, 1996, с. 205]. Сам процесс движения всегда играл знаковую роль для русского человека, достаточно вспомнить «каликов перехожих», паломников, отходников, дорожных разбойников, коробейников и т.д. Концепт «пути / дороги», таким образом, пронизывает все сферы культуры (народную, элитарную, обрядовую, фольклорную, религиозную) и становится неизменной составляющей нашего коллективного национального сознания [Черепанова, 1999].

Целью исследования является изучение смыслового наполнения концепта «путь» в повести В.О. Пелевина «Желтая стрела» и способов его лексической презентации, выявление особенностей индивидуально-авторской картины мира.

Обзор научной литературы по проблеме. Проблемам изучения природы концепта в целом посвящены труды известных ученых: Д.С. Лихачева [Лихачев, 1997], С.А. Аскольдова-Алексеева [Аскольдов-Алексеев, 1997], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1993], Г.Г. Слышкина [Слышкин, 2000], Г.В. Токарева [Токарев, 2003], З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин, 2007], С.Г. Воркачев [Воркачев, 2004], В.И. Карасика [Карасик, 2005] и многих других. Особенности вербального воплощения концепта, лексико-семантического поля «путь» в русской языковой картине мира, в художественных произведениях стали предметом изучения в трудах С.Г. Дрыга [Дрыга, 2009], А.А. Злобина [Злобин, 2020], И.М. Куликовой [Куликова, 2016], К.З. Островской [Островская, 2018], Е.Е. Тихомировой [Тихомирова, 2013], О.А. Черепановой [Черепанова, 1999] и др.

Методология (материалы и методы). Материалом наблюдений явились контексты, вербализующие концепт «путь», извлеченные методом сплошной выборки из текста повести В.О. Пелевина «Желтая стрела». Основными методами анализа стали, описательный, включающий сопоставление и логическую классификацию отобранных единиц, метод концептуального анализа, основывающийся на приемах контекстного и компонентного анализа лексических единиц, семантического анализа словарных дефиниций.

Результаты исследования. Главный герой повести «Желтая стрела» Андрей – пассажир поезда, безостановочно несущегося к разрушенному мосту. Одним из центральных вопросов, поставленных в тексте, является вопрос о смысле движения жизни, в связи с чем образ пути, вербально репрезентированный в концепте «путь», становится ключевым для понимания замысла автора.

Для осмысления места лексемы *путь* в рассматриваемой повести обратимся к ее этимологической составляющей. Русское слово *путь* имеет общеславянский характер, от др. индоевропейского *pánthās* «дорога, путь» (Этимологический онлайн-словарь русского языка Шанского), лат. *pons*, род. п. *pontis* м. «мост, тропинка», греч. *πόντος* м. «море, путь по морю» (Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера).

В толковом словаре В.И. Даля представлено широкое поле семантических аспектов слова. От «дороги, ходовой тропы» до «химической обработки через огонь». Отмечается следующее представление пути: «способ или средство, образ достижения, направление. Пути жизни. Пути Божьи», «польза, прок, толк,

успех, выгода» (Толковый словарь Даля-онлайн). Именно в словаре Даля мы находим обширную цепь фразеологических оборотов и производных слов, отражающих особенности русского национального мировосприятия. Д.Н. Ушаков ставит в один смысловой ряд лексемы «путь» и «дорога» и отдельно выделяет категорию «пути-дороги» со стилистической пометой «народно-поэтическое» (Толковый словарь Ушакова-онлайн). У С.И. Ожегова к основным значениям *пути* добавляются смысловые оттенки: «железнодорожная колея», «перен.: жизнь человека» (Толковый словарь Ожегова-онлайн).

Резюмируя все приведенные данные, можем выделить основные ядерные компоненты концепта «путь»: дорога; линия в пространстве, в котором происходит движение; поездка; направление; направление в развитии чего-либо, образ действий.

Периферию концепта «путь» можно определить на основе фразеологизмов, представленных в словарных статьях: 1. жизненный путь (сбиться с пути, провозжать в последний путь, стоять поперек пути, в счастливый путь, не ищет легких путей, идти своим путем, направить на путь истины); 2. польза, прок, толк (из него выйдет путь, говори путем, не путем делаешь, без пути ходить, без пути журить, сбить с пути, за Богом пойдешь, добрый путь найдешь, кто мотает, в том пути не бывает); 3. направление движения (на пути к дому, быть на пути к истине, лежит путь, ехать ближним путем); 4. путешествие (счастливого пути, живет в трех днях пути).

Производные от лексемы «путь»: 1. путный, дельный, токовый; 2. пута – проторенный след зверька, птицы; 3. путина – плавание от одной пристани до другой; 4. путник – странник, дорожный человек; 5. попутчик – спутник в пути; 6. путничать – идти путем, дорогой; 7. путешествовать, путешественный, путешественатель (кто находится на пути, перепутье); 8. путевник – дорожные записи; 9. путевод, путеводитель, путеводец – провожатый, указывающий путь (Толковый словарь Даля-онлайн).

К периферийной зоне относятся синонимы: дорога, ход, конец, маршрут, рейс, крюк (Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений, 2002).

Анализ данных словарей дает возможность определить понятийную составляющую концепта «путь»: полоса земли; дорога; пространство, где происходит движение; направление движения; путешествие; жизнь человека; польза, прок.

Для исследования принципиально важным будет являться как коннотативное значение *пути* («жизненный путь» (Толковый словарь Ожегова-онлайн)), так и основное («направление, маршрут», «путешествие» (Словарь Ушакова-онлайн), «железнодорожная колея» (Толковый словарь Ожегова-онлайн)).

В повести «Желтая стрела» концепт «путь» вербализован в контекстах, включающих в себя номинацию самого слова, его дериваты, синонимы и элементы, в него входящие. Ядерная зона исследуемого концепта – лексема *путь*, ее синоним и производные; ближняя периферия – контекстуальный синоним; и дальняя – лексемы, раскрывающие контекстуальный синоним.

Непосредственное наименование *путь*, составляющее ядро концепта, представлено в тексте в нескольких своих значениях.

1. Железнодорожные пути:

*По краям **пути** иногда возникали белые километровые столбики...* (Пелевин, 2000, с. 29).

2. Жизненный путь:

*Горячий солнечный свет падал на скатерть, покрытую липкими пятнами и крошками, и Андрей вдруг подумал, что для миллионов лучей это настоящая трагедия – начать свой **путь** на поверхности солнца, пронестись сквозь бесконечную пустоту космоса, пробить многокилометровое небо – и все только для того, чтобы угаснуть на отвратительных останках вчерашнего супа.*

*– К счастью, **путь** только один, – веско сказал сосед и ковырнул вилкой в миске, – найти во всем этом смысл и красоту и подчиниться великому замыслу. Только потом по-настоящему начинается жизнь* (Пелевин, 2000, с. 12).

3. Верно выбранное направление:

*Но, однако, Куросава не намечает никаких **путей** выхода из показанного им бесприютного мира* (Пелевин, 2000, с. 39).

Вариантным представлением (синонимом) концепта является лексема *дорога*. Она раскрывается в тексте в значении колеи для передвижения чего-либо (Большой толковый онлайн-словарь), а также в семантике «рельсовый путь для движения поездов» (Большой толковый онлайн-словарь):

*...оплетенная лианами цепь пальм, отделяющая железную дорогу от остального мира, изредка река или мост в колониальном стиле или защищенная стальной рукой шлагбаума пустая **дорога*** (Пелевин, 2000, с. 36).

В ядерной зоне расположены следующие производные лексемы *путь*: *путешествие, путеводитель, путать, запутанно* (Толковый словарь Даля-онлайн).

«*Путеводитель по железным дорогам Индии*» – это брошюра, рассказывающая о спокойном созерцании мира через окно поезда. В данном случае представлено прямое значение слова *путеводитель* – «справочник о каком-либо историческом месте, музее, туристическом маршруте» (Толковый словарь Ожегова-онлайн), в нашем случае – о железнодорожных ландшафтах Индии.

Лексема *путать* представлена в тексте в пятом своем значении по толковому словарю С.И. Ожегова: «ошибочно принимать одно за другое» (Толковый словарь Ожегова-онлайн), а лексема *запутанно(-ый)* – во втором значении по толковому словарю Т.Ф. Ефремовой: «перен. сложный, трудный для понимания» (Новый словарь русского языка, 2000).

Производная лексема *путешествие* в тексте репрезентируется лишь единожды, в последней главе повести:

*P.S. Все дело в том, что мы постоянно отправляемся в **путешествие**, которое закончилось за секунду до того, как мы успели выехать* (Пелевин, 2000, с. 55).

Значение *путешествия* как перемещения куда-либо (Большой толковый онлайн-словарь) в данном примере осложняется семантикой стремления назад.

Все люди прибывают в стационарном состоянии, движутся не они, а поезд. Именно поэтому путешествие для пассажиров экспресса становится тупиковым и бессмысленным, уходящим в никуда.

Итак, в индивидуально-авторском тексте ядерная зона концепта «путь» представлена в основном метаморфическим переносом значения (жизненный путь, направление развития), а также дериватами (путешествие, путеводитель). Несмотря на то что ядерная зона занимает наименьшую часть из всего объема лексем, входящих в структуру концепта «путь» (ядерная зона – 5 % в проанализированных контекстах; зона ближней периферии – 24 %, зона дальней периферии – 71 %), она является основополагающей.

Для раскрытия авторской концепции повести «Желтая стрела» важно рассмотреть *путь* как вектор развития (человеческой жизни).

В зоне периферии концепта «путь» располагаются его контекстуальный синоним (ближняя периферия) и сопутствующие ему составные элементы (дальняя периферия).

В условиях контекста повести «Желтая стрела» и выявленной нами ключевой понятийной зоны концепта «путь» (направление, вектор развития) основным синонимом «пути» выступает лексема *поезд*. Поезд является заменой всего пространственно-временного поля. Здесь репрезентируется значение пути как жизненной дороги человека. Причем этот путь ведет к тупику, безвыходному концу, об этом свидетельствует и нумерация глав (от 12 до 0), и само движение поезда к «разрушенному мосту»:

«Желтая стрела» – это поезд, который идет к разрушенному мосту. Поезд, в котором мы едем (Пелевин, 2000, с. 16).

Семантика пути как направление движения (Большой толковый онлайн-словарь) имплицитно проявляется уже в самой заглавии повести при помощи лексемы *стрела*. «Желтая стрела» – это название самого экспресса, а также условное наименование солнечных лучей, разбивающихся о засаленную скатерть в вагоне-ресторане:

Горячий солнечный свет падал на *скатерть*, покрытую липкими пятнами и крошками, и Андрей вдруг подумал, что для миллионов *лучей* это настоящая трагедия – начать свой *путь* на *поверхности солнца*, пронестись сквозь бесконечную пустоту космоса, пробить многокилометровое небо – и все только для того, чтобы *угаснуть* на отвратительных останках вчерашнего супа. А ведь вполне могло быть, что эти косо падающие из окна *желтые стрелы* обладали сознанием, надеждой на лучшее и пониманием беспочвенности этой надежды – то есть, как и человек, имели в своем распоряжении все необходимые для страдания ингредиенты (Пелевин, 2000, с. 12).

Лучи солнца сопоставляются в тексте с живыми людьми. Пассажиры экспресса неминуемо движутся к «разрушенному мосту», лучи – к остаткам супа. Акциональный глагол *угасать* с семантикой «ослабевать, терять силы» (Толковый словарь Ожегова-онлайн) указывает на условную смерть лучей. Таким образом,

в названии повести не только вербализуется сам концепт «путь», но и отражается идея всего произведения об обреченности пути, безнадежности движения. На основании вышесказанного мы можем провести параллель между лексемами, репрезентирующими основную идею в ближней периферии концепта «путь»: *желтая стрела* = *солнечные лучи* (с их необратимостью конца) = *поезд* (который стремится к тупику) = человек / люди, которые в нем едут.

Таким образом, лексема *пассажир* становится частью ближней периферии. В повести *пассажир* – это человек, принадлежащий поезду, направляющемуся к разрушительному концу. Сема вмещает в себя значение всего общества, граждан и служит в тексте словом-маркером для разграничения людей: те, кто не понимают, что они пассажиры (сливаются с поездом / не видят собственного пути), и те, кто осознает это (хотят сойти с поезда / в поиске индивидуального пути):

1. – *Нормальный пассажир, – сказал Хан, – никогда не рассматривает себя в качестве пассажира. Поэтому, если ты это знаешь, ты уже не пассажир. Им никогда не придет в голову, что с этого поезда можно сойти. Для них ничего, кроме поезда, просто нет* (Пелевин, 2000, с. 18).

2. – *Остается самое сложное в жизни. Ехать в поезде и не быть его пассажиром, – сказал Хан* (Пелевин, 2000, с. 19).

3. – *Послушай, – сказал Хан, – опомнись. Пассажиры не знают, как называется поезд, в котором они едут. Они даже не знают, что они пассажиры. Что они вообще могут знать* (Пелевин, 2000, с. 20).

4. *А есть ли что-нибудь другое, кроме нашего поезда, или нет, совершенно не важно. Важно то, что можно жить так, как будто это другое есть. Как будто с поезда действительно можно сойти. В этом вся разница. Но если ты попытаешься объяснить эту разницу кому-нибудь из пассажиров, тебя вряд ли поймут* (Пелевин, 2000, с. 18).

Конструкция «сойти с поезда» становится важной для понимания мотивов поведения главного героя. Поезд, являющийся частью репрезентации концепта «путь», оказывается отвратителен герою. Навязчивая мысль найти другой путь, отделить свое «я» от массового движения к «разрушенному мосту» подталкивает Андрея на поиски выхода из поезда:

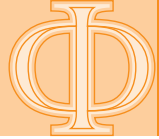
1. – *Понимаю, – сказал Андрей. – Как не понять. Слушай, а ты когда-нибудь думал, откуда мы едем? Откуда идет этот поезд.*

– *Нет, – сказал Хан. – Мне это не особо интересно. Мне интересно узнать, как с него сойти* (Пелевин, 2000, с. 28).

2. *Я хочу сойти с этого поезда живым* (Пелевин, 2000, с. 29).

Следующим элементом дальней периферии концепта «путь» является лексема *крыша*. Взобраться на крышу – это один из способов героя «сойти с поезда» и изменить свой путь:

1. *Через несколько секунд он уже был наверху, на ребристой и непривычно широкой крыше вагона, покрытой облупившейся желтой краской и усеянной ржавыми грибами вентиляционных башенок* (Пелевин, 2000, с. 40).

2. *Вскоре позади осталась скользкая крыша ресторана...* (Пелевин, 2000, с. 40).

3. *Позже Хан сказал, что подниматься на крышу не только бесполезно, но, скорее, даже вредно, потому что там человек оказывается только дальше от возможности по-настоящему покинуть поезд, – но все равно они продолжали сюда лазить просто для того, чтобы хоть на время покинуть осточертевшее пространство всеобщей жизни и смерти* (Пелевин, 2000, с. 41).

На ложность выбора героя нам указывают определения с ярко выраженной негативной семантической окраской: крыша «скользкая», с «облупившейся желтой краской» и «ржавыми грибами». В словаре В.И. Даля находим значение слова *скользкий*: «непрочный, трудный, ненадежный, опасный», также ряд устойчивых выражений с включением данной лексемы: «пути грязные, косогоры скользкие», «скользким путем пошел» (Толковый словарь Даля-онлайн). Отрицательный экспрессивный смысл заключен и в красках: желтый оттенок, цвет ржавчины – нездоровость, безумие. С другой же стороны, именно с крыши спрыгивает неизвестный человек, это убеждает Андрея в том, что выход есть: *человек в соломенной шляпе на шнурке сильно оттолкнулся от крыши, оторвался от вагона и перелетел над ограждением моста* (Пелевин, 2000, с. 42).

Мы уже упоминали о значении лексемы *путь* как направлении движения, векторе развития. Учитывая эту семантику, можно заключить, что взгляд с крыши не может изменить маршрута главного героя, так как вектор остается направленным в одну сторону – «к разрушенному мосту». Лексема *мост* становится обозначением конца пути, которого стремится избежать Андрей.

Перейдем к рассмотрению еще одного элемента в системе концепта «путь» – конструкция *стук колес*. Она является выражением границы между пассажирами, не осознающими свое положение, и условно «непассажирами». Звук железных колес слышен «непассажирам» и неразличим для пассажиров. Он выступает символом хода времени (Маркова, 2014):

1. *Но ведь они и правда этого не понимают. Как они могут понять то, что и так отлично знают? Они даже стук колес перестали слышать* (Пелевин, 2000, с. 19).

2. *Запомни, когда человек перестает слышать стук колес и согласен ехать дальше, он становится пассажиром* (Пелевин, 2000, с. 19).

Автором приводится в пример подробный ряд вербальных имитаций звука стучащих колес разных народов мира:

В Америке – «джинджерэл-джинджерэл».

В странах Прибалтики – «па-дуба-дам».

В Польше – «пан-пан».

В Бенгалии – «чуг-чунг».

В Тибете – «дзог-чен».

Во Франции – «клик-клик» и т.д. (Пелевин, 2000, с. 30).

В системе железнодорожного топоса общество разделяется по классам: люди, едущие в *плацкарте*, *купе* или *СВ*. Все перечисленные лексемы также входят в область дальней периферии концепта «*путь*»:

Реальный рынок для туалетной бумаги очень маленький – только СВ. Из-за этого даже братья не стоит.

– *А общие и плацкарта?* – спросил Иван.

– *В сидячих она вообще никогда не шла, а сейчас из-за инфляции плацкарта тоже на газеты переходит.*

– *Ну хорошо, – сказал Иван, – с плацкартой понятно. А купе? Ведь там тоже...* (Пелевин, 2000, с. 23).

Обратимся к ряду лексем, используемых автором для описания внутреннего пространства поезда: *железнодорожное радио*, *вагон-ресторан*, *купе*, *проводники*, *эмблема МПС*, *подстаканники*, *тамбуры*, *билеты на поезд*, *чемоданы*, *платформа*. Эти лексемы занимают большой процент от общего объема лексем, вербализующих концепт «*путь*» (синоним лексемы *поезд* – 1 % (3 единицы), *крыша* – 4 % (8 единиц), *плацкарт*, *купе*, *СВ* – 6 % (13 единиц), *стук колес* – 7 % (15 единиц), *собственные имена существительные* – 11 % (22 единицы), лексемы, отражающие внутреннее пространство поезда, – 71 % (150 единиц)). Вероятно, это связано с перенесением автором жизненного пространства человека в плоскость одного поезда. Соответственно, вещи, окружающие нас в привычной жизни, заменяются предметным миром поезда. Выделим перечисленные лексемы в зоне дальней периферии концепта «*путь*», т.к. при помощи них реализуется основной контекстуальный синоним *пути* – *поезд*.

Помимо сопряженных с поездом предметов, В. Пелевин вводит в текст множество собственных имен существительных, которые, с одной стороны, представляют современный мир с его лозунгами, брошюрами и статьями газет, а с другой – ряд репрезентирующих лексем исследуемого концепта (в частности, зону его дальней периферии): *поезд «Желтая стрела»*, *газета «Путь»*, *заголовок статьи «Рельсы и шпалы»*, *сборник Б. Пастернака «На ранних поездах»* (один из героев – Петр Сергеевич, отвечая на вопрос, о чем книга, иронично замечает: «*Так... про жизнь*»), *водка «Железнодорожная особа»*, *коньяк «Лазо»*, *переделанная песня Б. Гребенщикова «Поезд в огне»* (поется: «*этот поезд в огне, и нам некуда больше жить*»), *компания «Голубой вагон»*, *брошюра «Путеводитель по железным дорогам Индии»*, *кинолента Акуагавы Рюноске «Под стук невидимых колес»*, *театральная постановка «Бронепоезд 116-511»*, *театральная труппа «Театр на верхней полке»*, *картина Дейнеки «Будущие железнодорожники»*.

В этой линии перечислений становится очевидным сниженное представление христианского пути как дороги к небу, дороги к вечному спасению (Толковый словарь Даля-онлайн), понимание пути переходит на этикетку дорогого алкоголя или заголовки журнальных статей. Указанное нами выше значение пути как вектора развития перемещается с вертикальной плоскости, от стремления вверх, в плоскость горизонтальную, вектор которой устремлен в тупик. Однако

обратим внимание на то, что такое мировосприятие относится к *пассажирам* поезда, т.е., как мы отмечали ранее, не ко всем (Хан, Андрей, человек, спрыгнувший с поезда, и т.д. – «непассажиры»).

Обратимся к синонимам лексемы *поезд* для расширения границ дальней периферии концепта «путь». Таковым выступает лексема *эшелон*, представленная в строках из стихотворения А.А. Блока. Указание на синонимию можно найти в толковом словаре С.И. Ожегова (Толковый словарь Ожегова-онлайн):

*Петроградское небо мутилось дождем,
в никуда уходил эшелон.
Без конца взвод за взводом и вождь за вождем
наполнял за вагоном вагон...* (Пелевин, 2000, с. 37).

Контекстными синонимами являются лексические единицы: *трамвай*, *желтый катафалк*. Тождество трамвая и поезда обозначает сам автор: *Дело в том, что этот молодой человек воображает себя водителем невидимого маленького поезда – по-японски «трамвая», – который ездит взад-вперед по реальному вагону* (Пелевин, 2000, с. 38). Катафалк же имеет значение «погребальной колесницы в похоронной процессии» (Большой толковый онлайн-словарь). Таким образом, поезд приобретает отрицательно окрашенную семантику, что и подтверждается автором на уровне эпитетов:

Я просто вижу жизнь такой, какая она есть, трезво и точно, и никогда не смогу принять этот грохочущий на стыках рельсов желтый катафалк за что-то другое... А они просто сумасшедшие, пассажиры сумасшедшего поезда, и во всем, что они говорят, я слышу только стук колес (Пелевин, 2000, с. 45).

На истинную смену пути главного героя нам указывают лексемы с семантикой неподвижности: «*поезд стоял*», «*колеса больше не стучали*», пол был «*неподвижен*», проводник «*спит или впал в какое-то оцепенение*», кусок сахара «*неподвижно висел*». Остановка поезда знаменует разъединение коллективной дороги и индивидуального пути главного героя. На это же нам указывает и последняя строка повести: происходит смена железного *стука колес* на «*тихий звук собственных шагов*». Лексема «*собственные*» подтверждает наше предположение о начале индивидуального пути героя. Андрей видит тотальность абсурда, ложность движения «Желтой стрелы» и вовремя сворачивает с обреченного железнодорожного пути.

Выводы. Концепт «путь» реализуется в тексте, главным образом в значении направления, вектора развития. В начале повести этот вектор направлен в сторону «разрушенного моста» и слит воедино с общественным, «пассажирским» маршрутом. Большую роль в этом случае играют лексемы, репрезентирующие контекстуальный синоним слова *путь* – *поезд*. Основными структурными элементами концепта «путь», служащими для раскрытия миропонимания автора, будут являться ближняя и дальняя периферия концепта. Семантика обреченности и абсурдности пути вербализуется эпитетами, сопровождающими выделенные лексемы в структуре концепта «путь». Ядерная зона – прямое наименование лексемы *путь*, синоним и ее дериваты; зона ближней периферии – контекстуальный

синоним *поезд*, лексемы *стрела* и *пассажиры*; зона дальней периферии – компоненты, входящие во внутреннее пространство системы *поезда*. Наибольшую часть всей структуры концепта занимает область дальней периферии – 71 %, это объясняется специфичным авторским изображением мира в пространственно-временной плоскости поезда.

В аспекте вербальных контекстных репрезентаций концепт «путь» обозначает направление, вектор развития человеческой жизни. Такая трактовка позволяет раскрыть замысел писателя: общечеловеческий маршрут движется к «разрушенному мосту». Воплощают эту идею лексемы ближней периферии (*пассажиры*, *стрела*) и дальней периферии (*стук колес*, сниженные собственные имена существительные). Индивидуальный путь способен обрести не каждый, но главный герой смог «сойти с поезда».

Список источников

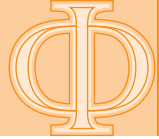
1. Пелевин В. Желтая стрела. М.: Вариус, 2000. С. 9–56.

Список словарей

1. Большой толковый словарь / гл. ред. С.А. Кузнецов, 1998 [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.ru (дата обращения: 15.05.2021).
2. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000 [Электронный ресурс]. URL: www.efremova.info (дата обращения: 15.05.2021).
3. Словарь Даля-онлайн [Электронный ресурс]. URL: www.slovardalja.net (дата обращения: 15.05.2021).
4. Словарь Ожегова-онлайн [Электронный ресурс]. URL: www.slovarozhegova.ru (дата обращения: 15.05.2021).
5. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. 2002 [Электронный ресурс]. URL: www.gramota.ru (дата обращения: 15.05.2021).
6. Словарь Ушакова-онлайн [Электронный ресурс]. URL: www.usakovdictionary.ru (дата обращения: 15.05.2021).
7. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера [Электронный ресурс]. URL: www.lexicography.online (дата обращения: 15.05.2021).
8. Этимологический онлайн-словарь русского языка Н.М. Шанского [Электронный ресурс]. URL: www/shansky.lexicography.online (дата обращения: 15.05.2021).

Библиографический список

1. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка. Ментальные действия: сб. ст. / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1993. 176 с.
2. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
3. Воркачев С. Счастье как лингвокультурный концепт. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 192 с.
4. Дрыга С.Г. Концепт «путь» в национально-культурной и индивидуально-авторской картинах мира (на материале произведений А.С. Пушкина и С.А. Есенина) // Вестник ПГЛУ. 2009. Вып. 1. С. 68–71.
5. Злобин А.А. Концепт «путь» в языковой картине мира И.С. Шмелева (на примере повести «Богомолье») // Мир русского слова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2020. № 3. С. 44–48.

6. Карасик В.И. Этноспецифические концепты // Иная ментальность. М., 2005.
7. Куликова И.М. Реализация концепта пути-дороги в современной этнической литературе Западной Сибири // Paradigmata poznani. 2016. № 2. С. 41–45.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. д. ф. н., проф. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 147–165.
9. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
10. Маркова Т.Н. Поезд идет к разрушенному мосту (материалы к уроку по повести В. Пелевина «Желтая стрела») // Филологический класс. 2014. № 3 (37). С. 58–63 [Электронный ресурс]. URL: cyberleninka.ru (дата обращения: 12.05.2021).
11. Островская К.З. Концепт путь-дорога как эквивалент концепта «испытание» в концептосфере народной волшебной сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. № 12 (90), ч. 3. С. 579–583.
12. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
13. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты в сознании и дискурсе. М.: Academia, 2000. 141 с.
14. Тихомирова Е.Е. «Путь» и «дорога» в русской культуре и сибирском тексте Г.Д. Гребенщикова // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (14). С. 95–106.
15. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке). Волгоград: Перемена, 2003. 213 с.
16. Черепанова О.А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Рябининские чтения. 1999 [Электронный ресурс]. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (дата обращения: 20.05.2021).

Сведения об авторах

Тимченко Анастасия Георгиевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ooo.otdohkni@gmail.com

Серёдкина Юлия Евгеньевна – студентка филологического факультета, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: yulya.seredkina.99@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-73>

VERBALIZATION OF THE CONCEPT “WAY” IN V.O. PELEVIN’S NOVEL “YELLOW ARROW”

A.G. Timchenko (Krasnoyarsk, Russia)

Yu.E. Seredkina (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The conceptual world picture of an author of a text is a key element to his/her understanding and correct interpretation. It helps to make conclusions about the author’s individual understanding of the world. The concept “way” is one of the basic concepts both in the Russian language and in the individual author’s pictures of the world, and is put on a par with such universal concepts as life, death, God, etc.

The purpose of the article is to study the semantic content of the concept “way” in V.O. Pelevin’s novel “Yellow Arrow” and the ways of its lexical representation, identifying the features of the individual author’s picture of the world.

Methodology (materials and methods). Research material consists of contexts verbalizing the concept “way”, extracted by continuous sampling from the text of the story “Yellow Arrow” by V.O. Pelevin. Basic analysis methods include descriptive and conceptual analysis, contextual and component analysis of lexical units, semantic analysis of dictionary definitions.

Research results. In the aspect of verbal contextual representations, the concept “way” denotes a direction, a vector of development of human life in the novel: the common human route moves to the “destroyed bridge”. This idea is embodied in the lexemes of the near periphery (passengers, arrow) and the far periphery (knocking of wheels, low-style proper nouns). Not everyone can find an individual path, but the main character was able to “get off the train”.

Keywords: *concept “way”, verbal representations, nuclear zone, zone of near periphery, zone of far periphery, linguistic picture of the world, individual author’s picture of the world, conceptual picture of the world, V.O. Pelevin’s novel “Yellow Arrow”.*

Fiction

1. Pelevin V. Yellow arrow. M.: Varius, 2000. P. 9–56.

Dictionaries

1. Big Explanatory Dictionary / Ch. ed. S.A. Kuznetsov, 1998 [Electronic resource]. URL: www.gramota.ru (access date: 15.05.2021).
2. New dictionary of the Russian language. Explanatory and derivational. M.: Russian language, 2000 [Electronic resource]. URL: www.efremova.info (access date: 15.05.2021).
3. Dictionary Dahl-online [Electronic resource]. URL: www.slovardalja.net (access date: 15.05.2021).
4. Dictionary Ozhegov-online [Electronic resource]. URL: www.slovarozhegova.ru (access date: 15.05.2021).
5. Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning, 2002 [Electronic resource]. URL: www.gramota.ru (date of access: 15.05.2021).
6. Ushakov’s dictionary-online [Electronic resource]. URL: www.usakovdictionary.ru (access date: 05.15.2021).
7. Etymological online dictionary of the Russian language by Max Fasmer [Electronic resource]. URL: www.lexicography.online (access date: 05.15.2021).

8. Etymological online dictionary of the Russian language N.M. Shanskiy [Electronic resource]. URL: [www / shansky.lexicography.online](http://www/shansky.lexicography.online) (access date: 05.15.2021).

References

1. Arutyunova N.D. Logical analysis of language. Mental actions: Sat. Art. / Resp. ed. N.D. Arutyunova, N.K. Ryabtseva. M.: Nauka, 1993. 176 p.
2. Askoldov-Alekseev S.A. Concept and word // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology. M.: Academia, 1997. P. 267–279.
3. Vorkachev S. Happiness as a linguocultural concept. M.: ITDGK “Gnosis”, 2004. 192 p.
4. Dryga S.G. The concept “path” in the national-cultural and individual-author’s pictures of the world (based on the works of A. Pushkin and S. Yesenin) // Bulletin of PSLU. Pyatigorsk: PSLU, 2009. Is. 1. P. 68–71.
5. Zlobin A.A. The concept of a path in the linguistic picture of the world by I.S. Shmeleva (on the example of the story “Bogomolye”) // World of the Russian word. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2020. No. 3. P. 44–48.
6. Karasik V.I. Ethnospecific concepts // Another mentality. M., 2005.
7. Kulikova I.M. Implementation of the concept of a path-road in modern ethnic literature of Western Siberia // Paradigmata poznani. 2016. No. 2. P. 41–45.
8. Likhachev D.S. The concept of the Russian language // Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology / Under total. Ed. Doctor of Philosophy, prof. V.P. Unsigned. M., 1997. P. 147–165.
9. Lotman Yu.M. Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history. M.: “Languages of Russian culture”, 1996. 464 p.
10. Markova T.N. The train goes to the destroyed bridge “(materials for the lesson based on the story of V. Pelevin” Yellow arrow “) // Philological class. 2014. No. 3 (37). P. 58–63 [Electronic resource]. URL: cyberleninka.ru (access date: 12.05.2021).
11. Ostrovskaya K.Z. The concept of a path-road as an equivalent of the concept test in the concept sphere of a folk fairy tale // Philological sciences. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2018. No. 12 (90), p. 3. P. 579–583.
12. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantic-cognitive analysis of language: monograph. Voronezh: Istoki, 2007. 250 p.
13. Slyshkin G.G. From text to symbol: linguocultural concepts in consciousness and discourse. M.: Academia, 2000. 141 p.
14. Tikhomirova E.E. “Way” and “road” in Russian culture and Siberian text by G.D. Grebenshchikova // Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 2013. No. 4 (14). P. 95–106.
15. Tokarev G.V. Concept as an object of linguistic and cultural studies: (based on the representations of the concept “Labor” in the Russian language). Volgograd: Change, 2003. 213 p.
16. Cherepanova O.A. The path and the road in the Russian mentality and in ancient texts // Ryabinin reading, 1999 [Electronic resource]. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabinin-1999/213.html> (access date: 05.20.2021).

About the authors

Timchenko Anastasiya Georgievna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ooo.otdohkni@gmail.com

Seryodkina Yulia Evgenievna – BA Candidate, Faculty of Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: yulya.seredkina.99@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-74>

УДК 81'27

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ТИП УЧИТЕЛЯ МАЛОГО ГОРОДА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ (ОСОЗНАВАЕМЫЙ УРОВЕНЬ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ)¹

Е.В. Устьянцева (Красноярск, Россия)

Аннотация

В статье представлены результаты социолингвистического анкетирования, направленного на выявление социокультурного типа учителя в качестве идеального типа, отвечающего требованиям профессионального сообщества педагогов, работающих в малом городе Красноярского края. Названы самые частотные слова-качества, составляющие «портрет» профессиональной группы «педагог»: любовь к детям, доброта, терпение, ответственность, справедливость, профессионализм, коммуникабельность и др. Анализ результатов в возрастном аспекте показал, что чем старше учитель, тем важнее для него качества, связанные с профессиональными навыками, тогда как молодое поколение учителей приоритетным считает теплые взаимоотношения с воспитанниками.

Ключевые слова: *ценностная картина мира педагога, социолингвистическое анкетирование, слова-ценности, слова-качества, осознаваемый уровень, языковое сознание.*

Современный профессиональный стандарт педагога включает в себя многочисленный набор компетенций, к овладению которыми должен стремиться учитель. Проблема заключается в том, что представленные в «стандарте» требования изложены без учета разного рода обстоятельств и условий, в которых приходится работать представителю педагогической профессии (нехватка времени, большие почасовые нагрузки и т.п.). Каков же реальный портрет современного учителя и какими качествами, а также умениями он должен обладать, по мнению самих педагогов?

Постановка проблемы. Учительство как социально-профессиональная группа является объектом изучения не только социологов, но и лингвистов. Так, к исследованию ценностной картины мира педагога обращались И.Н. Балова, считающая профессиональную картину мира педагога частью структуры субъективного опыта [Балова, 1996]; Е.Н. Дмитриева, установившая аналогию между понятиями «педагогическая картина мира» и «информационная картина мира» [Дмитриева, 2004]; Г.А. Ястребова, уточнившая сущность профессиональной

¹ Исследование выполнено в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований, Правительства Красноярского края, Красноярского краевого фонда поддержки научной и научно-технической деятельности в рамках научного проекта № 20-412-242001/20 «Изучение ценностной картины мира профессиональной группы „педагог“ Красноярского края».

концептосферы учителя как основы субъективной педагогической картины мира [Ястребова, 2006], С.П. Васильева, А.Д. Васильев [Vasilyeva, Vasilyev, 2021].

Моделирование ценностной картины мира педагога возможно путем исследования осознаваемого и неосознаваемого уровня языкового сознания.

Одним из методов, позволяющих изучить осознаваемый уровень ценностной картины мира, зависимый от ситуации, общественного мнения, воспитания, опыта, является анкетирование.

Цель. В данной статье представлены результаты социолингвистического анкетирования, проведенного среди учителей образовательных учреждений г. Дивногорска (Красноярский край), среди которых МБОУ «СОШ № 2 имени Ю.А. Гагарина», МАОУ «Гимназия № 10 имени А.Е. Бочкина», КГБПОУ «Дивногорский гидроэнергетический техникум имени А.Е. Бочкина», КГАОУ СПО «Дивногорский техникум олимпийского резерва».

Описание эксперимента. Респондентам предлагалось написать 10 качеств идеального учителя, распределив их по степени важности от 1 до 10. Количество участвовавших в эксперименте педагогов составило 68 человек в возрасте от 23 до 70 лет. Цель анкетирования: выявить социокультурный тип учителя в качестве идеального типа, отвечающего требованиям профессионального сообщества педагогов, работающих в малом городе Красноярского края. Под социокультурным типом будем понимать типологическую характеристику педагогического сообщества, отображающую основные социальные, культурные и профессиональные черты индивидов, входящих в данную профессиональную группу.

Всего было названо 176 неповторяющихся слов-качеств. Расположив данные качества идеального учителя по частотности употребления, мы смогли выявить самые важные из них: 1) любовь к детям – 19 %; 2) доброта – 16 %; 3) терпение – 15 %; 4) ответственность – 15 %; 5) справедливость – 14 %; 6) профессионализм – 10 %; 7) коммуникабельность – 9 %; 8) трудолюбие – 8 %; 9) юмор – 7 %; 10) порядочность, честность – 7 %; 11) отзывчивость – 6 %; 12) гибкость, дисциплинированность, доброжелательность, компетентность, строгость, толерантность – 5 %; 13) вежливость, внимательность, оптимизм, тактичность, ум – 4 %; 14) активность, знание своего предмета, образованность, понимание (быть понимающим), сдержанность, спокойствие, творческая личность – 3,9 %; 15) любовь к профессии, любознательность, стрессоустойчивость, требовательность, умение заинтересовать – 3 %; 16) креативность, мобильность, самообразование, увлеченность предметом – 2,8 %; 17) грамотность, добросовестность, настойчивость, объективность, организованность, самосовершенствование, смелость, уверенность в себе – 2 %; 18) аккуратность, взаимопонимание, воспитанность, духовность, интеллигентность, красота, любовь к жизни, опрятность, открытость, пунктуальность, собранность, целеустремленность, эрудированность, эрудиция – 1,7 %; 19) веселость, всесторонняя развитость, высокая нравственность, дальновидность, дипломатичность, добросердечность, доверие, дружелюбие, желание развиваться, здоровье, знающий, инициативность, интересный, культурный, лидер, любовь

к людям, мастер своего дела, методическая грамотность, мудрость, не токсичность, не конфликтность, педантичность, правдивость, придет на помощь, разносторонность, самокритичность, самообладание, современный, сознательность, способный, талантливый, твердый характер, уважительное отношение, уважение, умение прощать, умение учиться, умение подстраиваться под обстоятельства, уравновешенность, цифровая грамотность, эмпатичный, энергичный – 1 %; 20) авторитетность, адекватность, бескорыстие, благородство, быть готовым к трудностям, вера в себя, видеть в каждом индивидуальность, гуманизм, деятельность, достоинство, забота об учениках, зажигательность, здравомыслие, злость, знание психологии ребенка, иметь свою точку зрения, интерес к жизни воспитанников, искренность, квалифицированность, конгруэнтный, корректность, ладит с родителями и коллективом, лояльность, милосердие, молодость, молодость души, мотивированность, надежность, находчивость, нацелен на результат, не навязывает свое мнение, неординарность, равнодушие, нравственность, ораторское искусство, организаторские способности, отсутствие вредных привычек, патриотизм, педагогическая эрудиция, позитив, последовательность, прогрессивность, работоспособность, рассудительность, реакция, реалистичность, самоирония, саморазвитие, самостоятельность, свобода, скрупулезность, снисходительность, соблюдение профессиональной этики, сопереживание, сострадание, способность анализировать, способность принимать других, стремление к новизне, трезвость мысли, убедительность, уважающий ребят, умение доводить начатое до конца, умение находить общий язык, умение планировать, умение улаживать споры, умение слушать, упорство, уступчивость, храбрость, чувство, чуткость, широкой души человек, щедрость, эмоциональная уравновешенность, энтузиазм – 0,5 %.

Таким образом, первые 10 позиций занимают следующие слова и словосочетания, характеризующие идеальный тип учителя: любовь к детям, доброта, терпение, ответственность, справедливость, профессионализм, коммуникабельность, трудолюбие, юмор, порядочность и честность. Представленные слова-качества составляют ядро концептуального поля осознаваемого уровня языкового сознания профессиональной группы «педагог» г. Дивногорска.

Результаты анализа. Проанализировав слова, указанные респондентами в первой позиции, а значит, называющие приоритетное качество педагога, мы пришли к выводу, что 18 % анкетированных учителей самым главным качеством современного учителя считают любовь к детям, 13 % – профессионализм, 7 % – компетентность, 6 % – ответственность и справедливость. Стоит отметить, что рассмотрение приоритетных качеств педагога в возрастном аспекте позволило сделать интересные выводы: чувство любви к детям – неотъемлемая и важнейшая составляющая профессии «педагог», по мнению 21 % респондентов до 35 лет, среди респондентов 36–50 лет было выявлено 17 % сторонников аналогичного мнения, и только 7 % педагогов старшего поколения (от 51 до 70 лет) придерживаются данной точки зрения. Тогда как такие качества, как компетентность и профессионализм признаются определяющими 47 % старшей возрастной группы респондентов, среди

анкетируемых возрастной группы 36–50 лет такого же мнения придерживаются 17 % педагогов, и только 4 % молодых учителей (до 35 лет) называют компетентность и профессионализм приоритетными качествами учителя.

Среди других первостепенных качеств педагогов были названы доброта, знание предмета, дисциплинированность, оптимизм, ум, стрессоустойчивость (такие качества были обозначены 3 % респондентов) и нацеливание на результат, квалифицированность, терпеливость, цифровая грамотность, талантливость, конгруэнтность, молодость души, порядочность, равнодушие, высокие моральные качества, желание развиваться, требовательность, интеллигентность, грамотность, гибкость, любовь к профессии, духовность, спокойствие, трудолюбие, строгость, быть интересным человеком (1 % респондентов).

Таким образом, любовь к детям, профессионализм и компетентность являются обязательными компонентами ценностной картины мира профессиональной группы «педагог». Однако если у молодого поколения учителей в приоритете установление с воспитанниками взаимоотношений, построенных на ощущениях, эмоциях, то педагоги старшего поколения связывают профессиональный путь с приобретенными способностями эффективно выполнять поставленные задачи в самых разнообразных условиях.

Далее рассмотрим результаты социолингвистического анкетирования в возрастном аспекте. Полученные данные были проанализированы по следующим возрастным группам: 23–35 лет (24 человека), 36–50 лет (29 человек), 51–70 лет (15 человек). Представим в таблице первые пять позиций наиболее употребительных слов-качеств.

Концептуальное ядро осознаваемого уровня языкового сознания: возрастной аспект

The conceptual core of the conscious level of linguistic consciousness: the age aspect

	23–35 лет	36–50 лет	51–70 лет
1	Любовь к детям – 67 %	Доброта – 48 %	Терпение и любовь к детям – 60 %
2	Терпение – 46 %	Справедливость и ответственность – 41 %	Юмор, справедливость, профессионализм, доброта – 33 %
3	Ответственность и доброта – 42 %	Профессионализм – 34 %	Порядочность, ответственность, оптимизм – 27 %
4	Коммуникабельность – 33 %	Терпение – 31 %	Трудолюбие, терпимость, тактичность, любовь к профессии, коммуникабельность, доброжелательность, дисциплинированность – 20 %
5	Справедливость – 29 %	Любовь к детям – 28 %	Грамотность, компетентность, любовь к жизни, отзывчивость, правдивость, самообразование, строгость, быть творческим, увлеченность предметом – 13 %

Как видно из таблицы, респондентами разных возрастных групп названы в основном одни и те же качества, которые, по мнению большинства учителей Дивногорска, являются обязательными и определяющими в профессии «педагог». Степень значимости названных качеств различна, например, чувство любви к детям респонденты до 35 лет и после 50 считают самым важным, а для анкетированных 36–50 лет самым главным качеством учителя является доброта. Кроме того, педагогами старшей возрастной группы среди наиболее важных качеств названы такие, которые не вошли в первые 5 позиций у респондентов других возрастных групп, например юмор, порядочность, оптимизм, трудолюбие и др. При этом ни в одной анкете учителей до 50 лет не упоминается такое качество, как правдивость, тогда как в старшей возрастной группе оно занимает пятую позицию по частоте употребления.

Выводы. Таким образом, выявленные путем анкетирования аксиологические особенности осознаваемого уровня языкового сознания профессионального сообщества педагогов Дивногорска позволяют представить социокультурный идеальный тип учителя малого города Красноярского края.

Во-первых, учитель должен любить детей, обладать такими нравственными качествами, как доброта, справедливость, честность и порядочность; быть трудолюбивым, ответственным; владеть специальными качествами – коммуникабельностью и профессионализмом, иметь терпение и, что немаловажно, обладать чувством юмора. Перечисленные качества являются наиболее употребительными в анкетах респондентов, а значит, составляют ядро концептуального поля осознаваемого уровня языкового сознания профессиональной группы «педагог» Дивногорска.

Во-вторых, анализ полученных результатов в возрастном аспекте показал, что разные возрастные группы респондентов называют одни и те же определяющие качества учителя, несущественно различающиеся по степени значимости. Среди них первые 5 позиций по частотности употребления занимают такие качества, как доброта, справедливость, ответственность, коммуникабельность, терпение, профессионализм, любовь к детям. Вместе с тем педагогами возрастной группы старше 50 лет называются определяющими иные качества учителя, как, например, отзывчивость, строгость, грамотность, которые встречаются в анкетах других возрастных групп, но не являются частотными. Обращает на себя внимание тот факт, что в анкетах респондентов старше 50 лет наравне с другими качествами пятую позицию занимает правдивость – слово-ценность, не встретившееся ни в одной анкете респондентов до 50 лет.

В-третьих, анализ первостепенных, т.е. самых важных, качеств учителя (рассматривалась только первая позиция анкеты) позволил прийти к выводу, что приоритетным является любовь к детям, на втором месте профессионализм, на третьем – компетентность, на четвертом – ответственность и справедливость. Однако рассмотрение результатов анкетирования в возрастном аспекте позволяет

говорить о том, что чем старше учитель, тем важнее для него приобретенные умения в решении профессиональных задач, тогда как молодые учителя самым важным качеством считают положительные ощущения во взаимоотношениях с учениками.

Библиографический список

1. Балова И.Н. Взаимодействие преподавателя и студента как условие становления профессиональной картины мира выпускника педагогического колледжа: автореф. дис. ...канд. пед. наук. СПб., 1996.
2. Дмитриева Е.Н. Смысловая парадигма как основа совершенствования профессиональной подготовки педагогов в вузе: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Н. Новгород, 2004.
3. Ястребова Г.А. Педагогическая картина мира: методологические основы исследования профессиональной концептосферы учителя // Известия ВГПУ. 2006. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-kartina-mira-metodologicheskie-osnovy-issledovaniya-professionalnoy-kontseptosfery-uchitelya> (дата обращения: 20.05.2021).
4. Vasilyeva S.P., Vasilyev A.D. The ideas about the profession of «teacher» in the naive picture of the world of native speakers of the Russian language according to the data of the associative experiment // Proceedings of the International Conference «Process Management and Scientific Developments». Birmingham, United Kingdom, May 1, 2021. Part 2 (Васильева С.П., Васильев А.Д. Представления о профессии «учитель» в наивной картине мира носителей русского языка по данным ассоциативного эксперимента) // Управление процессами и научные разработки: материалы Международной конференции. Бирмингем, United Kingdom, 1 мая 2021. Ч. 2. DOI: 10.34660/INF.2021.57.87.022

Сведения об авторе

Устьянцева Елена Викторовна – старший преподаватель кафедры общего языкознания, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-74>

SOCIOCULTURAL TYPE OF A TEACHER IN A SMALL CITY OF KRASNOYARSKY KRAI (CONSCIOUS LEVEL OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS)

E.V. Ustyantseva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

The article presents the results of a sociolinguistic survey aimed at identifying the socio-cultural type of a teacher as an ideal type that meets the requirements of the professional community of teachers working in a small town in the Krasnoyarsk Territory. We have enumerated the most frequent words-qualities that make up the “portrait” of the professional group “teacher”: love for children, kindness, patience, responsibility, fairness, professionalism, communication skills, etc. Age-wise analysis of the results showed that the older the teacher, the more important are qualities associated with professional skills for him or her, while the young generation of teachers prioritizes warm relationships with students.

Keywords: *value picture of a teacher's world, sociolinguistic questioning, words-values, words-qualities, perceived level, linguistic consciousness.*

References

1. Balova I.N. Interaction of a teacher and a student as a condition for the formation of a professional picture of the world of a graduate of a pedagogical college: autoref. diss. St. Petersburg, 1996.
2. Dmitrieva E.N. Semantic paradigm as a basis for improving the professional training of teachers in higher education: author's abstract. dis. ... Doctor of pedagogical Sciences. N. Novgorod, 2004.
3. Yastrebova G.A. Pedagogical picture of the world: methodological foundations of the study of the professional conceptual sphere of the teacher // *Izvestiya VSPU*. 2006. No. 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-kartina-mira-metodologicheskie-osnovy-issledovaniya-professionalnoy-kontseptosfery-uchitelya> (access date: 20.05.2021).
4. Vasilyeva S.P., Vasilyev A.D. The ideas about the profession of “teacher” in the naive picture of the world of native speakers of the Russian language according to the data of the associative experiment // *Proceedings of the International Conference “Process Management and Scientific Developments”*. Birmingham, United Kingdom, May 1, 2021. Part 2.

About the author

Ustyantseva Elena Viktorovna – Senior Lecturer, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: elena_ustianzeva@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-75>

УДК 81

КЛИКБЕЙТНЫЕ ЗАГОЛОВКИ В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ АКТОВ

И.А. Битнер (Красноярск, Россия)**А.В. Коршунова (Красноярск, Россия)****Б.О. Лузин (Красноярск, Россия)**

Аннотация

Постановка проблемы. В статье рассматривается своеобразие кликбейтных заголовков на материале видеохостинга YouTube. Руководствуясь экономическими соображениями, некоторые авторы видеороликов намеренно дают своим видео сенсационные заголовки, которые имеют мало общего с реальным содержанием видео, чтобы максимизировать число переходов по ссылке к просмотру видео. Эти заголовки призваны ввести реципиента в заблуждение насчет истинного содержания текста или видео, создавая особенный психический настрой личности, активизирующий внимание и заставляющий зрителя целенаправленно переключиться на просмотр видеоролика. Подобного рода явления получили название «кликбейт» (англ. clickbait от click «щелчок» + bait «наживка»), или кликбейтный заголовок, который манипулирует читателем, заставляя его перейти по ссылке, вводя его в заблуждение намеренно сенсационной или неполной информацией. Особое внимание уделено доказательству, что кликбейты относятся к классу директивных иллокутивных актов и соответствуют всем критериям, выведенным Дж. Серлем: иллокутивная цель, направление приспособления и условие искренности.

Цель – анализ кликбейтных заголовков как директивных иллокутивных актов на материале видеопортала YouTube.

Методология. Основными методами исследования являются метод качественного контент-анализа, направленного на выявление определенных смыслов, вкладываемых в содержание кликбейтных заголовков как значимых элементов медиатекста, и коммуникативно-прагматический анализ, заключающийся в определении иллокутивной силы директивов.

Результаты. Установлена особенность кликбейтных заголовков, состоящая в том, что их коммуникативная успешность зависит от величины информационной лакуны реципиента, коррелирующей с «зазором любопытства», который должен быть преодолеваемым. Исследования медиaprостранства демонстрируют, что реципиент избегает чрезмерных когнитивных усилий, на преодоление которых направлены кликбейтные заголовки.

Выводы. Исследование кликбейтного заголовка позволило отнести его к классу директивных иллокутивных актов, поскольку в нем намеренно затуманена собственно номинативная функция и выдвинута вперед рекламная с целью особым образом повлиять на поведение реципиента информации.

Ключевые слова: кликбейтный заголовок, теория речевых актов, директивы, иллокутивная сила, иллокутивная направленность, условие искренности, направление приспособления, «зазор любопытства».

Постановка проблемы. На протяжении последних лет эксперты говорят о революции в сфере медиа: телевидение заменяют крупные видеохостинги и стриминг-платформы.

Эпоха YouTube бросает новые вызовы обществу, которому нужны новые стратегии концентрации и удержания внимания, чтобы выработать культуру сознательного потребления видеоконтента. Именно поэтому необходимо изучать те механизмы, которые стоят за кликбейтными заголовками. Оформление коммуникативных речевых актов (стилистические особенности, специфика употребления лексики, синтаксиса и пунктуации) позволяет выделить кликбейты из корпуса других текстов.

Экономические особенности функционирования видеохостинга YouTube приводят к повсеместному распространению кликбейтов, что неминуемо ведет к их натурализации, иными словами, монетизации просмотров [Robertson, 2008]. Видео без кликбейтных заголовков и с нейтральным превью становятся практически незаметными. Кликбейт превращается в новую норму. Одновременно зритель привыкает к малоинформативным, но эмоциональным видео, и для него механика выдвижения вторичного директивного акта и стилистические особенности оформления кликбейта становятся привычными, он буквально теряет способность их воспринимать. Происходит явление конвенционализации, то есть регламентации речевого акта институциональными рамками (в данном случае – системой отношений между менеджерами YouTube, рекламодателями, авторами видео и зрителями) [Колтунова, 2004]. Именно в ходе этого процесса кликбейт как особый случай директивного акта приобретает свою законченную форму.

Как известно, популярность видеохостинга сделала его одной из самых главных рекламных площадок в Интернете. Свои рекламные кампании на YouTube организовывали крупнейшие мировые бренды, такие как Coca Cola, Christian Dior, Intel и др. YouTube транслирует рекламу до, после и во время видеороликов и позволяет получать доход их создателям, заключившим с сервисом партнерское соглашение. Доход от видео складывается из множества факторов, наиболее важным из которых является суммарное количество просмотров. Создателям видеоконтента на YouTube приходится работать в условиях жесткой конкуренции за зрительское внимание из-за возрастающего количества загружаемых на хостинг видео. В свою очередь, пользователи YouTube сталкиваются с огромным объемом медиаинформации, и немаловажную роль в отборе желаемого для просмотра видео играет именно заголовок.

Некоторые авторы видеороликов намеренно используют сенсационные заголовки и привлекательные картинки в видеопревью, которые имеют мало общего с реальным содержанием видео, чтобы максимизировать число переходов по ссылке с видео и поощрить распространение этого видео через социальные сети. Подобного рода заголовки получили название «кликбейт» (англ. clickbait от click «щелчок» + bait «наживка»).

Обзор литературы. Появившись в медиапространстве в конце 90-х гг. XX в., кликбейт получил свое терминологическое оформление, теоретическое описание и практическое обоснование в трудах исследователей в области лингвистики [Баженова, 2016; Беглова, 2017; Добросклонская, 2016; Карасик, 2012; Нухов, 2018;

Negryshev, 2020], журналистики [Богданова, 2019; Бушев, 2018; Вольская, 2018; Казак, 2014; Dimitrova, 2019; Lockwood, 2016; Shinkhede, 2019], теории коммуникации [Алефиренко, 2016; Foer, 2017; Фоер, 2020].

В основу данного исследования положена теория речевых актов, разработанная Дж. Остином и Дж. Серлем [Austin, 1962; Серль, 1986] и их последователями [Демьянков, 1986; Колтунова, 2004; Сусов, 2009 и др.], согласно которой, за любой языковой конструкцией или тем, что работает в качестве таковой, стоит определенное намерение. Языковые знаки никогда не появляются сами собой, как явления природы, они вписаны в структуру человеческой деятельности и неразрывно связаны с проявлением его воли. Любое высказывание распадается на множество актов, которые осуществляются одновременно: происходит движение речевого аппарата (или текст набирается на клавиатуре, пишется ручкой на бумаге), передача информации от человека к человеку. Эта информация порождает в реципиенте определенную психологическую реакцию (радость, скуку, раздражение и т.д.). Таким образом, речевой акт многослоен и распадается на уровни.

Таким же образом медиатекст, будучи креолизованным, т.е. использующим разные иконические системы, воздействует на разные каналы восприятия, а заголовок как его важный структурный компонент призван выполнять определенные функции. Согласно классификации функций заголовка, выполненной В.С. Мужевым, номинативная функция заголовка состоит в том, чтобы раскрыть содержание текста на стадии предварительного знакомства с ним [Мужев, 1970]. Заголовок называет текст по одному из его признаков – теме – либо выдвигает на передний план особенно важный образ, символ, создавая, таким образом, точку фокуса, которая управляет читательским ожиданием. Следовательно, заголовок, составленный с целью максимально следовать своей функции, должен емко, четко и достоверно информировать читателя о рассматриваемых в тексте предметах и явлениях через ключевые слова. Такая текстуальная стратегия создает феномен, в психологии получивший название «зазор любопытства» ('curiosity gap'). [Loewenstein, 1994].

Стратегию «зазора любопытства» до совершенства довели на сайте Upworthy [Фоер, 2020, с. 150]. Для каждой статьи здесь создавалось по 20–25 случайно отбираемых заголовков. Была собрана статистика, которая позволила выяснить, использование каких синтаксических структур и слов совпадает с наибольшим числом просмотров. Тот факт, что кликбейтные заголовки можно генерировать автоматически, свидетельствует о механическом характере воздействия, где читатель или зритель – это не разумный актер, а набор предсказуемых реакций на однотипные стимулы.

Цель – анализ кликбейтных заголовков как директивных иллокутивных актов на материале видеопортала YouTube.

Методология. Существующие работы описывают кликбейты с точки зрения теории дискурса в связи с феноменом постправды или останавливают свое внимание на стилистическом оформлении таких заголовков. Теория речевых актов

Дж. Остина и Дж. Серля позволяет рассмотреть данное явление с другой стороны и осмыслить кликбейтные заголовки на материале портала YouTube, определяя типологические характеристики кликбейтного заголовка как речевого акта.

Как известно, Дж. Остин в своем труде «Слово как действие» выделяет три уровня речевого акта. Локутивный акт (локуция, от англ. locution ‘оборот речи, речение’) представляет собой произнесение высказывания, обладающего фонетической, лексико-грамматической и семантической структурами. Ему присуще значение, пропозициональное содержание. Реализация звуковой структуры приходится на долю фонетического акта, лексико-грамматическая структура реализуется в фатическом акте, а семантическая структура – в ретическом акте. Иллокутивный акт (иллокуция, лат. il- < in ‘в, внутри’), обладая определенной силой, обеспечивает указание не только на значение выражаемой пропозиции, но и на коммуникативную цель этого высказывания. Такой акт конвенционален. Перлокутивный акт (перлокуция, лат. per- ‘посредством’) служит намеренному воздействию на адресата, достижению какого-то результата. Данный акт не является конвенциональным [Сусов, 2009, с. 187]. Перлокутивный акт – это часть речевого акта, а не посткоммуникативный его эффект, он заложен в само высказывание. «Я спросил его (иллокутивная направленность)» – «Я побуждал его ответить (перлокутивная направленность)».

Речевой акт разворачивается одновременно на трех уровнях, различие носит чисто научно-методический характер. Так, осуществляя локутивный акт, говорящий одновременно участвует и в иллокутивном акте, в случае если его высказывание несет определенную цель, например, когда он дает обещание, отвечает на вопрос или извиняется. При этом любой иллокутивный акт подразумевает влияние на информационное состояние собеседника, на его настроение, желание, планы, определенным образом предвосхищает результат направленной коммуникационной деятельности.

Дж. Серль развил учение Дж. Остина и добавил четвертый уровень – пропозициональный, изъяв из локутивного уровня семантическую составляющую и перенес ее на этот уровень. Пропозициональный уровень – уровень, на котором сообщается информация о прошлом, настоящем и будущем. Этот акт дробится на две части: акт референции, где указывается на какое-то лицо или предмет, и акт предикации, где референту сообщаются какие-либо признаки.

В основе классификации иллокутивных актов, по Дж. Серлю, лежит совокупность критериев. Философ выделяет три основных:

1) иллокутивная цель – смысл или цель определенного высказывания. Иллокутивная цель не определяет иллокутивную силу речевого акта целиком, потому что, например, у просьб и приказов одинаковая цель – повлиять на поведение другого человека, но различие между ними кардинально. Важно отметить, что не каждая иллокутивная цель имеет закрепленное за собой перлокутивное воздействие. Так, утверждения зачастую произносятся без какого-либо намерения осуществить на слушателя перлокутивное воздействие;

2) направление приспособления – это способ, согласно которому содержание высказывания должно соотноситься с миром. Иллокуции вида «слова – мир» в качестве части своей иллокутивной цели имеют соответствие слов (а точнее, пропозиционального содержания речи) миру; иллокуции вида «реальность – слова» направлены на достижение соответствия мира словам;

3) условие искренности – это психологическое состояние, возникающее при совершении иллокутивного акта. Так, условием искренности для обещания является то, что говорящий действительно искренно намерен совершить какое-то действие (если человек дает неискреннее обещание, не намереваясь осуществлять действие, позже он может сказать, что на самом деле он ничего не обещал); для извинения – сожаление по поводу совершения тех или иных действий и т.д. Попытка классификации иллокутивных актов на основании выражаемых психологических состояний может привести к следующим заключениям: убеждение объединяет утверждения, констатации, замечания, объяснения, постулирование, декларации, логическую дедукцию и аргументацию. Намерение объединяет обещания, клятвы, угрозы и ручательства. Желание или потребность охватывает просьбы, приказы, команды, мольбы, ходатайства, прошения и упрощивания. Удовольствие же включает поздравления, пожелания удачи, приветствия.

Помимо трех основных, Дж. Серль выделяет целый ряд дополнительных критериев классификации, один из которых представляется наиболее релевантным в анализе кликбейтов, а именно энергичность (strength) иллокутивного акта. Предложения «Я предлагаю пойти в кино» и «Я настаиваю на том, чтобы мы пошли в кино» обладают одинаковой иллокутивной целью, но подаваемой с различной степенью энергичности.

Как известно, не все речевые акты содержат в себе перформативные глаголы. Например, надпись «Свежий хлеб» на витрине булочной, очевидно, является предложением, обращенным к покупателю, однако перформативного глагола «предлагать» в высказывании нет. Кликбейтные заголовки обычно не содержат перформативных глаголов, поскольку заголовки традиционно никогда не содержат прямых обращений к реципиенту от первого лица («Я прошу посмотреть это видео», «Я приказываю посмотреть это видео и т.д.»). Это нарушило бы скрытый характер директива в кликбейте. В случае прямого выражения попытка манипуляции не состоялась бы.

Если в кликбейтном заголовке не содержится прямого указания на директивность, почему возможно воспринимать их как таковые? Каким образом они говорят больше, чем в них содержится? Любой кликбейтный заголовок балансирует на грани между репрезентативом («British Scientists Discovered a Cure for Cancer» – утверждение) и директивом. Как было отмечено выше, номинативная функция заголовка в кликбейте всегда уступает рекламной. В результате директив, который косвенным образом содержится в любом заголовке, становится основной иллокутивной силой речевого акта.

Как заметил Дж. Серль, косвенный речевой акт – это такой речевой акт, который возникает, когда «значение высказывания данного говорящего и значение соответствующего предложения во многих отношениях расходятся» [Серль, 1986]. Такое зачастую бывает при намеках, иронии, метафорах и т.д., когда имеет место расхождение между буквальным значением акта и его подспудным, подлинным намерением.

Описывая механику речевых актов, Дж. Серль указывал, что в косвенных речевых актах говорящий передает слушающему большее содержание, чем то, которое он реально сообщает, и он делает это, опираясь на общие фоновые знания, как языковые, так и неязыковые, а также на общие способности разумного рассуждения, подразумеваемые им у слушающего. Также подчеркивается важность понимания «принципов кооперативного речевого общения». Очевидно, что косвенный (вторичный) речевой акт не был бы распознан, если бы адресат не понимал контекста речевой ситуации.

Результаты исследования. Отличительная черта кликбейтных заголовков заключается в том, что их коммуникативная успешность напрямую зависит от того, что вторичный речевой акт (директив), который выдвигается на первый план, не должен быть очевиден. Фоновые знания о природе кликбейтов, таким образом, будут лишь помехой: повлиять на ваше поведение (иллокутивная цель директивного речевого акта) будет значительно труднее.

Кликбейтный заголовок действует следующим образом: он содержит некоторую информацию, но лишь минимально достаточную, чтобы вызвать у читателя любопытство, при этом не удовлетворить его. Индивиды предпочитают умеренный уровень неопределенности. Чтобы заинтересовать индивида когнитивным заданием, пробел между его знаниями и тем, что он стремится узнать, должен быть преодолеваемым. Если лагуна слишком велика, индивид отказывается от чрезмерных когнитивных усилий; если слишком мала – ему становится скучно. Исследования медиапространства демонстрируют неоспоримые факты: аудитория игнорирует сложные для понимания новости и видео, которые трудно усвоить, или, наоборот, тривиальные новости, которые не пробуждают любопытство.

Типичным примером кликбейтного заголовка, построенного по модели ‘curiosity gap’ («зазор любопытства»), будет ‘Nine of ten Americans were SHOCKED when they learned this AMAZING fact’. Заголовок указывает на тематику статьи – некий удивительный факт, однако не сообщает почти никаких подробностей, пуская в дело читательское любопытство и вынуждая его перейти по ссылке. В данном случае номинативная функция заголовка уходит на второй план, а превалирующей становится его рекламная функция, т.е. создание особенного психического настроя личности, активизирующего внимание и заставляющего зрителя целенаправленно переключиться на просмотр видеоролика. Кликбейтные заголовки часто играют на чувстве любопытства, удивления или пытаются намеренно шокировать зрителя, вызывая его возмущение («What Putin thinks about gays – BBC NEWS»). Кликбейтный заголовок помещает зрителя ви-

део в особенное психоэмоциональное состояние, которое заставляет его отвлечься от других стимулов и стать потребителем конкретного медиаконтента.

Кликбейтные заголовки видео оформлены по определенным правилам текстовой организации, благодаря которым они заметны в корпусе других текстов. Эти правила выделились и закрепились, потому что продемонстрировали свою эффективность в воздействии на читателя. Благодаря совокупности языковых элементов с точки зрения их выразительного потенциала, определяемого И.В. Арнольд как стилистическая функция, т.е. взаимодействие языковых средств в тексте, он обеспечивает передачу наряду с предметно-логическим содержанием также заложенной в нем экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации [Арнольд, 2002]. Частотность употребления тех или иных способов текстовой организации позволяет говорить не просто об окказиональном употреблении кликбейтов в конкретных видео, но о целом семиотическом коде.

Для привлечения и удержания внимания используются разнообразные средства (риторические вопросы, лексические повторы, графическое выделение слов заглавными буквами, шрифтом и т.д.), анализ которых позволяет очертить определенные типологические контуры кликбейта, такие как стилистические особенности, специфика употребления лексики, синтаксиса и пунктуации. Например, нагруженные оценочными коннотациями эпитеты вызывают у зрителя любопытство и желание разделить чувство автора: «Top 5 Mysterious Gigantic Sea Monster Sightings – September 2018 | HollywoodScotty VFX», а использование гиперболы в кликбейтах искусственным образом повышает зрительский интерес, создает иллюзию свидетельства чего-то важного, выдающегося, уникального. Очень часто заявленная гипербола воспринимается зрителем не как стилистический прием, а как действительное положение дел: «The World's Sharpest Knife | Ashens».

Для подобного рода заголовков характерно частое употребление слов, описывающих эмоции, причем нередко такие слова заключены в скобки в конце предложения: «This is what single Tana in Miami looks like... (scary)». Другой лексической особенностью можно считать использование личных местоимений первого и второго лица, которые всегда указывают на распределение ролей в коммуникативной ситуации, таким образом, создавая ощущение живого диалога между адресатом и адресантом, добавляя интимизации повествованию. В случае наличия местоимения *you* в заголовке создается иллюзия обращения к зрителю напрямую, что привлекает к себе дополнительное внимание: «You will not believe what my drone caught on camera deep in the mountains (crazy person in mines!!); I Paid For A Tarkov Training Service. It Was Epic». Также частотны указательные местоимения, которые благодаря размытости смысла в заголовке могут наполняться различным контекстуальным значением, создавая у адресата впечатление большей эмоциональной насыщенности за счет наглядности, будто бы указывается на что-то в его присутствии: «I HAVE MADE MILLIONS OFF THIS METHOD! Madden 20 Coin Making Method».

На синтаксическом уровне иллокутивная сила директивов мощнее всего реализует себя в глаголах повелительного наклонения, которое используется для выражения таких форм волеизъявления, как команды и просьбы (которые как раз и являются директивами): «Watch this till the end!!!». В свою очередь, отрицательные конструкции позволяют играть на чувстве противоречия, возбуждая любопытство, несогласие: «You Won't Believe it...»; «What you will see is IMPOSSIBLE...»; «20 IMPOSSIBLE MOMENTS IN SPORTS HISTORY». Неполные предложения создают эффект «зазора любопытства»: из предложения опускается какой-то важный смысловой элемент, что интригует и заставляет зрителя нажать на превью: «Another one...». Некоторые заголовки не могут даже считаться предложениями в силу нарушения синтаксической связи между словами. Такие наборы ключевых слов проще обрабатываются алгоритмами, и видео выводится выше в поисковом запросе: «Joker vs Frozen Elsa Learn Color Spiderman Makeup limbs beautiful Masha little girl Superhe...», однако также способствуют эффективности воздействия на реципиента информации.

Обилие многоточий, вопросительных и восклицательных знаков, написание заглавными буквами создают ощущение повышенной эмоциональной значимости содержимого видео, особенно в сочетании с денотатом, связанным с деньгами, успехом и т.д. Пунктуация зачастую избыточна до абсурда. По нашим наблюдениям, относительно недавно в заголовки стали добавлять emojis – красочные иконки, выражающие определенные эмоции: «TRY NOT TO LAUGH 😊🔥🐱».

Безусловно, существуют случаи, когда кликбейтные заголовки используются автором видео иронично, для создания комического эффекта, то есть в своем использовании типичных для кликбейта приемов автор не до конца искренен и сохраняет определенную критическую дистанцию. Здесь возникает ситуация «кликбейта наоборот» – зритель переходит по ссылке, желая убедиться в том, что заголовок видео действительно является кликбейтом, однако обнаруживает, что пропозициональное содержание заголовка и содержания видео совпадают, то есть он обманывается иным способом. Тем не менее на уровне действий такой механизм ничем не отличается от традиционного кликбейта.

Выводы. Многие кликбейты используют «зазор любопытства» – стратегию подачи информации, когда адресату сообщается небольшое количество информации, которого недостаточно, чтобы сформировать цельное впечатление, но которого хватает, чтобы распалить любопытство. Специфика кликбейтного заголовка как директива заключается в том, что его номинативная функция уходит на второй план и преобладающей функцией становится рекламная, а особенности оформления коммуникативных речевых актов выделяют их из корпуса других текстов.

Можно утверждать, что кликбейтный заголовок – это такой заголовок, который манипулирует читателем, заставляя его перейти по ссылке, вводя его в заблуждение намеренно сенсационной или неполной информацией. И в этой связи кликбейтный заголовок видео на YouTube по всем параметрам может быть отнесен к подклассу директивов, поскольку представляет собой попытку особым образом повлиять на поведение зрителя.

Заключение. В настоящей статье произведен анализ кликбейтных заголовков в свете теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля, что позволяет отнести кликбейтный заголовок к классу директивных иллокутивных речевых актов – действий, имеющих иллокутивный аспект, выраженный в цели, и перлокутивный аспект, заключающийся в воздействии на говорящего. Иллокутивная сила кликбейтного заголовка проявляется в намерении повлиять на поведение другого человека, условием искренности является серьезность намерений адресанта, а направлением приспособления – корреляция действий реципиента информации с ожиданием автора видео. Все это соответствует критериям директивных иллокутивных речевых актов.

Кликбейт настолько успешен, насколько он незаметен. Кликбейты так значительно повлияли на норму стилистического оформления медиатекста, что используемые в них приемы считаются разновидностью нормы, и потому их манипулятивность в большинстве случаев остается незамеченной реципиентом. Становится очевидным, что понимание механизмов работы кликбейтов необходимо для соблюдения новой «информационной гигиены», которая позволит противодействовать манипулятивному характеру кликбейтного контента в Интернете.

Анализ механизма кликбейтности может быть продолжен в двух направлениях. Во-первых, необходимо подключить к исследованию аппарат визуальной семиотики, для того чтобы понять, каким образом оформление превью видео взаимодействует с кликбейтным заголовком и усиливает эффект директивности. Во-вторых, возможно рассмотрение механики кликбейтов и создаваемого ими эффекта «постправды», нового типа истины в современном медиапространстве, для которого не нужна апелляция к фактам и проверенным источникам, а только к эмоциям и убеждениям.

Библиографический список

1. Алефиренко Н.Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность [Электронный ресурс] // Медиалингвистика. 2016. № 1 (11). С. 49–57. URL: <https://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativnopragsmaticheskaya-sushchnost>
2. Арнольд В.И. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М.: Флинта; Наука, 2002. 384 с.
3. Баженова Е.Ю. Гибридность интернет-газеты как лингвистический параметр // Интерактивная наука. Филология. 2016. № 6. С. 79–81.
4. Беглова Е.И. Вербальная реализация паратекстуальности в аспекте интертекстуальности в современном газетно-журнальном тексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 6. С. 152–155.
5. Богданова Д.А. Кликбейты и листиклы современные приемы подачи информации онлайн-новыми медиа // Народное образование. 2019. № 4 (1475). С. 203–210.
6. Бушев А.В. Медиаграмотность в условиях политики пост-правды // Современный дискурс-анализ. 2018. С. 23–28.
7. Вольская Н.Н. Кликбейт как средство создания ложной информации в интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Медиаскоп. 2018. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2450>
8. Демьянков В.З. Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. 1986. № 17. С. 170–194.

9. Добросклонская Т.Г. Новостной дискурс как объект медиалингвистического анализа // Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования. Белгород: НИУ БелГУ Белгород, 2016. С. 13–22, 53.
10. Казак М.Ю. Специфика современного медиатекста [Электронный ресурс]. М.: Современный дискурс-анализ, 2014. С. 320–334. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/8687/1/Kazak_Spetsifika.pdf
11. Карасик В.И. Лингвосемиотическое моделирование ценностей // Политическая лингвистика. 2012. № 1 (39). С. 43–50.
12. Колтунова М.В. Конвенционализация директивных иллокутивных актов в письменном и устном институциональном общении // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС-Пресс, 2004. Вып. 28. 192 с.
13. Мужев В.С. О функциях заголовков // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореца. Вопросы романо-германской филологии. М., 1970. Вып. 55. С. 86–94.
14. Нухов С.Ж. Игра шрифтом как модный графический прием языковой игры в медийных заголовках // Вестник Башкирского государственного университета. 2018. Т. 23, № 1. С. 164–172.
15. Серль Дж. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 83–116.
16. Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. 17. С. 59–82.
17. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.
18. Фоер Ф. Без своего мнения. Как Google, Facebook, Amazon и Apple лишают вас индивидуальности. М.: Бомбора (издательская группа «Эксмо»), 2020. 296 с.
19. Austin J.L. How to do things with words. Oxford at the Clarendon Press, 1962. 174 p.
20. Dimitrova L. Official Statistics as Clickbait –The New Threat in the Post-truth Society? // Journal of Mathematics and System Science. 2019. № 9. P. 95–99.
21. Foer F. World Without Mind: The Existential Threat of Big Tech. Penguin Press, 2017. 272 p.
22. Lockwood G. Academic clickbait: articles with positively-framed titles, interesting phrasing, and no wordplay get more attention online. 2016. URL: <https://thewinnower.com/papers/4892-academic-clickbait-articles-with-positively-framed-titles-interesting-phrasing-and-no-wordplay-get-more-attention-online>
23. Negryshev A.A. The macrostructure of news media text: discursive approach // Russian Linguistic Bulletin. 2020. No. 1 (21). P. 154–156. DOI: 10.18454/RULB.2020.21.1.23
24. Robertson A. YouTube has 1.8 billion logged-in viewers each month // 2008. URL: <https://www.theverge.com/2018/5/3/17317274/youtube-1-8-billion-logged-in-monthly-users-brand-cast-2018> (дата обращения: 14.01.2021).
25. Shinkhede Ch. Digital Frailty: Proliferation of Clickbait, Beguiled Readers, and Questioning the Morality of Online Journalism // Pen Acclaims. 2019. Vol. 6. P. 1–14. URL: <http://www.penacclaims.com/issues/>

Сведения об авторах

Битнер Ирина Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ibitner@mail.ru

Коршунова Анжелика Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: ankorr@inbox.ru

Лузин Борис Олегович – студент факультета иностранных языков, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева; e-mail: boris.o.luzin@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-75>

CLICKBAIT HEADLINES THROUGH THE PRISM OF SPEECH ACTS THEORY

I.A. Bitner (Krasnoyarsk, Russia)

A.V. Korshunova (Krasnoyarsk, Russia)

B.O. Luzin (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article discusses the peculiarities of YouTube video clickbait headlines. Some video makers are profit-conscious and deliberately headline their videos using eye-catching words that often have nothing to do with the real content in order to maximize the number of clicking the links. Such headlines aim at deceiving the recipients as for the content of the text or video, affecting their perception, attracting their attention and making them watch the video after all. Such headlines are known as clickbait, for they trap the reader or viewer with deliberately sensational or incomplete information. In this case promotional impact purposefully overrides the nominative function resulting in the peculiarity of the clickbait. The form of speech acts, including stylistic, lexical, syntactical, spelling and punctuation features, makes them stand out of other texts corpus. Particular attention is paid to discerning them as directive illocutionary acts and to proving that they meet all Searle's requirements for such phenomena including illocutionary point, condition of sincerity, direction of fit.

The purpose of the article is to analyze YouTube video clickbait headlines as directive illocutionary acts.

Research methodology. The main method of research is qualitative content-analysis that involves revealing a specific meaning expressed with a clickbait headline as a significant element of a media text, as well as a communicative-pragmatic analysis aimed at identifying directive illocutionary force.

Research results. Communicative success of clickbait headlines correlates with the "curiosity gap" manifesting itself in recipient's information lacuna. The recipient should be able to bridge the former to avoid excessive cognitive attempts, clickbait headlines being a tool for that.

Conclusions. Clickbait headlines analysis results in identifying them as directive illocutionary acts, for they foreground the perlocutionary function deliberately neglecting nominative one, thus manipulating an information recipient.

Keywords: *clickbait headline, speech acts theory, directives, illocutionary force, illocutionary point, condition of sincerity, direction of fit, "curiosity gap".*

References

1. Alefirenko N.F. Mediadisourse and its Communicative-Pragmatic Nature // *Medialingvistika (Medialinguistics)*. 2016. No. 1 (11). P. 49–57. URL: <https://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativnopragsmaticheskaya-sushchnost>.
2. Arnold V.I. *Stylistics. The Modern English Language. University textbook. 5th edition, revised and updated.* M.: Flinta; Science, 2002. 384 pp.
3. Bazhenova E.Yu. Hybridity of an Internet-newspaper as a Linguistic Parameter // *Interaktivnaya nauka. Filologiya (Interactive Science. Philology)*. 2016. No. 6. P. 79–81.
4. Beglova E.I. The Verbal Actualization of Paratextuality in the Light of Intertextuality in Modern Journalese // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo (Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevskii)*. 2017. No. 6. P. 152–155.

5. Bogdanova D.A. Clickbaits and Leaflets Modern Methods of Information Presentation by On-line Media // *Narodnoe obrazovanie (Public Education)*. 2019. No. 4 (1475). P. 203–210.
6. Bushev A.V. Media literacy as precondition for post-truth policy // *Sovremennyj diskurs-analiz (Modern Discourse Analysis)*. 2018. P. 23–28.
7. Vol'skaya N.N. Clickbait as a Means of False Informing in Internet Communication // *Mediaskop (Mediascope)*. 2018. No. 2. URL: <http://www.mediascope.ru/2450>
8. Demjankov V.Z. Searle J. A Classification of Illocutionary Acts // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike (The New in Foreign Linguistics)*. 1986. No. 17. P. 170–194.
9. Dobrosklonskaya T.G. News Discourse as a Subject of Media Linguistic Analysis // *Diskurs sovremennyh mass-media v perspektive teorii, social'noj praktiki i obrazovaniya (Modern Mass Media Discourse in the Prism of Theory, Social Practice and Education)*. Izdatel'skij dom Belgorod, NIU BelGU Belgorod (Publishing House Belgorod, Scientific Research University, Belgorod State University, 2016. P. 13–22.
10. Kazak M.Yu. Specifics of contemporary media text. M.: *Sovremennyj diskurs-analiz (Modern Discourse Analysis)*, 2014. P. 320–334. URL: http://dSPACE.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/8687/1/Kazak_Spetsifika.pdf
11. Karasik V.I. Linguosemiotic modeling of values // *Politicheskaya lingvistika (Political linguistics)*. 2012. No. 1 (39). P. 43–50.
12. Koltunova M.V. Conventionalization of Directive Illocutionary Acts in Written and Oral Institutional Communication // *Yazyk, soznanie, kommunikaciya (Language, Conscious, Communication): Collected papers / ed. by V.V. Krasnyh, A. I. Izotov. M.: MAKS Press, 2004. Vol. 28. 192 p.*
13. Muzhev V.S. On the Functions of Headlines // *Uchenye zapiski MGPIIYA im. M. Toresa. Voprosy romano-germanskoj filologii (Memoirs of Moscow State Pedagogic Institute of Foreign Languages named after M. Toresa. Issues of Roman-Germanic Philology)*. Moscow, 1970. Vol. 55. P. 86–94.
14. Nuhov S.Zh. Manipulations with print as a popular graphic means of wordplay in media headlines // *Vestnik Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta (Bashkir State University Bulletin)*. 2018. Vol. 23, No. 1. P. 164–172.
15. Searle J. Indirect Speech Acts // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike (The New in Foreign Linguistics)*. M., 1986. Is. 17. P. 83–116.
16. Searle J. What is a Speech Act // *Novoe v zarubezhnoj lingvistike (The New in Foreign Linguistics)*. M., 1986. Is. 17. P. 59–82.
17. Susov I.P. *Linguistic Pragmatics*. Vinnica: Nova Knyga, 2009. 272 p.
18. Foer F. *World Without Mind: Why Google, Facebook, Amazon and Apple Threaten Our Future*. M., Bombora (izdatel'skaya gruppа “EKSMO” (Publishing Group EKSMO)), 2020. 296 p.
19. Austin J.L. *How to do things with words*. Oxford at the Clarendon Press, 1962. 174 p.
20. Dimitrova L. Official Statistics as Clickbait The New Threat in the Post-truth Society? // *Journal of Mathematics and System Science*. 2019. No. 9. P. 95–99.
21. Foer F. *World Without Mind: The Existential Threat of Big Tech*. Penguin Press, 2017. 272 p.
22. Lockwood G. Academic clickbait: articles with positively-framed titles, interesting phrasing, and no wordplay get more attention online 2016. URL: <https://thewinnower.com/papers/4892-academic-clickbait-articles-with-positively-framed-titles-interesting-phrasing-and-no-wordplay-get-more-attention-online>
23. Negryshev A.A. The macrostructure of news media text: discursive approach // *Russian Linguistic Bulletin*. 2020. No. 1 (21). P. 154–156. DOI: 10.18454/RULB.2020.21.1.23
24. Robertson Adi. YouTube has 1.8 billion logged-in viewers each month. 2008. URL: <https://www.theverge.com/2018/5/3/17317274/youtube-1-8-billion-logged-in-monthly-users-brand-cast-2018> (access date: 14.01.2021).
25. Shinkhede Ch. Digital Frailty: Proliferation of Clickbait, Beguiled Readers, and Questioning the Morality of Online Journalism // *Pen Acclaims*. 2019. Vol. 6. P. 1–14. URL: <http://www.penacclaims.com/issues>

About the authors

Bitner Irina Aleksandrovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ibitner@mail.ru

Korshunova Anzhelika Vladimirovna – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: ankorr@inbox.ru

Luzin Boris Olegovich – BA Candidate, IO-Б16А-01(Б), Faculty of Foreign Languages, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: boris.o.luzin@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-76>

УДК 81'272

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

А.Д. Васильев (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Вопросы языковой политики постоянно актуальны для любого государства, в том числе и для России, которая, как утверждается официально, является многонациональной страной. Согласно действующей конституции, к тому же вполне объективно, государственным языком РФ выступает русский язык; поправки к основному закону 2020 г. наконец исторически справедливо установили государствообразующий статус русского народа.

Естественно, что текущие речесвязанные процессы в разных сферах жизнедеятельности социума порождают различные коллизии. Это касается и области официального общения – законотворчества, правоприменения, судопроизводства и подобного. Поэтому объяснимо спорадическое внимание власти к вопросам использования русского языка как государственного.

Таков был стержень повестки заседания Совета по русскому языку, прошедшего 5 ноября 2019 г. под личным председательством В.В. Путина. Однако на заседании не обсуждались насущные задачи четкой дифференциации устойчивых разновидностей применения национального языка и их нормативной маркированности, некоторые методологические принципы практической лексикографии, вероятные лингводидактические новации и конкретные формы их внедрения; наконец, вопросы юрислингвистического и собственно юридического характера.

Цель статьи – анализ терминологического аспекта языковой политики в России.

Очевидно, что термин «государственный язык» должен быть наполнен четким понятийным содержанием. Это позволит также укрепить его место и в общественном сознании.

Ключевые слова: языковая политика, русский язык, государственный язык, Конституция РФ, терминология, лексикография, профильное образование, законодательство, нормативные акты, юрислингвистика.

Постановка проблемы. Вопросы языковой политики, вне зависимости от конкретных форм ее осуществления, являются неизменно актуальными для очень многих, поскольку непосредственно касаются их жизнедеятельности как членов макросоциума.

Оставляя в данном случае за пределами внимания не менее интересные в лингвистическом и иных аспектах тенденции и уже известные результаты культурно-речевых процессов [Васильев, 2019], сосредоточимся лишь на проблеме государственного языка, который, собственно, является таким же значимым символом суверенитета, как гимн, флаг и герб.

Единый язык выступает в роли мощного фактора, сплачивающего страну в одно целое за счет пронизывающих ее территорию в разных направлениях

и на разных уровнях информационных потоков. Они связывают между собой людей, их микро- и макрогруппы, обеспечивая устойчивость индивидуальных и коллективных контактов, способствуя сложению известного социокультурного изоморфизма населения. Это, в свою очередь, чрезвычайно важно, среди прочего, для эффективности масштабных управленческих решений. Следовательно, применяемый в таких целях язык должен быть общеобязательным, унифицированным и стандартизированным.

Естественно, что тот же самый язык успешно используется и в качестве средства бытовой коммуникации, но тогда его употребление поддерживается в основном узусом устной речи (хотя сегодня все более распространенными становятся письменные формы ее фиксации, которые возможно определить как креолизованные из-за обилия пиктографических и идеографических элементов). Государственный же язык, строго говоря, – гипертрофированное, как будто в статусе самостоятельного массива ответвление официально-делового стиля литературного языка, функционирование которого основывается на соблюдении четко кодифицированных норм, существуя преимущественно в письменных текстах. Иначе говоря, государственный язык – одна из частных модификаций литературного языка, который традиционно и совершенно справедливо квалифицируется классиками отечественной лингвистики как историко-культурный феномен (см. труды В.В. Виноградова, Ф.П. Филина, В.В. Колесова, Б.А. Ларина и др.). Об этом хорошо известном специалистам обстоятельстве, однако, сегодня приходится напоминать в связи с некоторыми недавними организационными мероприятиями в сфере языковой политики.

Обзор литературы по теме. Предварительно следует сказать, что государство способно воздействовать на язык (точнее, наверное, на речекоммуникативное поведение) своих граждан по трем основным каналам: это система образования, предлагающая учащимся образцы речевой культуры; законодательство, регламентирующее употребление языка (языков) в определенных функциях и ситуациях; средства массовой информации. Не характеризуя здесь эффективность каждого из названных каналов, скажем лишь, что первый из них в силу ряда причин не всегда оказывается достаточно действенным; тексты второго, как правило, малоизвестны обывателям; дискурс третьего зачастую вообще далек от понятия элементарной грамотности.

Тем не менее государство обычно придает особую важность именно юридическим актам, что вовсе не случайно. Ведь в таких случаях благодатным материалом, подлежащим обработке, оказывается совокупность текстуальных произведений прежде всего самого государства, включая его различные подразделения и множество их тружеников. Кроме того, первоочередное внимание (и справедливо) уделяется соблюдению правил орфографии и пунктуации. Но, вероятно, не стоит ограничиваться только этим.

Довольно проблематично назвать какие-либо грандиозные достижения послевоенной языковой политики, сопоставимые по масштабам и результатам с

кампанией ликбеза или изобретением алфавитов для многих народов, до того никогда не имевших письменности (см. об этом [Григорьева, 2004, с. 124; и др.; Васильев, 2018, с. 17–18; Фролов, 2011, с. 8]). Правда, были приняты некоторые юридические акты и иные руководящие документы, но говорить об их действенности вряд ли возможно (см. [Васильев, 2008]).

Цель статьи – анализ терминологического аспекта языковой политики в России методом дискурсивного анализа.

Результаты исследования. Судя по всему, представители власти избирают для своей деятельности в этой сфере тот вектор, который представляется им наиболее многообещающим, а именно – официальный сегмент русской речевой коммуникации. Понятно, что здесь оперативное поле деятельности чиновников принадлежит им безраздельно: ведь для повышения уровня культуры речи населения вообще необходимы были бы мероприятия, сравнимые с культурной революцией первых советских лет, естественным образом менявшие также социально-бытовые условия жизни граждан. Что же касается документооборота, то для его совершенствования не требуется значительных усилий в образовании, например: достаточно узаконить определенные акты. Лингвистическая же составляющая таких мероприятий может игнорироваться властными нелингвистами с легкостью необыкновенной. Например, можно не сомневаться в результативности обещания М. Мишустина: «Правительство проведет экспертизу правил русского языка» (Россия-24. 06.08.20) – наверняка все подчиненные ему министры владеют упомянутым языком, а потому легко справятся с этой задачей.

Но предполагаемой ревизией правил, по-видимому, теперь решили не ограничиваться, сосредоточившись, как уже было сказано, на одной из областей функционирования русского языка. При этом, вероятно, будут инициированы определенные процессы, в которых немалую роль играют используемые термины.

Следует обратить внимание на словосочетание *государственный язык*, по-видимому, терминологизированное и официально применяемое в РФ по отношению к русскому языку.

Напомним, что в Советском Союзе законодательно установленного государственного языка не было: в соответствии с доминировавшей тогда идеологией русский язык как один из языков действительно многонациональной страны выступал в роли средства межнационального общения, не обладая по сравнению с остальными какими-либо преимуществами либо привилегиями. При этом во многих сферах коммуникации русский язык предпочитался другим – не директивно, но прежде всего в силу общедоступности владения им.

Ситуация радикально изменилась после падения советской власти. В ч. 1 ст. 68 Конституции РФ говорится: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык» [Цит. по: Конституция, 2009, с. 4]; после текстуальных изменений 2020 г. была принята формулировка: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в много-

национальный союз равноправных народов Российской Федерации» [Конституция, 2020]. Можно сказать, что такое уточнение является довольно значимым (наконец-то признано непреходящее значение русского народа как государствообразующего), однако некоторая путаница присутствует и здесь¹. Ведь уже было официально признано, что в области идеологии (мифотворчества) советскую власть превзойти пока не удалось: тогда «даже придумали общность людей – *советский народ*. Мы говорим про *российский народ*, но это пока не то» [Путин, 2010]. Очевидно, отсюда и многие естественные затруднения как в осуществлении последовательной языковой политики, так и в использовании точных, т.е. недвусмысленно именующих, денотат, терминов и терминоидов.

Немаловажную роль в официальном применении словосочетания *государственный язык* очевидно играет коннотация прилагательного *государственный*, осеняющего определяемое им неким ореолом державности, иначе говоря – сакральности.

Достаточно обоснованно полагают, что государственный язык – «сугубо юридический феномен» [Голев, 2008, с. 15]. На нем «по конституции осуществляются деятельность государственных учреждений, правовая деятельность (в первую очередь в статусе языка судопроизводства), межнациональные отношения, образование и др.» [Голев, Сологуб, 2008, с. 77]. По всей вероятности, в это «др.» допустимо включать документацию предприятий всех форм собственности, до некоторой степени – отдельные речевые акты СМИ.

Можно было бы сказать, что явление, обозначаемое сегодня как *государственный язык* в РФ, во многом (по крайней мере, по своему предназначению и довольно ограниченному набору стандартизованных языковых средств) близко, если не совпадает совершенно, с лингвистическими параметрами подсистемы литературного языка, традиционно именуемой иначе, хотя и не без известных вариаций ее понятийного наполнения. Ср., например: «*стиль административный* (стиль канцелярский). Стиль, характерный для деловой переписки, официальных бумаг и т.п., характеризующийся педантизмом построения и употреблением специфических (часто, но не всегда) архаизованных слов и выражений» [Ахманова, 1966, с. 455] (здесь упоминаются также, но без дефиниций, *стиль официальный*, *стиль официально-документальный*). – «*Официально-деловой стиль*

¹ По всей вероятности, это происходит, во-первых, из-за упорного почти большевицкого отношения к великороссам; во-вторых, вследствие очевидной и неуместной торопливости, с которой создавались многие поправки к конституции образца 2020 г. Ср., например, вряд ли абсолютно конгруэнтные и в юридическом, и в обыденном понимании формулировки, под которыми подразумеваются как будто идентичные денотаты: «многонациональный народ Российской Федерации» (преамбула) – «многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» (ч. 1 ст. 68) – «культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа» (ч. 4 ст. 68) и проч. (о подобных играх в слова см., например, [Васильев, 2013, с. 321–358; и др.; Васильев, 2019, с. 171–217; и др.]). Кстати, иногда рациональные суждения обнаруживаются и у подзабытых авторов: «Россия – пестрая в национальном отношении страна» [Ленин, 1976, с. 122].

обслуживает сферу правовых отношений – законодательство и делопроизводство. В его составе выделяются подстили: 1) собственно законодательный (закон, указ, гражданские и уголовные акты, уставы), 2) административно-канцелярский (акт, распоряжение, приказ, деловые бумаги: заявление, характеристика, автобиография, доверенность, расписка), 3) дипломатический (нота, меморандум, коммюнике, соглашение, конвенция)» [Леонова, 1989, с. 169]. – «...*Офиц.-деловой* – стиль деловых бумаг и спец. общения в экономич., юридич., дипломатич. сферах, в гос. учреждениях и т.п.» [Мурот, 1990, с. 567]. Строгие стилевые закономерности *официально-делового стиля* обусловлены тем, что он обслуживает деловые отношения между людьми, учреждениями, странами, между гражданами и государством, т.е. административно-правовую сферу социальной жизни [Сурикова].

Допустимо считать, что *государственный язык* РФ является гипертрофированным – вследствие освящения властью – именованием того, что ранее (суммарно) обозначалось термином *официально-деловой стиль* (хотя закон, призванный – вроде бы – регламентировать употребление «государственного языка», не только, мягко выражаясь, несовершенно, но и малоизвестен [Васильев, 2008, с. 72–116]).

Вполне естественно, что именно функционирование русского языка в законодательстве, документообороте и подобных коммуникативных сферах логично объясняет внимание к нему со стороны властей предрежащих. Кроме того, возможно, у некоторых высоких руководителей и их обслуги существует свойственная лингвистам иллюзия о легкости и общедоступности воздействия на законы и материю языка (даже не речи!), а также вполне понятное желание продемонстрировать населению быстрые и зримые успехи хотя бы какой-то из реформ, кроме пенсионной.

В первую очередь этими обстоятельствами объясняется недавнее (5 ноября 2019 г.) заседание Совета по русскому языку, в котором президент РФ принял личное участие. Среди ряда выступлений на этом мероприятии, кроме более или менее откровенных просьб о госбюджетном финансировании тех или иных научно-лингвистических исследований, а также разного рода юбилейных торжеств, музейных мероприятий и тому подобных «посиделок», по удачному определению В.В. Путина, прозвучали и достаточно рациональные – и не только в общенаучном отношении. В частности, о необходимости создания новейшего (по всей вероятности – академического) толкового словаря русского языка, урегулирования современного правописания (см. [Васильев, 2018, с. 42–68]), совершенствования текстов нормативных актов и документов для соответствия их требованиям понятности, определенности и недвусмысленности [Васильев, 2010, с. 285–286; Воробьева, 2014].

Оправданная настойчивость по поводу жизненно необходимого возрождения полноценного пятилетнего филологического образования, ошельмованного и уничтоженного по чужестранным лекалам, звучала в аргументированных выступлениях Л.М. Кольцовой и С.А. Кузнецова, отчасти – Б.П. Екимова. Правда, до сих пор неизвестно, будет ли наконец, сделан административно-практический

вывод из этих предложений, очень близких и понятных преподавателям лингвистических дисциплин. В случае продолжения порочной практики двухступенчатого учебного процесса, декорированной псевдоученым пустословием и множеством ненужных бумаг, какого-либо улучшения подготовки учителей-словесников ожидать невозможно. Собственно, ведь и В.В. Путин в своем вступительном слове говорил о «повышении качества подготовки профильных педагогов».

Впрочем, вполне объяснимо, что главные акценты обсуждения были расставлены председательствовавшим, и столь же логично – согласно его должностным интересам. В соответствии с ними на первом плане, разумеется, находятся «нормы современного литературного языка (вероятно, русского. – *А.В.*) при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации» [Заседание Совета] – и это обоснованно. Несколько более дискуссионным представляется непосредственно следующее предложение: «Они (нормы) должны стать обязательными для использования всеми государственными структурами, будь то органы власти – и исполнительные, и судебные, законодательные – и школы, средства массовой информации» [Там же]. Собственно, здесь отчасти воспроизведены некоторые нечеткие положения Федерального закона «О государственном языке Российской Федерации» (см. [Васильев, 2008, с. 74, 76–79, 93–97; и др.]).

Из вышецитированного логично вытекают формулировки, содержащиеся в перечне поручений президента от 1 марта 2020 г. по итогам упомянутого заседания. Приведем некоторые из них: «...издать нормативный правовой акт, предусматривающий утверждение Правительством Российской Федерации норм современного русского литературного языка при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации»; «утвердить требования к составлению словарей, содержащих нормы современного русского литературного языка, соблюдение которых требуется при его использовании в качестве государственного языка Российской Федерации, а также утвердить такие словари, включая толковый словарь государственного языка Российской Федерации» [Перечень поручений].

Возникают некоторые вопросы преимущественно лингвистического и лингводидактического характера.

Существуют ли какие-то специфические нормы современного русского литературного языка именно при его использовании в качестве государственного языка – и могут ли они действительно существовать?

Каковы научно-лингвистические основания кодификации этих гипотетических норм?

В чем радикальные отличия толкового словаря государственного языка РФ от толкового словаря русского литературного языка – в селекции и представлении лексико-фразеологических единиц?

Кого и в каких учебных заведениях будут обучать государственному языку? Преподаватели какой квалификации станут выполнять эту важную задачу? Какие методики и дидактические пособия для этого необходимы?

Кто (какое учреждение) и каким образом будет производить «осуществление контроля за соблюдением должностными лицами органов и организаций, государственными и муниципальными служащими, гражданами норм и правил современного русского литературного языка в сферах, в которых использование государственного языка Российской Федерации является обязательным» [Перечень поручений]? Каким санкциям будут подвергнуты потенциальные нарушители?

По всей вероятности, на эти и им подобные вопросы сможет ответить межведомственная комиссия по русскому языку при Правительстве РФ.

Конечно же, неизменно актуальной для массового правосознания остается классическая формулировка: «Закон – я немею пред законом» [Гоголь, 1956, с. 32], и все предполагаемые установления, как и другие, будут тщательно и добросовестно исполняться. Однако несколько озадачивает терминологический вектор, направленный как будто на решительную дифференциацию якобы двух самостоятельных языковых феноменов: *русский (литературный)* – и *государственный*. Полная элиминация этнического (национального, в традиционном понимании) начала и гиперболизация этатического (внеэтнического) признака может обрести для перспектив самого государства не самое желательное направление. Ведь утрата исконного именованного собственного языка государствообразующего народа ставит под сомнение и эту его исторически и объективно обусловленную роль².

Заключение. В заключение добавим, что сегодняшние попытки резко разграничить и даже взаимно противопоставить будто бы разные языки, в действительности – разные функционально-стилевые пласты одного национального языка, далеко не новы. Так, персонаж романа 1877 г. (действие происходит в 1868 г.), в звании камер-юнкера служащий в министерстве двора, заявляет: «Я признаю язык российский, язык указов и постановлений правительственных; я дорожу его чистотою! Перед Карамзиным я склоняюсь!.. Но русский, так сказать, ежедневный язык... разве он существует?» [Тургенев, 1954, т. 4, с. 224] (см. о пропагандистских импульсах и катализаторах подобных феноменов [Васильев, 2003, с. 180–211; 2013, с. 359–446; 2019, с. 218–295; Васильев, Васильева, 2020]).

Библиографический список

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. 608 с.
2. Васильев А.Д. Игры в слова. Манипулятивные операции в текстах СМИ. СПб., 2013. 660 с.
3. Васильев А.Д. Письменность, алфавиты, орфография: история и современность. Красноярск, 2018. 164 с.
4. Васильев А.Д. Превращения слов. Современные лексико-семантические процессы. Красноярск, 2019. 316 с.
5. Васильев А.Д. Российская языковая политика 1991–2005 гг. Красноярск, 2008. 176 с.
6. Васильев А.Д., Васильева С.П. Русский российский? Вопрос идентификации и самоидентификации // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева, 2020. № 1 (51). С. 152–160.
7. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире. Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.

² Интересно в связи с этим: входят ли русские в число «коренных народов России», чьи языки подлежат «сохранению и возрождению» [Перечень поручений].

8. Васильев А.Д. Язык российского права и некоторые вопросы юридического образования // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция. Кемерово, Барнаул, 2010. С. 283–299.
9. Воробьева М.Е. Интерпретационное функционирование юридического языка в обыденном сознании (на материале толкований юридических терминов рядовыми носителями русского языка): автореф. ... дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2014. 24 с.
10. Гоголь Н.В. Мертвые души. Киев, 1956. 421 с.
11. Голев Н.Д. Особенности современного обыденного метаязыкового сознания в зеркале обсуждения вопросов языкового строительства // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 3 (4). С. 5–17.
12. Голев Н.Д., Сологуб О.П. Официальное функционирование языка в сфере государственной коммуникации // Юрислингвистика-9: Истина в языке и праве. Кемерово; Барнаул, 2008. С. 74–88.
13. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии. М., 2004. 456 с.
14. Заседание Совета по русскому языку 5 ноября 2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (дата обращения: 10.05.2021).
15. Конституция 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#>.
16. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 21.01.2009. № 7 (4831). С. 3–5.
17. Ленин В.И. Рабочий класс и национальный вопрос // Ленин В.И. Сборник произведений. М., 1976. С. 122–123.
18. Леонова Н.А. Функциональные стили русского литературного языка // Стилистика русского языка / под ред. Н.М. Шанского. Изд. 2-е. 1989. С. 141–219.
19. Мурот В.П. Функциональный стиль // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 567–568.
20. Перечень поручений по итогам заседания Совета по русскому языку 1 марта 2020 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918>
21. Путин В.В. Выступление на заседании Госсовета РФ. 27.12.10. URL: <https://www.vesti.ru/article/2020943> (дата обращения: 10.05.2021).
22. Сурикова Т.И. Русский язык и культура речи. URL: https://studme.org/1584072018084/kulturologiya/russkiy_yazyk_i_kultura_rechi (дата обращения: 10.05.2021).
23. Тургенев И.С. Новь // Тургенев И.С. Собрание сочинений: в 12 т. М., 1954. Т. 4. С. 191–477.
24. Фролов Н.К. Краткий очерк истории письменных культур народов мира. Тюмень, 2011. 224 с.

Сведения об авторе

Васильев Александр Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания, КГПУ им. В.П. Астафьева; e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-76>

TERMINOLOGICAL ASPECTS OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE POLICY

A.D. Vasilyev (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Issues of language policy are constantly relevant for any state, including Russia, which is a multinational country as stated officially. According to the current constitution, the Russian language is the state language of the Russian Federation; amendments to the 2020 Basic Law have finally and justly established the state-forming status of the Russian people.

Naturally, the current speech-communicative processes in different spheres of life of society give rise to various conflicts. This also applies to the field of official communication – lawmaking, law enforcement, legal procedures, etc. Therefore, the sporadic attention of the authorities to the use of the Russian language as a state language is understandable.

This was the key in the agenda of the meeting of the Russian Language Council, held on November 5, 2019 under the personal chairmanship of the President Vladimir V. Putin. However, the meeting participants did not pay due attention to a number of rather obvious problems that arise in this regard. Among them are, in particular, the pressing tasks of clearly differentiating stable varieties of the use of the national language and their normative labelling, some methodological principles of practical lexicography, probable linguodidactic innovations and specific forms of their implementation; finally, issues of juridical linguistics and of legal nature.

The purpose of the article is to analyze the terminological aspect of language policy in Russia.

As a result, it is obvious that the term “state language” should be filled with a clear conceptual content. This will also strengthen its place in the public consciousness.

Keywords: *language politics, Russian language, state language, the Constitution of the Russian Federation, terminology, lexicography, specialized education, legislation, normative acts, juridical linguistics.*

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M., 1966. 608 p.
2. Vasilyev A.D. Word games. Manipulative operations in media texts. St. Petersburg, 2013. 660 p.
3. Vasilyev A.D. Writing, alphabets, orthography: history and modernity. Krasnoyarsk, 2018. 164 p.
4. Vasilyev A.D. Transformations of words. Modern lexico-semantic processes. Krasnoyarsk, 2019. 316 p.
5. Vasilyev A.D. Russian language policy 1991–2005. Krasnoyarsk, 2008. 176 p.
6. Vasilyev A.D., Vasilyeva S.P. Russian – Russian? The question of identification and self-identification // Vestnik KSPU im. V.P. Astafyev, 2020. No. 1 (51). P. 152–160.
7. Vasilyev A.D. The word in the Russian TV air. Essays on the latest word usage. M., 2003. 224 p.
8. Vasilyev A.D. The language of Russian law and some questions of legal education // Yurilinguistics-10: Linguoconflictology and Jurisprudence. Kemerovo, Barnaul, 2010. P. 283–299.
9. Vorobyova M.E. Interpretative functioning of the legal language in everyday consciousness (based on the material of interpretations of legal terms by ordinary native speakers of the Russian language): autoref. ... dis. ... Candidate of Philology Kemerovo, 2014. 24 p.
10. Gogol N.V. Dead souls. K., 1956. 421 p.

11. Golev N.D. Features of modern everyday metalanguage consciousness in the mirror of discussion of issues of language construction // Bulletin of TSU. 2008. No. 3 (4). P. 5–17.
12. Golev N.D., Sologub O. P. Official functioning of the language in the sphere of state communication // Yurilinguistics-9: Truth in language and law. Kemerovo; Barnaul, 2008. P. 74–88.
13. Grigorieva T.M. Three centuries of Russian orthography. M., 2004. 456 p.
14. Meeting of the Russian Language Council on November 5, 2019. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/61986> (access date: 10.05.2021).
15. Constitution 2020. <http://www.kremlin.ru/acts/constitution/item#>
16. The Constitution of the Russian Federation // Rossiyskaya gazeta. 21.01.2009. № 7 (4831). P. 3–5.
17. Lenin V.I. Rabochy klass i natsionalny vopros [The Working class and the national question] // Lenin V. I. Sbornik produktov [Collection of works]. M., 1976. P. 122–123.
18. Leonova N.A. Functional styles of the Russian literary language // Stylistics of the Russian language / Ed. by N. M. Shansky. Ed. 2-e. 1989. P. 141–219.
19. Murot V.P. Functional style // Linguistic encyclopedia dictionary. M., 1990. P. 567–568.
20. List of instructions following the results of the meeting of the Council for the Russian language on March 1, 2020. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62918>
21. Putin V.V. Speech at the meeting of the State Council of the Russian Federation. 27.12.10. URL: <https://www.vesti.ru/article/2020943> (access date: 10.05.2021).
22. Surikova T.I. Russian language and culture of speech. URL: https://studme.org/1584072018084/kulturologiya/russkiy_yazyk_i_kultura_rechi (access date: 10.05.2021).
23. Turgenev I.S. Nov // Turgenev I.S. Sobr. soch. In 12 vol. M., 1954. Vol. 4. P. 191–477.
24. Frolov N.K. A brief outline of the history of written cultures of the peoples of the world. Tyumen, 2011. 224 p.

About the author

Vasilyev Alexander Dmitrievich – DSc (Philology), Professor, Department of General Linguistics, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Krasnoyarsk, Russia); e-mail: vasileva@kspu.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-77>

УДК 81'272

ДВУЯЗЫЧИЕ В ЭСТОНИИ: ПОЛИТИКА, ОБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА, МЕНТАЛИТЕТ

А.В. Володина (Москва, Россия)

Аннотация

В Эстонии государственным признается язык титульной нации, при этом процент русскоязычного населения варьируется от 25 до 29 %, большая часть которого рассредоточена по северо-востоку страны и в Таллине. Чтобы решить проблему интеграции северо-восточного региона, в нем создаются «очаги» эстонского языка – образовательные и культурные учреждения, при этом первые лица страны, обращаясь к русскоязычным жителям, готовы использовать русский язык. Одновременно намечается тенденция по сокращению доли русскоязычного образования: если Партия реформ требует полной и фактически немедленной ликвидации, то Центристская партия говорит о поэтапном изменении системы, в рамках которой останется незначительное количество русскоязычных образовательных учреждений. В высших учебных заведениях существуют программы с частичным преподаванием на русском, а в научных центрах проводятся русскоязычные конференции. Эстония использует русскоязычные мероприятия для привлечения иностранцев, желающих изучать русский в Европе у носителей языка. Закон о языке регулирует соотношение эстонского и русского языка в официальных учреждениях и сфере услуг. Языковая инспекция проводит проверки соответствия обслуживания и делопроизводства Закону о языке, однако при этом ущемляются права русскоязычного населения, указанные в Рамочной конвенции о национальных меньшинствах. Закон о языке также сдерживал появление русскоязычных СМИ, в итоге канал ЭТВ+ на русском языке, появившийся лишь в 2005 г., не в силах соперничать с российскими федеральными каналами. При этом можно отметить появление передач «Мои Эстонии» и «Своя правда», способствующих налаживанию диалога между общинами. Толчком к их созданию стало культурное взаимодействие, при котором роль площадки для переговоров между эстонцами и русскими взял на себя театр. Обозначенные в театральных постановках проблемы русскоязычного населения обусловлены и его неоднородностью, поскольку язык не является однозначным признаком национальной идентичности.

Ключевые слова: Эстония, билингвальное пространство, страны Балтии, языковая политика, русскоязычное меньшинство, национальное меньшинство.

Постановка проблемы. По данным последней переписи 2016 г., в качестве родного языка русский называет около 25 % всего населения Эстонии, при этом на северо-востоке страны этот показатель может достигать и 96 %¹, а в Таллине русскоязычные жители составляют около 40 % всего населения². Сфера услуг, особенно туристических, как правило, представлена на трех языках:

¹ Департамент статистики. URL: <https://blog.stat.ee/2017/03/13/kui-palju-raagitakse-eestis-eesti-keelt/> (дата обращения: 14.05.2020).

² Tallinn arvudes 2017 / Statistical yearbook of Tallinn 2017. TEA Kirjastus 2017. – 12. URL: <http://www.tallinn.ee/est/Tallinn-arvudes-2017.pdf> (дата обращения: 14.05.2020).

эстонском, английском и русском. Русский язык не имеет статуса второго государственного, как и перспективы таковым стать, однако в различных сферах он все же представлен.

С точки зрения двуязычия наименьшее присутствие эстонского языка отмечается в регионе Ида-Вирумаа, граничащем с Россией. Регион заперт внутри себя: в школах эстонский преподается на низком уровне, в Нарвском колледже Тартуского университета обучение ведется на русском (туда же поступают и россияне из Пскова, Санкт-Петербурга, Кингисеппа), на рабочих местах в эстонском необходимости почти не возникает³.

Сосредоточенность русскоязычного населения вдобавок к самому высокому уровню безработицы по стране превращает регион в очаг напряженности, потому кажутся оправданными попытки интегрировать регион в эстоноязычное пространство. Так, например, выдвижение Нарвы в культурные столицы Европы–2021 должно было стать толчком к развитию города и региона в целом, однако уже на стадии подачи заявок проект неоднократно приостанавливался, и в итоге конкурс выиграл Тарту.

Все же стоит отметить несколько очагов эстонского языка в Ида-Вирумаа: в последние годы в Нарве были открыты Дом эстонского языка, сцена таллинской театральной студии Vaba Lava⁴, а по маршруту Таллин – Нарва – Таллин курсировал «языковой поезд», в котором можно было заняться эстонским. Строительство Академии внутренней безопасности в Нарве также расценивается как попытка интегрировать регион.

Осенью 2018 г. президент Эстонии Керсти Кальюлайд вместе со своей канцелярией провела в Нарве около месяца с перерывами. При этом с местными жителями она беседовала на русском языке, как и обещала сразу после избрания. В Нарве Кальюлайд повторила, что готова поехать в Нарву и напомнить, что язык страны эстонский, пусть даже и на плохом русском, если понадобится. Президент подчеркнула, что лучший способ общаться – использование языка, который люди знают лучше всего.

Бывший премьер-министр Юри Ратас за полгода до начала председательства Эстонии в Совете ЕС сообщил, что совершенствует свои знания по эстонскому и русскому языкам. В своей должности Ратас первым ввел в обращение традицию записывать двуязычное поздравление к Новому году, православному Рождеству, Дню знаний и Дню учителя.

Цель статьи – анализ языковой ситуации в Эстонии.

Образование и наука

В 2010 г. с целью выполнения закона «Об основной школе и гимназии» русские школы и гимназии Эстонии частично перешли к преподаванию на эстонском

³ ЭРР. URL: <https://rus.err.ee/980250/svoja-pravda-vyuchit-jazyk-problem-nikakih-tolko-v-narve-vse-russkie> (дата обращения: 14.05.2020).

⁴ Постимээс. URL: <https://www.postimees.ee/6467385/ratas-vaba-lava-aitab-paljudel-uutel-inimestel-leida-tee-narva> (дата обращения: 14.05.2020).

языке, т.е. к принципу 60/40, при котором 60 % преподается на эстонском, а 40 % – на русском (всего 74 школы).

Очередной законопроект о полном переводе детсадов и школ на эстонский язык с 2020 г. провалился на заседании Рийгикогу в сентябре 2019 г. Законопроект был выдвинут тогда находившейся в оппозиции Партией Реформ, по мнению которой, обособленность существования русских в Эстонии обусловлена именно системой образования, при которой дети не овладевают эстонским на должном уровне. Центристы, во многом опирающиеся на поддержку русскоязычного населения и находящиеся в правительственной коалиции, протестуют против принудительного перевода, утверждая, что в приоритете должна оставаться возможность выбора языка образования⁵.

Проблема заключается в том, что в Ида-Вирумаа правило 60/40 регулярно нарушается в силу естественных причин: не хватает учителей, владеющих эстонским на достаточно высоком уровне, при этом проект повышения зарплаты на 30 % педагогам, способным вести занятия на эстонском, оказался заморожен⁶.

Среднее специальное образование на русском языке можно получить в Нарвском колледже, а высшее доступно лишь на эстонском или английском языке. Впрочем, даже для получения образования на английском языке предварительно нужно пройти год курсов эстонского языка. В качестве «лазейки» для русскоязычных абитуриентов остается возможность получить высшее образование на русском языке в Эстонской академии художеств по платной специальности «медиаграфика» с получением диплома государственного образца⁷.

Существуют и частично русскоязычные программы: так, например, кафедра русской литературы Тартуского университета готовит специалистов по направлениям «Русская и славянская филология» и «Учитель русского языка как иностранного». Кафедра также проводит конференции на русском языке, так круг вопросов Тартуско-Нарвского научного семинара традиционно включает переводоведение, филологию, презентацию тематических книг, журналистику, историю. Ежегодно проводятся литературоведческие Пушкинские чтения в Тарту. Стоит отметить и деятельность Института Пушкина: повышение квалификации преподавателей русского языка, проведение семинаров, выпуск учебников по эстонскому для русскоязычных школьников.

Эстония как страна ЕС, в которой работает программа студенческого обмена Эразмус и студенческие курсы, оказывается привлекательна и для иностранцев, изучающих русский язык и культуру. Отсутствие границ облегчает передвижение, английский язык как язык общения упрощает коммуникацию, при этом наличие преподавателей-носителей и возможности попрактиковаться позволяют

⁵ ЭРР. URL: <https://rus.err.ee/978917/jurgen-ligi-problemy-russkojazychnyh-zhitelej-jestonii-sozdaet-sistema-obrazovaniija> (дата обращения: 14.05.2020).

⁶ ЭРР. URL: <https://rus.err.ee/979116/majlis-reps-shkoly-na-russkom-jazyke-ne-ischeznut> (дата обращения: 14.05.2020).

⁷ Сайт Академии художеств. URL: <https://www.artun.ee/en/curricula/media-graphics/studies/> (дата обращения: 14.05.2020).

овладеть языком на высоком уровне «в условиях европейских стандартов безопасности и качества услуг», как это указано на сайте Таллинского университета⁸.

Закон о языке и Языковая инспекция

В Эстонии использование всех иностранных языков официально урегулировано Законом о языке. В том, что касается многоязычия, положения закона можно сформулировать следующим образом: в единице самоуправления, где не менее половины населения составляет национальное меньшинство, у жителей есть возможность обращения на русском языке, в то же время для самих работников любой сферы знание эстонского обязательно, делопроизводство осуществляется на эстонском языке, второй язык используется лишь «помимо основного».

При этом в официальном делопроизводстве, как отмечает В.И. Мусаев, существуют проблемы с использованием имен собственных на языке меньшинств: «граждане славянского происхождения не могут использовать отчества как часть своего официального имени, что является нарушением ст. 11 Рамочной конвенции о защите национальных меньшинств» [Мусаев, 2007, с. 187].

Закон о языке распространяется и на предоставление информации. Так, в статье 16 уточняется: «На указателях, вывесках, видовых названиях предприятий и на наружную рекламу, установленную в общественных местах, может быть добавлен перевод текста на иностранный язык, причем текст на эстонском языке должен стоять на первом месте и не должен обозреваться хуже, чем текст на иностранном языке»⁹. За нарушение этого пункта довольно часто штрафуют как политиков с неверно оформленными предвыборными баннерами, так и представителей музыкантов, театров, цирков и т.д.¹⁰

За 2018 г. Языковая комиссия выписала 503 протокола о нарушениях в 40 общеобразовательных школах, 643 акта в медицинских учреждениях, также были инициированы увольнения сотрудников сетей продуктовых магазинов¹¹.

В то же время необходимо отметить, что большинство сайтов госучреждений снабжено версиями не только на английском, но и на русском языке.

СМИ

К любым иноязычным передачам также применим языковой закон, требующий, чтобы иноязычное содержание было дополнено поясняющим текстом на эстонском языке, что автоматически делает выпуск передач на русском языке дорожке.

⁸ Сайт Таллинского университета. URL: <http://summerschool.tlu.ee/russian-language/> (дата обращения: 14.05.2020).

⁹ Закон о языке (официальный перевод на русский). URL: <https://v1.juristaitab.ee/sites/www.juristaitab.ee/files/elfinder/ru-seadused/%D0%97%D0%90%D0%9A%D0%9E%D0%9D%20%D0%9E%20%D0%AF%D0%97%D0%AB%D0%9A%D0%95%2015.03.2019.pdf> (дата обращения: 14.05.2020).

¹⁰ Постимээс. URL: <https://rus.postimees.ee/6472669/yazykovaya-inspekciya-sdelala-predpisanie-kt-v-lasnamuue-estonskiy-tekst-stoyal-nizhe-russkogo-i-soderzhal-oshibki> (дата обращения: 14.05.2020).

¹¹ Делфи. URL: <https://www.delfi.ee/news/paevauudised/eesti/keeleinspektsioon-leidis-mullu-nii-puuduliku-keeleoskusega-koolijuhte-kui-ka-opetajaid?id=85914241> (дата обращения: 14.05.2020).

На данный момент в рамках телерадиовещательной компании ЭРР существует русскоязычное радио Raadio 4, которое существует в Таллине с 1993 г., а в 1996 г. была открыта нарвская студия радио¹².

В Интернете присутствуют русскоязычные версии новостных порталов, представляющие собой сокращенные переводы эстоноязычных материалов: ЭРР, Постимээс, издания МК-Эстония и Лимон. Печатные издания («Linnaleht», «Молодежь Эстонии», «Яна») перемещаются в Интернет.

На протяжении 20 лет существования независимой Эстонии не было местного русскоязычного телевидения, поэтому русскоговорящее население привыкло смотреть российские каналы. Русскоязычный канал ЭТВ+ появился только в 2015 г., изначально его позиционировали как противовес «пропаганде» российских СМИ, при этом не было обеспечено вещания на всю страну до декабря 2018 года. Примечательно, что именно в отдельных частях северо-востока, т.е. для целевой аудитории «российской пропаганды»¹³, канал оказался недоступен. ЭТВ+ опоздал с появлением, поэтому и не получил успеха у аудитории¹⁴. Согласно данным социологической фирмы Kantor Emor, доля эфирной аудитории ETV+ за 2018–2019 гг. составляла около 1 %, в то время как российские телеканалы по-прежнему сохраняют популярность за счет русскоязычного населения: РТР-Планета, Первый канал и Первый Балтийский канал, НТВ-Мир удерживают по 5 % каждый¹⁵.

Однако само появление канала стало положительным знаком того, что на местных русских все же решили обратить внимание. У аналитических и развлекательных передач эстоноязычного канала ERR появились свои аналоги, например ток-шоу «Своя правда», в котором по-русски обсуждаются насущные проблемы: русскоязычное образование, безработица в Ида-Вирумаа, миграция украинцев в Эстонию и др.

Стоит отметить и прошлогоднюю программу «Мои Эстонии», в которой русскоязычные жители рассказывали о своем знакомстве с эстонской культурой, показывали любимые места, общались с кумирами или знакомыми эстонцами и говорили о проблемах русских. В каждом выпуске появлялся персонаж «интеграционный инспектор» – демонический чиновник в сером плаще, появляющийся в конце из ниоткуда и критикующий героя передачи. Он следил за «чистотой» высказываний, отвергал обвинения в дискриминации меньшинства и торопился дальше выполнять программу «Сплоченная Эстония – 2020». Телепередача транслировалась и на эстонском канале с субтитрами, получила благожелательные отзывы и вошла в десятку самых популярных передач всего эстонского телевидения¹⁶.

¹² Радио 4. URL: <https://r4.err.ee/689089> (дата обращения: 14.05.2020).

¹³ ЭРР. URL: <https://rus.err.ee/980717/mediamagnat-ne-vladejuwaja-jestonskim-molodezh-popadaet-pod-vlijanie-rossijskoj-propagandy> (дата обращения: 14.05.2020).

¹⁴ ЭРР. URL: <https://rus.err.ee/934688/kylvart-prokomentiroval-rejting-etv-on-stabilno-nizkij> (дата обращения: 14.05.2020).

¹⁵ Социологическое бюро Кантар Эрмор. URL: <https://www.kantaremor.ee/pressiteated/teleaudiotooriumi-ulevaade-augustikuus-2019/> (дата обращения: 14.05.2020).

¹⁶ ЭРР. URL: <https://rus.err.ee/634045/peredacha-o-puteshestvijah-russkojazychnyh-akterov-po-jestonii-voshla-v-top-10-telekanala-etv> (дата обращения: 14.05.2020).

Театр

Передача «Наши Эстонии» родилась после двухлетней работы двух актерских трупп над спектаклем «Со второго взгляда», посвященном теме взаимодействия общин. Именно театр стал местом подлинного двуязычия, возможно, в силу того что языковой закон не действует так жестко в культурной сфере.

«Со второго взгляда» – это уникальный двуязычный проект, ради участия в котором русские актеры изучали эстонский язык, а эстонцы русский. Постановка представляет собой ряд скетчей на щекотливые для русских и эстонцев темы: интеграция, языковая инспекция, лояльность Эстонии, почитание Путина, отношение к Крыму, переносу Бронзового солдата и др. Это не первый и не последний случай двуязычия на эстонской сцене, помимо этого спектакля, стоит назвать такие постановки, как «Выпускные сочинения 2005», «Давай!», «Русские, они такие», «Я лучше станцую с тобой» [Володина, 2018, с. 55].

В 2018 г. вышел спектакль «Будет / Не будет: Эстония через 100 лет», где в националистическом варианте будущего Эстонии русский язык оказывается под запретом, а русской семье в телешоу «Последний русский!» предстоит выполнить ряд испытаний, напоминающих экзамен на гражданство: сделать по-эстонски заказ, погавкать по-эстонски, повторить скороговорку. От степени успешности выполнения этих заданий и зависит, останется ли семья в Эстонии или будет депортирована.

Стоит признать, что театр предвосхитил двуязычное обсуждение насущных проблем Эстонии: неоднократно стилизуя постановки под ток-шоу, именно театр сводил представителей разных общин – пусть даже в рамках сцены или зрительского зала.

Идентичность и менталитет

Точное определение русского в Эстонии – «рустонца» – выросло из спектакля «Давай!» (2009): «Я бы хотела, чтобы у нас было какое-то третье название. У русских эстонцев. Рустонец, например». Этот меткий термин вошел в язык, обозначив пограничное состояние русскоязычного населения.

Как показало исследование Э. Кююн, четкой корреляции между владением языком и национальной идентификацией нет: лучшее владение эстонским еще не превращает «рустонцев» в эстонцев [Кююн, 2015, с. 25].

Стоит отметить и изменения в русском языке, в который проникают эстонские слова «максовать» (платить), «коккувыте» (резюме, итог), «квикнуться» (сойти с ума) и др. Наблюдаются и изменения интонации, в СМИ «чувствуется влияние государственных языков, некоторые обороты производят впечатление „нерусскости“, смысл многих фраз туманен – именно в силу их особого, по сути, нерусского строя» [Бакунцев, 2009, с. 69].

В статье «Русские среди народов Балтии: истоки взаимовосприятия и взаимоотношений» справедливо указывается: «сравнение большого и малочисленного этносов – это качественно иной анализ, чем сравнение двух равновеликих этносов.

В таком интегративном понятии, как „русскость”, многочисленность народа и обширность его территории является важнейшей компонентой как самоидентификации, так и восприятия его другими народами. Соответственно, в понятии „эстонскость” имплицитно присутствует указание на скромные размеры и народа, и его территории. Поэтому во взаимном восприятии русских и прибалтов нет симметрии» [Симонян, Кочегарова, 2015, с. 127]. В контексте этого положения стоит отметить несколько групп внутри местных русских по отношению к России, это: 1) русские, чувствующие себя оторванными от «большой Родины»; 2) русские, которые интегрированы достаточно, чтобы не идентифицировать себя с Россией; 3) эмигрирующие в последние годы русские космополиты.

Приезд последних в том случае, если они занимают очевидно проэстонскую позицию, зачастую лишь раздражают местное население¹⁷. Так, критике неоднократно подвергался как музыкальный критик Артемий Троицкий, регулярно появляющийся в качестве эксперта в политических передачах, так и российский эколог Евгения Чирикова, упрекающая местное население в подрывной деятельности в пользу России, тем самым подыгрывая официальной позиции Эстонии, согласно которой «крупнейшее этническое меньшинство представляется в качестве российской “пятой колонны”» [Волков, 2017, с. 7].

По словам журналиста, писателя Н. Караева, «ситуация с разжиганием межнациональной розни в Эстонии только ухудшилась, в том числе благодаря российским „диссидентам“, которые периодически и максимально угодливо сообщают эстонцам, какие нелояльные эти (местные) русские»¹⁸.

На фоне «диссидентов» местные русские, на личном опыте сталкивавшиеся с проявлениями дискриминации, оказываются в еще менее выгодном положении. При этом возможное обеспечение полного равенства прав местных и приезжающих может обернуться большим наплывом граждан России в Эстонию и, соответственно, еще большей разобщенностью русской диаспоры [Симонян, Кочегарова, 2015, с. 132].

«Молодой русский житель Балтии это уже не тот русский, родители или деды которого 25 или более лет назад приехали туда из Псковского или какой-нибудь другого региона СССР. Это горожанин, с ранних лет усвоивший поведенческие и интеллектуальные навыки своей среды, таких городов, как Рига, Таллинн или Вильнюс. Для родственников из псковской деревни это уже чужой человек. Для них он не настоящий, неправильный русский. В то же время он и не литовец, латыш или эстонец в той мере, в какой таковыми являются местные литовцы, латыши и эстонцы. Существенная часть его персонального опыта – в силу влияния родителей и этнического сообщества, в силу враждебности со стороны местных национал-радикалов – кардинально отличается от опыта его

¹⁷ Постимээс. URL: <http://rus.postimees.ee/4117177/replika-nazlo-putinu-k-bronzovomu-soldatune-poydu> (дата обращения: 14.05.2020).

¹⁸ Постимээс. URL: <http://rus.postimees.ee/4090463/bronzovaya-strategiya-ili-desyat-let-spustya> (дата обращения: 14.05.2020).

сверстников из титульной нации» [Симонян, Кочегарова, 2010, с. 63]. Русские в Эстонии и во всех странах Балтии – это неоднородная масса, раздираемая внутренними противоречиями, поэтому говорить о едином менталитете или четкой самоидентификации не представляется возможным.

Заключение. Русский язык в Эстонии находится в неустойчивом положении, при котором соотношение русско- и эстоноговорящих меняется в целом из-за естественной убыли русскоязычного населения. Как Европарламент, так и ученые неоднократно обращали внимание на проблемы национальных меньшинств в странах Балтии [Фролов, 2019, с. 8]. В рамках программы «Сплоченная Эстония – 2020» предпринимаются различные усилия для интеграции русскоязычного населения, можно отметить и некоторые позитивные тенденции: появление русскоязычного канала, готовность первых лиц вести диалог на русском языке, проведение научных мероприятий на русском, двуязычные проекты в театральном мире, внимание к «заброшенной» Нарве. В то же время эти проекты омрачаются главной проблемой для русскоязычных жителей Эстонии, а именно постоянной угрозой утраты образования на родном языке, доля которого поэтапно, но планомерно снижается. Возврат власти к Партии Реформ почти неминуемо означает ликвидацию русскоязычного образования.

Библиографический список

1. Бакунцев А.В. Русские в Прибалтике: проблема культурной самоидентификации // Вестник ЦМО МГУ. Сер.: Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. № 1. С. 67–69.
2. Волков В.В. Этнические меньшинства Эстонии, Латвии и Литвы в научных исследованиях // Этнографическое обозрение. 2017. № 2. С. 5–8.
3. Володина А.В. Русский язык в современном эстонском театре // Лингвострановедение: методы анализа, технологии обучения. 2018. С. 49–63.
4. Кююн Э. Роль сохранения языка как символа при формировании идентичности // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 2. С. 19–28.
5. Мусаев В.И. Независимость стран Балтии и «русский вопрос» // Новейшая история России. 2017. № 2. 176–191.
6. Симонян Р.Х., Кочегорова Т.М. Русские среди народов Балтии: истоки взаимовосприятия и взаимоотношений // Вестник МГИМО Университета. 2015. № 6. С. 124–134.
7. Симонян Р.Х., Кочегорова Т.М. Русскоязычное население в странах Балтии // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 3. С. 60–77.
8. Фролов В.В. Положение русского и русскоязычного населения в странах Балтии в постсоветский период: современная историография вопроса // Концепт: научно-методический электронный журнал. 2019. № 1. С. 118–127.

Сведения об авторе

Володина Анастасия Всеволодовна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языков стран Северной Европы и Балтии, МГИМО МИД России (Москва); e-mail: asya_v-07@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-77>

BILINGUALISM IN ESTONIA: POLITICS, EDUCATION, CULTURE, AND MENTALITY

A.V. Volodina (Moscow, Russia)

Abstract

In Estonia, there is only one official language. At the same time about 25–29 % of the population in Estonia considers Russian as their native language. The area of the Russian language in Estonia is located mostly in the northeastern county (Ida-Virumaa). Trying to integrate the region into the Estonian-speaking space leads to the building of Estonian-language cultural and educational institutions, while the country leaders seem to be ready to use the Russian language in the communication with Russian-speaking minority. At the same time, there is a tendency to reduce the share of Russian-language education: opposition requires complete and immediate liquidation, while the government still insists on the gradual changes in the system, when there will be only a small number of Russian-language educational institutions. However, programs with partial teaching in Russian have remained at higher educational institutions, and some Russian-language conferences are still held at research centers. Estonia uses Russian speakers to attract foreigners who want to study Russian in Europe and to be taught by Russian native speakers. The Language Act regulates the correlation of Estonian and Russian in official institutions and the service sector. The Language Inspectorate constantly checks the compliance of services with the Language Act, at the same time infringing on the rights of the Russian-speaking population, which are also specified in the Framework Convention for the Protection of National Minorities. The popularity of recently appeared Russian-language channel ETV+ cannot be compared with Russian federal channels. At the same time, the appearance of the TV programs “My Estonias” and “My Truth”, which create dialogue between the communities, is a good sign. These programs were launched due to the cultural interaction, in which the theater played a role of a platform for negotiations between Estonians and Russians. The problems of the Russian-speaking population outlined in theatrical productions are also caused by its heterogeneity, since language is not an unequivocal sign of national identity.

Keywords: *Estonia, bilingual space, Baltic countries, language policy, Russian-speaking minority, national minority.*

References

1. Bakuntsev A.V. Russkiye v Baltike: problema kulturnoi samoidentifikatsii [Russians in the Baltic States: the Problem of cultural Self-identification]. Series: Philology. Cultural studies. Pedagogy. Methodology. 2009. No. 1. P. 67–69.
2. Volkov V.V. Ethnic minorities of Estonia, Latvia and Lithuania in scientific research // Ethnographic review. 2017. No. 2. P. 5–8.
3. Volodina A.V. Russian language in the modern Estonian theater // Linguistics: methods of analysis, teaching technologies. 2018. P. 49–63.
4. Kuyun E. The role of language preservation as a symbol in the formation of identity // Yearbook of Finno-Ugric Studies. 2015. No. 2. P. 19–28.
5. Musaev V.I., Kochegorova T.M. Independence of the Baltic states and the “Russian question”. 2017. No. 2. P. 176–191.
6. Simonyan R.H. Russians among the Baltic peoples: the origins of mutual perception and relationships // Bulletin of MGIMO University. 2015. No. 6. P. 124–134.

7. Simonyan R.H., Kochegorova T.M. Russian-speaking population in the Baltic countries // Vestnik MGIMO Universiteta. 2010. No. 3. P. 60–77.
8. Frolov V.V. The situation of the Russian and Russian-speaking population in the Baltic countries in the post-Soviet period: modern historiography of the issue. 2019. No. 1. P. 118–127.

About the author

Volodina Anastasia Vsevolodovna – PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Languages of Northern European and Baltic Countries, Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia); e-mail: asya_v-07@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-78>

УДК 82.09

КРЕСТЬЯНСКИЕ УТОПИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В РУССКОЙ ПРОЗЕ 1960–1980-х гг.

С.М. Козлова (Барнаул, Россия)

Аннотация

В конце 1960 – начале 1970-х гг. КПСС и советское правительство, осуществляя программу построения коммунизма в короткие сроки, запустили процесс индустриализации сельского хозяйства и пролетаризации крестьянства. Писатели деревенской темы восприняли это движение как угрозу национальной идентичности русского народа и пытались противопоставить государственным проектам исторический опыт низовой крестьянской инициативы в создании сельских сообществ высокого производительного труда, сословного равенства, изобилия и самобытной культуры.

В статье рассматриваются два типа художественных моделей крестьянского мироустройства: «закрытый», ориентированный на многовековые традиции русской крестьянской общины (В. Личутин, В. Распутин), и «открытый», характерный для утопий Алтайского хронотопа, ориентированный на послереволюционный крестьянский новострой (С. Залыгин, В. Шукшин).

Проблема в степени утопического и реального в моделях того и другого типа и их приемлемости в современных поисках собственно российского пути возрождения и развития крестьянского мира.

Научным основанием работы по данной теме стали исследования истории и теории жанра утопии и его модификаций в русской прозе второй половины XX в.: К. Чистова, Я. Лурье, В. Шестакова, Е. Шацкого, В. Грихина, В. Чаликовой, К. Парте, А. Гулыги, Н. Цветовой, Н. Ковтун, А. Разуваловой и др.

В работе использовались социологический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный методы.

Ключевые слова: *утопия, миф, проект, крестьянское мироустройство, переселенцы, Сибирь, Алтай, Россия.*

Постановка проблемы. Вторая половина XX в. ознаменовалась предчувствием конца аграрной России. Партийные программы готовили индустриализацию российской деревни, превращение колхозов в «фабрики хлеба и мяса», колхозников в пролетариев, наемных рабочих с 8-часовым рабочим днем, проживающих не в собственных домах-усадебках, а в многоквартирных казенных зданиях. Стирание границ между городом и деревней должно было окончательно стереть с лица земли веками складывавшийся крестьянский мир.

В 1970–1990-е гг. при общем экономическом застое и кризисе провал этой программы был неизбежен, а начавшийся развал колхозов и совхозов вверг российскую деревню в хаос. Этим разрушительным процессам русская литература пыталась противопоставить крестьянские утопии как возможные проекты спасения

и возрождения российской деревни и всей России, т.к. утрату и гибель крестьянского мира она представляла как конец России вообще.

Проблема в существенном различии социального моделирования крестьянского рая: «закрытого» типа, представленного В. Распутиным и В. Личутиным, и «открытого» у С. Залыгина и В. Шукшина.

Цель статьи – прояснить степень утопичности и реальности литературно-художественных моделей того и другого типа и их приемлемости в современных поисках собственно российского пути возрождения крестьянства и развития аграрной системы страны.

Научным основанием работы по данной теме стали исследования истории и теории жанра утопии и его модификаций в русской прозе второй половины XX в.: К. Чистова, Я. Лурье, В. Шестакова, Е. Шацкого, В. Грихина, В. Чаликовой, К. Парте, А. Гулыги, Н. Цветовой, Н. Ковтун, А. Разуваловой и др.

В работе использовались социологический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический, мотивный методы.

Постановка проблемы. Географическое расположение крестьянского рая предполагало крайнюю удаленность от государственного центра России: у В. Личутина («Скитальцы», 1986) – это Северное Поморье, у В. Распутина («Прощание с Матёрой», 1976) – остров на Ангаре, у С. Залыгина («Комиссия», 1975) и В. Шукшина («Любавины», 1965) – Алтайский край. Общими мотивами в этих утопиях были природное изобилие и сокровенность обетованного места, сохранность этнических особенностей и духовной культуры переселенцев, идиллия соборного труда и досуга крестьян. Сцены сенокоса в «Прощании с Матёрой» В. Распутина или в «Любавиных» В. Шукшина – самые поэтические.

Писатель-сибиряк с Ангары В. Распутин и северянин с Печоры В. Личутин опираются на многовековой традиционный уклад хозяйственной и духовной жизни крестьянской общины, поддерживаемый в «Беловодье» В. Личутина строгими уставами старообрядческого скита, а на Матёре В. Распутина 300-летней традицией общинного землевладения и нравственными заветами православного христианства. Независимость от государства и стабильность уклада достигаются за счет удаленности от центра, закрытости крестьянского общества для внешнего мира: у Личутина и Распутина – в соответствии с жанром утопии – крестьянский рай устраивается на труднодоступных островах. Сакральность места маркирована в «Скитальцах» мифами о Беловодье, «обетованной земле», которую ищут и находят, свято веруя в истинного Бога, русские «раскольники», в «Прощании с Матёрой» – мифологическими образами мирового древа – Лиственя, таинственного Хозяина острова и пр.

Литературные утопии, связанные с Алтайским краем, строятся на иных основаниях, обусловленных особыми географическими и историческими обстоятельствами. Более благоприятные для земледелия природно-климатические условия способствовали и более массовой миграции малоземельного крестьянства из Европейской России, особенно в конце XIX – начале XX в. после снятия запрета

на территории Императорского кабинета и в связи с переселенческой программой П. Столыпина. К 1914 г. на Алтай переселилось около 800 тысяч крестьян, среди которых были украинцы, белорусы, немцы, мордва, прибалты, формировавшие многоукладную систему, открытую для взаимодействия и динамичного цивилизационного процесса освоения Сибири [Разгон, 2010, с. 84, 87].

Результаты исследования. Писатели алтайских нарративов, прежде всего, отказываются от сакрализации, мистификации идеального крестьянского мира. Еще герой повести А. Новоселова «Беловодье» (1917), отчаявшийся найти неведомую обетованную землю, перед смертью наставляет сына: «...Другие опять рассудком затмились и ищут сказку богомерзкую... Думают, на белых водах калачи по деревьям висят.. Не то надо искать... Не такое Беловодье. <....> Вразуми тебя господи! Беловодье оно ото всех стран отличительно. Найдешь, небось... Вдоволь там воды, вдоволь черной земли, и леса, и зверя, и птицы, и злаков всяческих, и овощу... Трудись только во славу божью, как прародитель наш Адам трудился. Не смотри, что хорошо сама земля родит. Потом поливай ее... И про душу не забывай. Не должно там быть власти, от людей поставленной...» [Новоселов, 2012, с. 87–88].

С. Залыгин в романе «Комиссия» развел миф и реальность так же, как он развел пути старца Лаврентия, повлекшего свою паству в место пустынное, бесплодное, но благословенное «для молитвы», и Семена Кривого, осевшего со своим народом на благодатной алтайской земле «для жизни». Сельские общины у Залыгина и Шукшина не изолированы от внешнего мира, открыты ему, они располагаются на больших дорогах, по которым все идут переселенцы, не слишком далеко от крупных районных центров и городов, и железная дорога уже доступна для широкого российского и заграничного торгового оборота. Они охотно осваивают новые достижения цивилизации: сельхозтехника, транспорт, бытовая техника.

Этим существенным различием определяется и степень перспективности социальных моделей сельского мира. Все рассматриваемые произведения заканчиваются трагически: гибель старообрядческой общины, преследуемой «антихристовой» властью («Скитальцы»); затопление Матёры вследствие строительства на Ангаре Братской ГЭС; уничтожение Лесной комиссии колчаковцами; разрушение и гибель крепких крестьянских хозяйств в период начавшейся коллективизации («Любавины»). В то же время трагизм Личутина и Распутина носит апокалиптический характер: крушение крестьянского самоустройства рассматривается как необратимая национальная катастрофа. Тогда как трагический исход проектов Залыгина и Шукшина служит, скорее, жестоким историческим уроком, усвоение которого и предотвращение его повторения открывают возможность реального осуществления утопических моделей.

С. Залыгин в первых своих повестях «Соленая падь», «На Иртыше», описывая процессы, происходившие в российской деревне после революции, достаточно резко критикует большевистскую программу коммунизации сельского

хозяйства под руководством пролетариата, даже вследствие несовместимости крестьянского уклада и пролетарской психологии, которую навязывает крестьянину новая власть («Рабочий по гудку жизнь определяет, отгудел смену, картуз на лоб и пошел в казенную квартиру»). Противопоставляя такой программе свой проект крестьянского самоуправления в «Комиссии», Залыгин устраняет всякое вмешательство в его дела комиссаров и уполномоченных. Крестьяне алтайского села Лебяжье, получив после революции землю, пашни, лес, сами устраивают свое социальное бытие.

Залыгинский проект крестьянского мироустройства восходит к основным идеям аграрной реформы П.А. Столыпина. Отголоском последней является в романе обращение организаторов Лебяжинского общества к документам и планам государственной комиссии по землеустройству в этом крае, с которыми хорошо знаком главный герой романа Николай Устинов, помогавший по собственной доброй воле тогдашним землемерам. Само название организации самоуправления – «Лесная комиссия» – отсылает к «комиссиям по землеустройству» столыпинской реформы. Имеют место в романе оба типа освобождения крестьян от коллективно-общинной зависимости, выдвинутые в программе Столыпина: единоличное («хуторское», «отрубное») и групповое. Причем Залыгин явно негативно относится к первому типу, отдавая предпочтение второму, в большей степени отвечавшему «соборному» характеру славянина. Писатель показывает неизбежное превращение «хуторянина» Григория Сухих, выделившегося на дальний отруб, в кулака-мироеда, не считавшегося ни с общественными, ни с нравственными законами крестьянского мира. Его антиподом в романе предстает Николай Устинов, мудро хозяйствующий на своем личном наделе. В то же время он не обособился от сельского общества: его дом и двор – в деревне, он пользуется на равных правах и в согласии с уставом сельского схода общими угодьями – лесом, покосными и пастбищными лугами, озером, дорогами и пр. Он становится активным членом Лесной комиссии, которая взялась за охрану и восстановление уникального ленточного бора, принадлежавшего императорскому кабинету, а после революции оставшегося без хозяина и подвергнутого самовольному расхищению вплоть до угрозы полного уничтожения. Кроме того, Лесная комиссия взяла на себя и другие обязанности претворения в жизнь идеала социального устройства села, делая ставку, как в свое время столыпинская идея, «на сильных и крепких, а не на пьяных и убогих», понимая под «крепкими» людей с характером, с инициативой, способных начать жизнь по-новому. По словам Н. Ковтун, «...его (Залыгина) сокровенный герой – умный мужик, способный оценить дар жизни, мудрость мироустройства, осуществить “разумное хозяйствование” даже вопреки царящему окрест хаосу: войне, революции» [Ковтун, 2017, с. 85]. Залыгин подробно описывает, как алтайские крестьяне «задумали жить не так, как прежде жили. В складчину покупали сноповязалки, молотилки, сеялки <...> О молочной и потребительской кооперации и говорить нечего: едва ли не в каждой деревне народилась лавка потребительского общества и завод маслодельный

с ручной работой с новым приводом, а в Лебяжке так заведен был завод механический – паровой движок работал на отходах лесного промысла, крутил маслобойки, а когда надо – и лесопильную раму. ...И шло бы это артельное начало дальше помалу-помалу складывалось бы в новую жизнь, может быть, в счастливую, если бы не война» [Залыгин, 1988, с. 90].

Но не только война стала причиной краха дела Лесной комиссии. Залыгин с высоты середины XX в. хорошо понимает утопизм лебяжинского проекта, состоявший в принципе неучастия крестьян в политической борьбе, развертывавшейся в стране. В своей аполитичности, сосредоточенности лишь на делах крестьянского самоуправления герои Залыгина видят способ защиты своего маленького общества от притязаний любой политической власти. Кроме того, упование в деле поддержания социального порядка в селе только на нравственные принципы «сугубой милости» и справедливости не позволило лебяжинцам разглядеть внутренних врагов нового народного самоуправления и защитить себя от них не только словом, но и правосудием. Не случайно началом конца лебяжинского мира стало убийство члена Лесной комиссии Николая Устинова, а приход колчаковцев лишь завершил конец. Для Залыгина будущее крестьянства видится в соединении крестьянского самоуправления на принципах личной земельной собственности и производственно-потребительской кооперации с государственной поддержкой и правосудием.

В. Шукшин в «Любавиных» развенчивает утопизм крестьянского самоуправления с другой стороны – со стороны его культурно-нравственных оснований. Отдавая дань уважения хозяйственности, сметливости, привязанности к земле сибирского мужика, восхищаясь «ясной, простой, законченной целесообразностью» его быта, он в то же время не скрывает грубой, необузданной культурой и просвещением натуры этого мужика, вследствие которой зачатки народного самоуправления превращаются в самоуправство и разбой. Именно поэтому, по мнению писателя, оказались неизбежными раскол и гибель традиционного крестьянского уклада после революции: «Иначе не могло быть. За мальчиком, который победил их, пролетарским посланцем стоял класс более культурный, думающий, взваливший на свои плечи заботу о судьбе страны» [Шукшин, 2014, т. 2, с. 474].

В своих чаяниях культурного возрождения и преобразования деревни Шукшин сближается с утопическими идеями другого выдающегося аграрника России А. Чаянова, нашедшими выражение в фантастической повести 1920 г. «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». А. Чаянов, мечтая превратить всю Россию в одно крестьянское поселение, в основу своей аграрной программы положил принципы индивидуального хозяйства, семейно-трудовой организации и производственно-потребительской кооперации. «В основе нашего хозяйственного строя так же, как и в основе античной Руси, лежит индивидуальное крестьянское хозяйство... Каждый работник – творец, каждое проявление его индивидуальности – искусство труда» [Чаянов, 1920].

Важным условием поворота общества к деревенскому укладу жизни Чаянов считает необходимость поднять престиж крестьянского труда, который социалисты «почитали за нечто низшее, за ту протоматерию, из которой должны были выкристаллизоваться «высшие формы крупного коллективного хозяйства. Отсюда старая идея о фабриках хлеба и мяса» [Чаянов, 1920]. У крестьянской России иной путь. В своей утопии Чаянов выступает против строительства крупных городов, привлекающих массы сельского населения и отчуждающих их от земли, которая остается без хозяина. Кроме того, крупные города становятся единственным средоточием высокой духовной культуры, науки, технического прогресса, оставляя на голодном пайке провинциальной полукультуры основную часть населения огромной страны. Вместо городов-мегаполисов он предлагает создать систему небольших городков – культурных центров, обеспечивающих духовные потребности каждого сельскохозяйственного района на самом высоком уровне: высшие учебные заведения, театры, библиотеки, художественные выставки. Создание сети дорог и массовых транспортных средств обеспечит доступность высокой культуры и образования для каждого сельского жителя. Крестьяне в повести Чаянова заняты не только высокопроизводительным трудом на пашнях, в теплицах, оранжереях, в обрабатывающей индустрии, но и постоянным совершенствованием культуры своего досуга: они свободно разбираются в живописи великих мастеров и творчестве Шекспира. В то же время Чаянову хотелось бы сохранить и самобытную национальную культуру народного творчества – плотницкое искусство, вышивание и пр. Чтобы при обилии ананасов и «хорошего шоколада» «мальчишки свистали, как в доброе старое время, в глиняные золоченые петушки... Двухрядная гармоника наигрывала польку с ходом. Словом, все было по-хорошему» [Чаянов, 1920].

Подобную программу «светлого будущего» деревни развивает в своем творчестве Шукшин. Как и Чаянов, основой крестьянского труда он полагает индивидуальное хозяйство: «Мне бы вот такой маленький трактор и десять гектар земли», – мечтает его герой-сибиряк в рассказе «Жена мужа в Париж провожала». Семейный деревенский лад и труд – другой чаяновский принцип – утверждает Шукшин в целом ряде своих рассказов и статей. Рассуждая о проблеме ухода молодежи из села, писатель, как и Чаянов, видит причину в утрате уважения к сельским профессиям, в чем, по его мнению, немалую роль сыграли «и кино, и литература, и школа», поднимая престиж городских профессий. Шукшину важно вернуть «сельским жителям» достоинство, чувство социальной полноценности, сознание, что именно они «вершат судьбу страны». Как и Чаянов, Шукшин отвергает целесообразность крупных столичных и областных городов, которые изображаются в его рассказах и повестях не иначе как в семантике «вавилонского столпотворения» («Печки-лавочки», «Штрихи к портрету» и др.). Идеальным ему представляются небольшие городки. Такие городки рисует он в своих произведениях: город-рай в «Снах матери» («...дома высокие, и весь вроде он в садах,

весь-то в зелени... Цветы так и колышутся, так и колышутся»), город-храм культуры, город-библиотека («Там торжественно тихо», «тихо, как в церкви»), город высокой технической цивилизации, где «странная чарующая прелесть машин» («Коленчатые валы»). В то же время, как и Чайанов, он мечтает сохранить в деревне изначальную самобытную домостроительную культуру: «Не надо бы насильственно подталкивать ее (деревню. – С.К.) на путь «малой урбанизации»... дайте ему (мужику. – С.К.) возможность самому срубить себе дом. Дайте ему отвести душу – вырезать узоры на карнизе, расписать ставни, посадить под окном березу, “присобачить” на крышу какую-нибудь такую штуку, что все ахнут. А он будет доволен» [Шукшин, 2014б, т. 8, с. 31]. При этом Шукшин приветствует движение городской цивилизации в деревню, преобразующей последнюю в «агрогородок»: «...Если в это понятие входит электричество, водопровод, техникум и театр в райцентре, телефон, учреждения бытового обслуживания – пусть будет агрогородок» [Шукшин, 2014а, т. 8, с.18]. Подобно Чайанову, он настаивает на необходимости движения в деревню не только городских «удобств», но и, главное, самых высоких образцов мировой культуры. В статье «Вопрос самому себе» он посвящает несколько страниц тому, как донести до сельского жителя далекой алтайской деревни фильм Г. Козинцева «Гамлет» с И. Смоктуновским в главной роли. И в то же время с горечью констатирует утрату современной деревней своей народной культуры: «Больно, когда на деревню вечерами наваливается нехорошая тишина: ни гармонь “никого не ищет”, ни песен не слышно» [Там же, с. 17]. Шукшин полагает, что «грань между городом и деревней не должна никогда до конца стереться»: «Современная жизнь с ее грохотом, ритмами, скоростями и нагрузками смалывает человеческие силы особенно заметно. Разумно ли в таком случае не иметь надежного резерва в лице деревни?» [Шукшин, 2014б, т. 8, с. 25].

Выводы. Нарративы идеального крестьянского мироустройства как альтернативы государственным программам индустриализации деревни представлялись и в свое время утопическими. В годы полного развала колхозов и совхозов возвращение к общинному самоуправлению тоже казалось безнадежным. Современный рост мегаполисов, опустошающих деревни, вялое развитие фермерства без прочной опоры на традиции российского землепользования, с одной стороны, делают еще более очевидным утопизм писателей-деревенщиков, но с другой – актуализируют их проекты в направлении поиска собственно российского пути возрождения и нового цивилизованного устройства крестьянского мира.

Библиографический список

1. Залыгин С.П. Комиссия: роман. М.: Советский писатель, 1988. 448 с.
2. Ковтун Н.В. Русская традиционалистская проза XX–XXI вв.: генезис, мифопоэтика, контексты: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
3. Личутин В.В. Скитальцы. М.: Вече, 2016. 749 с.
4. Новоселов А.Е. Беловодье // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология: в 5 т. Барнаул: Изд-во Барнаул, 2012. Т. 2. С. 84–158.

5. Разгон В.Н. Столыпинские переселенцы на Алтае // Роль аграрных реформ П.А. Столыпина в освоении Сибири и Дальнего Востока: науч-прак. конф. Барнаул: Красный угол, 2010. С. 84–88.
6. Распутин В.Г. Повести. М.: Сов. Россия, 1986. 384 с.
7. Чайнов А.В. Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии. 1920. URL: http://az.lib.ru/c/chajanow_a_w/text_0020.shtml (дата обращения: 24.11.2020).
8. Шукшин В.М. Предисловие к публикации в газете «Литературная Россия» главы из романа «Любавины» // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул, 2014. Т. 2. С. 473–474.
9. Шукшин В.М. Вопрос самому себе // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул, 2014. Т. 8. С. 17–23.
10. Шукшин В.М. Монолог на лестнице // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 9 т. Барнаул, 2014. Т. 8. С. 23–35.

Сведения об авторе

Козлова Светлана Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка, Алтайский государственный университет (Барнаул); e-mail: kozlova41@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-78>

PEASANT UTOPIAS OF THE ALTAI TERRITORY IN RUSSIAN PROSE OF 1960s–1980s

S.M. Kozlova (Barnaul, Russia)

Abstract

In the late 1960s and early 1970s, the CPSU and the Soviet government, implementing a program of building communism in a short time, launched the process of industrialization of agriculture and proletarianization of the peasantry. Writers of rural themes perceived this movement as a threat to the national identity of the Russian people and tried to contrast the state projects with the historical experience of the grassroots peasant initiative in creating rural communities of high productive labor, class equality, abundance, and original culture.

The article considers two types of artistic models of the peasant world order: “closed”, focused on the centuries-old traditions of the Russian peasant community (V. Lichutin, V. Rasputin), and “open”, characteristic of the utopias of the Altai chronotope, focused on the post-revolutionary new peasantry order (S. Zalygin, V. Shukshin).

The problem is in the degree of the utopian and the real in models of both types and their relevance in the modern search for the Russian way of revival and development of the peasant world. The scientific basis of this work is the research of the history and theory of the utopia genre and its modifications in Russian prose of the second half of the twentieth century: K. Chistov, Ya. Lurie, V. Shestakov, E. Shatsky, V. Grikhin, V. Chalikova, K. Parte, A. Gulygi, N. Tsvetnoy, N. Kovtun, A. Razuvalova, etc.

We used sociological, comparative-historical, comparative-typological, and motivic methods.

Keywords: *utopia, myth, project, peasant world order, migrants, Siberia, Altai, Russia.*

References

1. Zalygin S.P. Commission. Novel. M.: Soviet Writer, 1988. 448 p.
2. Kovtun N.V. Russian traditionalist prose of the XX–XXI centuries: genesis, mythopoetics, contexts: textbook. manual. M.: FLINTA: Nauka, 2017. 600 p.
3. Lichutin V.V. Skitaltsy. M.: Veche, 2016. 749 p.
4. Novoselov A.E. Belovodye // The image of Altai in Russian literature of the XIX–XX centuries. 2. Barnaul: Barnaul Publishing House, 2012. P. 84–158.
5. Razgon V.N. Stolypinskiye resettsii na Altay [The role of agrarian reforms of P.A. Stolypin in the development of Siberia and the Far East]. Nauch-prak. conference. Barnaul: Krasny ugol, 2010. P. 84–88.
6. Rasputin V.G. Povest. M.: Sov. Russia, 1986. 384 p.
7. Chayanov A.V. The journey of my brother Alexey to the country of the peasant utopia. 1920. URL: http://az.lib.EN/c/chajanow_a_w/text_0020.shtml (access date: 24.11.2020).
8. Shukshin V.M. Preface to the publication in the newspaper “Literary Russia” chapters from the novel “Lyubavina” // V.M. Shukshin works in 9 vols. Barnaul, 2014. Vol. 2. P. 473–474.
9. Shukshin V.M. Question to yourself // Shukshin V.M. Collected works in 9 vol. Barnaul, 2014. Vol. 8. P. 17–23.
10. Shukshin V.M. Monologue on the stairs // Shukshin V.M. Collected works in 9 vol. Barnaul, 2014. Vol. 8. P. 23–35.

About the author

Kozlova Svetlana Mikhailovna – DSc (Philology), Professor, Department of General and Applied Philology, Literature, and Russian Language, Altai State University (Barnaul, Russia); e-mail: kozlova41@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-79>

УДК 82.31

«КАК МЫ ПИШЕМ», ИЛИ ПРОБЛЕМА ЛИТЕРАТУРНОГО САМОСОЗНАНИЯ¹

М.А. Черняк (Санкт-Петербург, Россия)

М.А. Саргсян (Санкт-Петербург, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Интерес современного литературоведения к проблеме литературной рефлексии осуществляется в основном на материале разнообразных метатекстов, особенно ярко представленных в рубежные эпохи.

Цель статьи – выявление авторской идентичности и художественной саморефлексии в текстах нон-фикшн. В этой связи особенный интерес представляет коллективный сборник «Как мы пишем», составленный в 2018 г. петербургскими писателями Павлом Крусановым и Александром Етоевым. Сборник стал репликой к сборнику «Как мы пишем» 1930 г. Литературный процесс 1920-х гг., как и во многом литература нового XXI в., был периодом обновления различных видов и жанров художественного творчества, периодом рождения новых форм.

Результаты исследования. Сравнение двух сборников, в которых писатели разных литературных эпох размышляют о природе творчества, о технологии литературного труда, о взаимоотношениях с читателем, дает основание говорить о контурах новой текстологии XXI в. Деформация канона, разрушение границ литературы и эстетического вкуса, новые формы коммуникации повлияли на содержание и форму текстов.

Выводы. С возникновением интернет-реальности появились новые источники текстологии. Новая литературная реальность диктует свои законы и создает новые условия для развития писательско-издательских, писательско-читательских отношений. Современная литература, как и литература прошлых лет, реагирует на культурно-исторические события и на развитие литературного процесса, рефлексирова о создании текста и о роли писателя здесь и сейчас.

Ключевые слова: современная литература, автор, читатель, литературное самосознание, метатекст, новая текстология, саморефлексия, нон-фикшн.

Постановка проблемы. «Сегодня писателей больше, чем читателей», – это фраза, иронически брошенная в начале нового века одним из критиков, стала абсолютной реальностью. Культуролог М. Эпштейн, размышляя о феномене Homo Scriptor, человека пишущего, приходит к выводу, что в «наше время быть – значит писать, т.е. производить знаки, выводящие за пределы собственного тела и включающие скриптора в глобальную семиосферу. Скриптизация жизни – не только индивидуальное занятие, но и поступательное движение всего человечества, бытие которого все более переходит в разнообразные формы записи, прежде всего электронные. Человек, проводящий все большую часть

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта «20-512-18006 Болг_а» («Вербализация культурной памяти: прецедентика в тезаурусе молодого поколения России и Болгарии»).

своей жизни у компьютера, становится по роду занятий скриптором своего бытия. Скрипторика – самосознание и самоутверждение пишущего класса, к которому начинает принадлежать подавляющее большинство» [Эпштейн, 2015].

Ежегодные отчеты Книжной палаты свидетельствуют о падении читательской активности, в то же время наблюдается резкое увеличение количества пишущих людей. Так, например, выручка издательской платформы «ЛитРес: Самиздат» за первое полугодие 2020 г. выросла на 92 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [Группа..., 2020]. Многочисленные школы креативного письма, появление все новых и новых платформ для размещения своих текстов, превращение блога в литературный жанр, рост медийной активности писателей, безусловно, обостряет интерес к вопросу «Как мы пишем». Достаточно вспомнить несколько книг, появившихся в последнее время («Быть Ивановым» А. Иванова, «Одиноким пишущий человек» Д. Рубиной, «Идти бестрепетно. Между литературой и жизнью» Е. Водолазкина, «Отнимать и подглядывать» Д. Драгунского, «Автор, ножницы, бумага» Н. Кононова и др.), чтобы понять большой интерес к «тайному тайных» писательской профессии. Безусловно, отдельно нужно упомянуть невероятный всплеск издательского и читательского внимания и к книгам-рекомендациям, книгам-инструкциям о том, как стать успешным писателем (С. Лурье «Техника текста», «Как написать хороший текст», «Литературная мастерская», Ю. Вольф «Литературный мастер-класс. Учитесь у Толстого, Чехова, Диккенса, Хэменгуэя и многих других современных и классических авторов», Ю. Никитин «Как стать писателем... в наше время», М. Ахманов «Литературный талант. Как написать бестселлер», А. Молчанов «Пишется! 43 секрета вдохновения», О. Соломатина «Писать легко. Как писать тексты, не дожидаясь вдохновения», И. Горюнова «Как написать книгу и стать известным» и др.).

Интерес современного литературоведения к проблеме литературной рефлексии осуществляется в основном на материале разнообразных метатекстов, особенно ярко представленных в рубежные эпохи. Д.П. Бак справедливо писал о том, что «усиление рефлексивности литературного развития происходит на фоне «угасания традиционности» [Бак, 1992, с. 10]. Однако можно предположить, что становление авторской идентичности и художественной саморефлексии можно обнаружить и в текстах нон-фикшн. В этой связи особенный интерес представляет коллективный сборник «Как мы пишем», составленный в 2018 г. петербургскими писателями Павлом Крусановым и Александром Етоевым. Этот сборник, представляющий 36 современных российских писателей (А. Аствацатуров, П. Басинский, И. Бояшов, А. Варламов, М. Веллер, Е. Водолазкин, А. Мелихов, С. Носов, В. Попов, Р. Сенчин, А. Слаповский, Л. Улицкая, Макс Фрай, Л. Юзефович и др.), стал репликой к сборнику «Как мы пишем» 1930 г. Составители признались: «Там авторы, среди которых были Горький, Белый, Зощенко, Каверин, Лавренев, Тихонов, Тынянов, Шкловский, те же Ал. Толстой с Пильняком, в вольной форме отвечая на вопросы предложенной издательством анкеты, рассказывали о себе, о своих книгах, о взглядах на литературу и о методах ее приготовления,

которым они отдают предпочтение. Мы подивились схожести идей, а стало быть, их востребованности, имевшей место на излете первой трети прошлого века. Чем был вызван читательский интерес к фигуре писателя тогда и разве нет такого интереса сегодня?» [Как мы пишем, 2018, с. 5–6].

Подзаголовок сборника XXI в. «Писатели о литературе, о времени, о себе» отсылает еще к одному важному изданию 1920-х гг. – сборнику «Писатели об искусстве и о себе», вышедшему в издательстве «Круг» в 1924 г. Такая переключка двух издательских проектов укладывается в общую для современного литературного процесса тенденцию – ощущение родства с литературными 1920-ми. Так, В. Шаров писал: «Я думаю, что генетически всего ближе мы к литературе 20-х – начала 30-х гг.: тогда начиналось то, свидетелями конца чего нам суждено быть. <...> Мы не только кончаем, завершаем то, что они начали, не только дописываем их книгу: им самим говорим, как, чем она завершится, – мы и очень похожи на то поколение своим ощущением жизни» [Холмогоров, 1996, с. 198]. Т. Толстая, говоря о своей прозе, тоже помещает ее в контекст артистической поэтики 1920-х гг.: «Проза 20-х годов дает ощущение полупустого зала. Это принципиально новая проза – стиль, лексика, метафорика, синтаксис, сюжет, построение – все другое, все меняется, появляются сотни возможностей, и лишь малая часть их осуществляется. Вот к этой литературе, к этой только начавшей развиваться традиции у меня лежит сердце. Там, в развалинах этой недостроенной поэтики, могут таиться клады... И как-то очень легко представить себе, что был в это время еще один писатель, о котором никто ничего не знает, который ни строчки не напечатал, а потом он умер, и все, кто его знал, тоже умерли, и дело его осталось несделанным. Читайте, что я за него» [Толстая, 1986].

Литературный процесс 1920-х гг., как и во многом литература нового XXI в., был периодом обновления различных видов и жанров художественного творчества, периодом рождения новых форм, выработки, по словам Ю.Н. Тынянова, «нового художественного зрения». В начале 1920-х гг. литературная карта России резко изменила свои очертания. Революция стала своеобразным «мифопорождающим устройством», на смену мифологемам, рожденным на глубине русской истории и культуры, пришли новые мифы, возникшие под влиянием идеи об идеологическом переустройстве мира. Рождались не только новые мифы, но и новый тип писателя, который принципиально отличался от поэтов и писателей Серебряного века. В 1920-е гг. в литературу стремительно ворвалось совершенно новое поколение писателей (появилось около 200 новых имен), главным университетом которых, как позже скажет М. Зощенко, стали опыт и книги. Этот процесс обновления литературного поля в условиях кризиса литературоцентризма и вызовов цифровой эпохи повторяется через столетие.

Для того чтобы определенным образом упорядочить материал статей, всем приглашенным участвовать в сборнике 1930 г. была разослана анкета с достаточно простыми, на первый взгляд, вопросами, касающимися организации труда

писателя (1. Подготовительный период. Длительность его. 2. Каким материалом преимущественно пользуетесь (автобиографическим, книжным, наблюдениями и записками)? 3. Часто ли прототипом действующих лиц являются для Вас живые люди? 4. Что Вам дает первый импульс в работе (слышанный рассказ, заказ, образ и т.д.)? Данные в этом отношении о каких-нибудь Ваших отдельных работах. <...> 7. Наркотики во время работы; в каком количестве? 8. Техника письма: карандаш, перо или пишущая машинка? Делаете ли во время работы рисунки? Сколько раз переписывается рукопись? Много ли вычеркиваете в окончательной редакции? 9. Составляется ли предварительный план и как он меняется? <...> 13. Проверяется ли работа чтением вслух» и др.) [Как пишем, 1989, с. 6].

Как справедливо отмечает М. Чудакова в своей заметке-послесловии к перестроечному переизданию сборника 1930 г., «книга, в которой профессиональные литераторы взялись рассказать о том, „как они пишут“, была вызвана к жизни сразу многими тенденциями литературно-общественного процесса». Она должна была стать оправдательным документом и учебным пособием для «рабочего писателя», которого Горький уже мечтал обучить «технике» писательства [Как пишем, 1989, с. 190].

Сборник «Как мы пишем» – явление петербургской литературной школы, связанное с тем, что происходило в Ленинграде начала 1920-х гг., в частности с лекциями Е. Замятина и деятельностью группы «Серапионовы братья». С присутствующим литературному Петербургу консерватизмом в описаниях творческого процесса многие авторы сборника защищают право художника на вымысел, игнорируя или прямо опровергая фактографию в литературе, которая в те годы активно продвигалась ЛЕФом. Однако абсолютного единства по вопросам отношения искусства к действительности, как и по многим другим вопросам, в сборнике «Как мы пишем» не наблюдается. В этом смысле он воспроизводит принцип «Серапионовых братьев» о единстве на основе различий.

По мнению, М.О. Чудаковой, одной из задач сборника 1930 г. было рассказать о реальной сложности, опосредованности, неуловимости процесса претворения «жизни» в «литературу». Интерес к фигуре писателя, его творческому методу и больше – творческой лаборатории был и будет во все времена. В 1920–1930-е гг. очень активно обсуждались проблемы литературного творчества, его особенностей, техники, мастерства писателя. Это было связано, прежде всего, с поставленными задачами по созданию новой литературы, необходимостью создать «пролетарского писателя»: «Верное понимание „задания“ в совокупности с изучением законов чужого „мастерства“ должно было обеспечивать успех» [Как пишем, 1989, с. 191]. Однако статьи, вошедшие в сборник, по мнению литераторов РАПП, стали «актом полемики». Сборник «Как мы пишем», посвященный отнюдь не политике или идеологии, а проблемам литературного труда, подвергся нападкам со стороны ряда критиков в связи с усилившейся в конце 1920 – начале 1930-х гг. кампанией поиска и искоренения классовых врагов во всех сферах общественной жизни.

Творческая лаборатория каждого писателя абсолютно уникальна. Однако можно определить некоторые общие моменты при создании художественного текста. Практически ни один из писателей в сборнике 1930 г. не использует план будущего произведения: «Я никогда не составляю плана. Если составлю, то с первых страниц начинаю писать не то, что в плане» (А. Толстой) [Как мы пишем, 1989, с. 127]; «Я пробую построить их жизнь по плану, но если люди живые – они обязательно опрокинут выдуманные для них планы. И часто до последней страницы я не знаю, чем у меня (у них, у моих людей) все кончится. Бывает, что я даже не знаю развязки, когда ее знаю – когда с развязки начинается вся работа» (Е. Замятин) [Там же, с. 29]; «Плана никогда не делаю. План вырабатывается сам собой в процессе работы, его вырабатывают сами герои» (М. Горький) [Там же, с. 23]. Здесь же важно отметить, что о наличии записной книжки и использовании ее в работе говорят не все. Важное место отводится записной книжке в творческой лаборатории М. Зощенко, который даже называет ее «отделы» и принципы отбора материала. Для каждого из писателей сборника 1930 г. главным все же является достоверность образов, сюжета, «прочность текста», которая не дает скучать читателю. Огромное внимание уделяют ритму и музыкальности текста все писатели, в особенности Андрей Белый, для которого «в звуке подана тема целого; и краски, и образы, и сюжет уже предreshены в звуке...» [Там же, 1989, с. 12].

Редакция «На литературном посту» не только откликнулась на выход книги, в которой участвовали одни попутчики и полупопутчики, разгромной статьей, но и в проводившейся в это время анкете писателей сформулировала специальный вопрос об отношении к этому сборнику. Писательские ответы весьма показательны: Михаил Чумандрин: «“Как мы пишем” – вздорная и вредная книжка. Пока немногие наши товарищи в этой книжке честно рассказывали, как они работают, некоторые развели вреднейшие рассуждения, которым место в лучшем случае на страницах буржуазной прессы, да и то периода реакции (Белый, Пильняк и др.)» [Добренко, 1999, с. 101]; Георгий Никифоров: «Книга “Как мы пишем” издана зря. Никогда человек правды настоящей о себе не скажет, даже если искренне хотел бы, потому что эта штука неодолимая... наврешь обязательно, и, что удивительно, наврешь искренно. Книгу “Как мы пишем” правильной было бы назвать: “Искренняя ложь”»; Виктор Перцов: «Сборник “Как мы пишем” считаю бесполезным, как сборник автографов... Некоторый успех его – это показатель нездорового интереса околосредовой среды к почерку “настоящего писателя”, к закулисной, так сказать, стороне его творчества... К большинству материалов, объединенных в сборник “Как мы пишем”, нужно отнести, как к ярким документам буржуазного творческого процесса» [Добренко, 1999, с. 103].

Спустя десятилетия вопросы 1930 г. актуальности своей не потеряли. В 1930 г. многие писатели посчитали «скучной паутину анкетных вопросов», по выражению Н. Тихонова, и ответили на вопросы по-разному – Зощенко отрывком из стенограммы беседы с рабкорами, Тихонов рассказом о том, как он

собирает материал для очередного произведения, В. Каверин представил работу над первоначальным планом романа «Скандалист» и т.д. Писатели же нового XXI в., Захар Прилепин, Валерий Попов, рассказывают историю своей жизни, Людмила Улицкая пишет о своем опыте чтения и о роли книг в своей жизни, Вячеслав Курицын перечисляет и разбирает все произведения, которые он написал. Каждый писатель для себя и для своих читателей ответил не только на вопрос «как мы пишем?», но и на вечные вопросы русской литературы: «что делать?» и «кто виноват?». Вопрос «Как мы пишем», вынесенный в заглавие и в сборниках 1930 и 2018 гг., трансформируется в вопросы «Как вы стали писателем» и «Зачем мы пишем» (к слову, именно так называется еще один коллективный сборник о природе литературного творчества, изданный американским литературным критиком Мередит Моран в 2014 г.).

В книге «Как мы пишем» 2018 г. нет системы вопросов, авторам предоставлена «полная свобода волеизъявления. Вплоть до того, что те из них, кто удостоил в рукописи ё точками, увидят их и в наборе, а те, кому эта буква – падчерица, точек по собственному выбору будут лишены» [Как мы пишем, 2018, с. 7]. При этом задачу составители сборника преследуют ту же, что и составители 1930 г.: «познакомить читателя с взглядами некоторых художников слова на современное искусство и дать тем самым известный материал по этому вопросу» [Как мы пишем, 2018, с. 8]. Следует отметить, что создание такого типа сборника во многом было обусловлено и задачей обучения технике письма.

Сборник 2018 г. в полной мере иллюстрирует важные социокультурные процессы. Так, современная русская литература ищет сегодня адекватный язык переживания собственного сознания, что проявилось в увеличении числа рефлектирующих персонажей-писателей. М.П. Абашева полагает, что «резкая и частая смена социальных идентичностей актуализировала – в качестве компенсации – тягу к экзистенциальному самоопределению. Это обстоятельство выдвигает на первый план „биографическое“ как социальный феномен и авторитетный дискурс. В складывающемся „новом антропоцентризме“ человеческая экзистенция пока приобретает устойчивость не за счет внутреннего идентификационного стержня, а за счет биографической формы или образа» [Абашева, 2001, с. 318].

В связи с отсутствием в сборнике 2018 г. единых вопросов, кроме основного вопроса о литературном творчестве, писатели посвящают часть своего очерка проблемам современной литературы вообще и ее тенденциям. Например, эссе А. Аствацатурова посвящено этой проблеме в большей степени. Писатель раскрывает один из важных для литературы вопросов – отношения автора и текста. Ярко выраженное авторское «я», «имперсональность» и «текстоцентричность» – явления, которым посвящено немало трудов от Т. Элиота и Р. Барта, Г. Миллера и др. Основываясь на идеях Р. Барта, можно задать вопрос: «Сам текст, сам процесс сочинения рождает автора, или наоборот?». На этот вопрос отвечают писатели своими произведениями. Метароман объединяет эти две важнейшие установки на автора и на текст, в метаромане автор размышляет над своим

творчеством, над своим текстом, рассказывает, как он пишется или рефлексивует, как он должен быть написан, какими должны быть герои, сам становится героем своего произведения. В метапрозе процесс творчества (создания художественного текста) становится одной из главных тем. В результате этого происходит перенос акцента с того, что изображается, на то, как и кем изображается. Субъект «авторского повествования об авторском повествовании» (Ю. Лотман) выходит на первый план, возникает образ «самосознающего повествователя», «автора-героя», который является персонификацией «внезаходимого автора-творца» (М. Бахтин) [Липовецкий, 1997, с. 258]. Свою первую книгу «Люди в голом» А. Аствацатуров, по его словам, построил именно как метароман, она «псевдоавтобиографична и посвящена детству и взрослению» [Как мы пишем, 2018, с. 64]. В какой-то степени многие статьи сборника «Как мы пишем-2018» напоминают маленькие метароманы – тексты о текстах и тексты о «человеке пишущем», рассказы о том, как создаются образы, откуда произрастает литература.

А. Генис давно отметил, что «литературная вселенная сжимается до автопортрета, когда книга превращается в текст, автор – в персонажа, литература – в жизнь» [Генис, 1999, с. 26]. Писательская самоидентификация, зафиксированная в тексте рефлексия писателя над своим творчеством, позволяет увидеть динамику трансформации литературного процесса, с одной стороны, и увидеть явную переключку эпох – с другой. Каждый писатель реализует свое воображение не только в творчестве, но и в «автомифе», что отражается на процессе самоидентификации. Мир восприятие осуществляется субъектом через посредство тезауруса – субъективной системы идей, представлений, образов, знания той части мировой культуры, которую он освоил. «Применительно к писателю тезаурус выступает как персональная картина мира, предназначенная для перевода в слово, в произведение. Она складывается как из собственных представлений, так и из цитат, придающих стройность собственным идеям, намерениям, ценностям» [Есин, 2005].

Сборник «Как мы пишем» 2018 г. можно назвать своеобразной антологией нон-фикшн – писателей попросили ответить на вопрос, как они пишут, как пишутся их художественные произведения, а они рассказывают историю своей жизни или истории из своей жизни, ничего не придумывая и не приукрашивая – например, Л. Улицкая рассказывает, как она читала, какое место в ее жизни занимало чтение, какие книги ей было запрещено читать и т.д. З. Прилепин начинает рассказ о жизни с местоположения роддома, где он родился. А. Гаврилов рассказывает, как «на работе сцеплял вагоны, дома – слова», А. Варламов вспоминает как рассказы бабушки пробудили его творческое воображение и т.д. Всех писателей объединяет советское детство и юность, поэтому сквозной нитью проходит попытка осмысления советского прошлого. После прочтения всех этих эссе складывается разнообразная картина литературной жизни конца XX – начала XXI в. Литературная жизнь течет, начинается она у каждого писателя и для каждого писателя по-разному, в разное время, кто-то начал писать стихи в 4 года, а кто-то пришел в литературу и напечатал свой первый роман в 40 лет. Эта картина

многогранна, потому что у каждого писателя свой опыт, своя жизнь и дорога в литературу. Книга поражает своим разнообразием и является отражением того многоголосия, которое мы сейчас наблюдаем в современном литературном поле. Этой разноцветной мозаикой сборник 2018 г. и отличается от советского сборника. В этой связи уместно вспомнить слова Д. Бавильского о новом писательском поколении: «Кажется, мы первое поколение в истории человечества, способное работать в онлайн-библиотеках, то есть нам теперь в результате пары-другой кликов доступны любые тексты всех времен и народов. Актуальная словесность вынуждена выступать на поле неограниченных возможностей, конкурируя не в синхронии, но в диахронии» [Как мы читаем, 2021, с. 27].

Результаты исследования. Сравнение двух сборников, в которых писатели разных литературных эпох размышляют о природе творчества, о технологии литературного труда, о взаимоотношениях с читателем, дает основание говорить о контурах новой текстологии XXI в. Научный ландшафт меняется на наших глазах, науки переплетаются друг с другом, образуя иногда очень неожиданные сочетания, например Digital Humanities, цифровые гуманитарные науки. «Все основные понятия филологии: “читать”, “писать”, “текст”, “интерпретация” – приобретают новый смысл в электронной вселенной и подчас даже требуют другой терминологической артикуляции», – справедливо отмечает М. Эпштейн [Эпштейн, 2019, с. 164].

Деформация канона, разрушение границ литературы и эстетического вкуса, новые формы коммуникации повлияли на содержание и форму текстов. С появлением интернет-реальности появились новые источники текстологии. По мысли Е. Водолазкина, «интернет разрушает границы текста, установленные когда-то Гутенбергом, он также возвращает к отсутствию границы между литературой профессиональной и непрофессиональной» [Как мы пишем, 2018, с. 137–138]. Также по мнению Водолазкина, характерные для Средневековья «отсутствие идеи авторства, внеэстетическое восприятие текста, его центонная структура, фрагментарность, отсутствие жестких причинно-следственных связей и границ» [Там же с. 137] присущи и новейшей литературе. Если раньше писатели писали от руки, переписывали, сохраняли рукописи, зачеркивали, то сейчас описание работы писателя начинается со слов «включаю компьютер и начинаю работать». Некоторые отмечают, что им по-прежнему нравится писать от руки, некоторые говорят, что это неудобно, однако свои произведения все печатают на компьютере. Клавиша delete удаляет не только слова или отрывки из текста, но и лишает возможности проследить этапы работы над текстом, увидеть, как и на чем он основан. Переписывание текста на компьютере для писателя удобно, но может замедлить работу над текстом, потому что можно отрывки бесконечно переписывать. Несохранившиеся варианты текста и переписывание отрывков лишает возможности исследования этапов написания текстов, их источников. «Для восторженных потомков и вдумчивых литературоведов», – по выражению М. Степновой, ничего не остается [Как мы пишем, 2018, с. 536].

Импульсом к работе писателя становятся впечатления (Анна Матвеева), воспоминания (Илья Бояшов), мысль или идея, которая в данный момент беспокоит (Шамиль Идиатуллин, Марина Степнова), увиденное за день и записанное в блокнот (Александр Снегирев) и т.д. Так же, как и у писателей 1930-х, у современных авторов подготовительный период занимает разное количество времени. Алексей Слаповский в подготовительный период всегда старается ставить себя в рамки, ограничивая объем произведений, считая, что «вглубь копать интереснее, чем вширь».

Марина Степнова и Илья Бояшов назвали свои эссе «Как я пишу», в них они подробно описывают процесс написания произведения – от появления замысла до написания текста. Бояшов пишет, что после появления замысла начинает его обдумывать и дополнять, так замысел «обрастает метафорами, персонажами, репликами». После «лихорадочного фиксирования неожиданно появляющихся в голове сюжетных ходов, интриг, завязок и развязок» замысел «обрастает ветвями»: «от «ствола – замысла» отходят «предложения – ветви» [Как мы пишем, 2018, с. 81]. Затем на основе набросков создается план, который потом дополняется новыми мыслями, разговорами, репликами. На эту подготовительную работу уходит от месяца до полугода. Дальше начинается работа перед компьютером – план дополняется, написанные ранее диалоги, реплики, мысли меняются. Особое внимание И. Бояшов уделяет началу текста: «начало текста должно быть непременно совершенным, емким, оригинальным» [Как мы пишем, 2018, с. 83]. Но и в процессе работы нужно сжимать текст, как пружину, считает Бояшов. Готовый текст иногда отличается от того, что задумывалось в самом начале, отдельные главы и конец переписываются несколько раз – в конце получается роман или повесть. Такой путь прошел роман «Танкист, или “Белый тигр”» Бояшова – замысел появился, когда Бояшов вместе с курсантами Нахимовского училища собирал модели образцов танков Второй мировой войны. В качестве источников использовались историческая и мемуарная литература, воспоминания ветеранов, сведения из Интернета, вымысел соседствовал с фактами.

М. Степнова, единственная из всех современных авторов, в своем эссе ответила на 16 вопросов сборника 1930 г. Мысли, которые не дают покоя, становятся импульсом к работе, но на сбор фактуры уходит всегда больше времени, чем на написание текста. Материалом становятся биографии, мемуары, дневники, научно-популярная литература по нужной теме, специализированные форумы, устные рассказы. В ответах Степновой на поставленные в 1930 г. вопросы прослеживаются перекички с ответами Ольги Форш – в описании процесса работы над текстом, оценке роли воображения, роли писателя. Во время работы над материалом Степнова, как и Форш, ничего не записывает. Ср.: «записная книжка здесь не помогает, а, напротив того, мешает» (О. Форш) [Как мы пишем, 1989, с. 81], «записать для меня – однозначно убить наблюдение или мысль, проверено» (М. Степнова) [Как мы пишем, 2018, с. 533]. Взгляды двух писательниц близки в самом определении писательства или роли писателя. Ср.: «Я лишь неослабным

напряжением наблюдаю, как наблюдает зритель сцену» (О. Форш) [Как мы пишем, 1989, с. 159], «Писатель – это в первую очередь соглядатай» (М. Степнова) [Там же, 2018, с. 533]. Очень интересно наблюдение Степновой о том, что есть текст, который написал автор, и текст, который прочитал читатель: «Именно в этом волшебном зазоре между текстом написанным и текстом прочитанным и кроется то, что мы называем литературой» [Там же, 2018, с. 531].

Стоит согласиться с М.П. Абашевой, которая полагает, что ситуации обострения интереса к литературному быту, превращения его в литературный факт и важнейший фактор литературного развития периодически повторяются в истории литературы: в 1900-е и 20-е гг. нашего века, в 20, 40, 60-е гг. прошлого. «Это ситуации изменения статуса литературы и писателя и одновременно оживления и реструктуризации форм, институций литературной жизни. Всякий раз происходит семантический сдвиг, меняющий правила порождения дискурсивности» [Абашева, 2001, с. 67]. Очевидно, что Homo Scriptor, человек пишущий на любом историко-литературном витке, особенно когда происходит смена типов художественных структур, стремится к литературной рефлексии.

Выводы. Сравнение двух сборников «Как мы пишем», с одной стороны, достаточно репрезентативно показывает абсолютную «вневременность» стремления писателей разных эпох к диалогу с современником, с другой – разницу литературных процессов. Так, очевидно в XXI в., в эпоху кризиса литературоцентризма, серьезным изменениям подверглись роль писателя и роль читателя; новая литературная реальность диктует свои законы и создает иные условия для развития писательско-издательских, писательско-читательских отношений. При этом составитель сборника 2018 г. П. Крусанов полагает, что «именно литература (в России – в первую очередь она) своею силой, своим художественным языком создает тот культурный миф, с которым мы все себя в той или иной мере отождествляем, который позволяет нам чувствовать свою исключительность, свою неравность остальному миру» [Как мы пишем, 2018, с. 422]. Очевидно, что контуры разнообразных культурных мифов и разных типов художественной саморефлексии в полной мере можно обнаружить в сборниках «Как мы пишем» 1930 и 2018 гг.

Библиографический список

1. Абашева М.П. Литература в поисках лица (русская проза конца XX века: становление авторской идентичности). Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2001. 318 с.
2. Бак Д.П. История и теория литературного самосознания: творческая рефлексия в литературном произведении. Кемерово: КемГУ, 1992. 81 с.
3. Генис А.А. Иван Петрович умер: Статьи и расследования. М.: Новое лит. обозрение, 1999. 334 [1] с.
4. Группа компаний «ЛитРес» подвела итоги первого полугодия 2020 года. URL:<http://www.unkniga.ru/company-news/11161-gruppa-kompaniy-litres-podvela-itogi-1-polugodiya-2020.html> (дата обращения: 20.01.2021).
5. Добренко Е. Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Акад. проект, 1999. 557 с.

6. Есин С. Писатель в теории литературы: проблема самоидентификации: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 36 с.
7. Как мы пишем: сб. / послесл. М. Чудаковой. М.: Книга, 1989. 195 с.
8. Как мы пишем. Писатели о литературе, о времени, о себе: очерки / сост. А. Етоев, П. Крусанов. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. 620 с.
9. Как мы читаем: заметки, записки, посты о современной литературе. М.: Эксмо, 2021. 432 с.
10. Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: Очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с.
11. Толстая Т. Интервью // Литературная газета. 1986. 23 июля. С. 6.
12. Холмогоров М. Современная проза глазами прозаиков: материалы круглого стола // Вопросы литературы. 1996. № 1. С. 176–198.
13. Эпштейн М. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века. М.: Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. 239 с.
14. Эпштейн М. Скрипторика. Введение в антропологию и персонологию письма // Новое литературное обозрение. 2015. № 1 (131). С. 257–269.

Сведения об авторах

Мария Александровна Черняк – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); e-mail: ma-cher@yandex.ru

Марине Амрайовна Саргсян – аспирант кафедры русской литературы, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург); e-mail: marinasargsyan006@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-79>

“HOW DO WE WRITE”, OR THE PROBLEM OF LITERARY SELF-CONSCIOUSNESS

M.A. Chernyak (St. Petersburg, Russia)

M.A. Sargsyan (St. Petersburg, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The interest of modern literary criticism to the problem of literature reflection is carried out mainly on the material of various metatexts, especially vividly represented in the turn of the century.

The purpose of the article is to reveal author's identity and artistic self-reflection in non-fiction texts. In this regard, the collection of articles entitled “How Do We Write”, compiled in 2018 by St. Petersburg writers Pavel Krusanov and Aleksander Etoev, is of particular interest. This book was written in reply to the book “How Do We Write” in 1930. The literary process of the 1920s, like, in many respects, literature of the new 21st century, was a period of renewal of various types and genres of artistic creativity, a period of the birth of new forms.

Research results. Comparison of the two books, in which writers from different literary eras reflect on the nature of creativity, on the technology of literary work, on relationships with a reader, gives grounds to talk about the contours of a new textual criticism of the 21st century. Deformation of the canon, destruction of the boundaries of literature and aesthetic taste, and new forms of communication influenced the content and form of texts.

Conclusions. With emergence of Internet reality, new sources of textual criticism appeared. The new literary reality dictates its own laws and creates new conditions for the development of publishing, writing, and reading relationships. Modern literature, like the literature of past years, reacts to cultural and historical events and to the development of the literary process, reflecting on the creation of the text and on the role of a writer here and now.

Keywords: *modern literature, author, reader, literary self-awareness, metatext, new textual criticism, self-reflection, non-fiction.*

References

1. Abasheva M.P. Literatura v poiskah lica (russkaya proza konca HKH veka: stanovlenie avtorskoj identichnosti) [Literature in search of a face (Russian prose of the end of the twentieth century: the formation of the author's identity)] Perm': Izd-vo Permskogo un-ta, 2001. 318 s.
2. Bak D.P. Istoriya i teoriya literaturnogo samosoznaniya: tvorcheskaya refleksiya v literaturnom proizvedenii [History and theory of literary self-awareness: creative reflection in a literary work]. Kemerovo: KemGU, 1992. 81 s.
3. Genis A.A. Ivan Petrovich umer: Statyi i rassledovaniya [Ivan Petrovich Died: Articles and Investigations]. Moskva: Novoe lit. obozrenie, 1999. 334 [1] s.
4. Gruppa kompanij “LitRes” podvela itogi pervogo polugodiya 2020 goda. URL:<http://www.unkniga.ru/company-news/11161-gruppa-kompaniy-litres-podvela-itogi-1-polugodiya-2020.html> (access date: 20.01.2021).
5. Dobrenko E. Formovka sovetskogo pisatelya: Social'nye i esteticheskie istoki sovetskoy literaturnoj kul'tury [Social and aesthetic origins of Soviet literary culture]. Sankt-Peterburg: Akad. proekt, 1999. 557 s.

6. Esin S. Pisatel' v teorii literatury: problema samoidentifikacii [Writer in literary theory: the problem of self-identification]: avtoref. dis. ... Moskva, 2005. 36 s.
7. Kak my pishem: sb. / poslesl. M. Chudakovoj [How we write]. Moskva: Kniga, 1989. 195 s.
8. Kak my pishem. Pisateli o literature, o vremeni, o sebe: ocherki [How we write. Writers about literature, about time, about themselves: essays] / sost. A. Etoev, P. Krusanov. Sankt-Peterburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2018. 620 s.
9. Kak my chitaem: zametki, zapiski, posty o sovremennoj literature [How we read: notes, notes, posts about contemporary literature]. Moskva: Eksmo, 2021. 432 s.
10. Lipoveckij M.N. Russkij postmodernizm: Ocherki istoricheskoy poetiki [Russian Postmodernism: Essays on Historical Poetics]. Ekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1997. 317 s.
11. Tolstaya T. Interv'yu [Interview In Literaturnaya gazeta Literary newspaper]. 1986, 23 iyulya. S. 6.
12. Holmogorov M. Sovremennaya proza glazami prozaikov: materialy kruglogo stola [Contemporary prose through the eyes of prose writers, In Voprosy literatury Literature issues]. 1996. No. 1. S. 176–198.
13. Epshtejn M. Budushchee gumanitarnyh nauk: Tekhnogumanizm, kreatorika, erotologiya, elektronnyaya filologiya i drugie nauki XXI veka [The future of the humanities: Technogumanism, creatorics, eroticology, electronic philology and other sciences of the 21st century]. Moskva: Gruppya Kompanij "RIPOL-klassik" / "Pangloss", 2019. 239 s.
14. Epshtejn M. Skriptorika. Vvedenie v antropologiyu i personologiyu pis'ma [An Introduction to the Anthropology and Personology In Novoe literaturnoe obozrenie Writing New Literary Review]. 2015. No. 1 (131). S. 257–269.

About the authors

Chernyak Maria Alexandrovna – DSc (Philology), Professor, Department of Russian Literature, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russia); e-mail: ma-cher@yandex.ru

Sargsyan Marine Amrayovna – PhD Candidate, Department of Russian Literature, Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen (St. Petersburg, Russia); e-mail: marinasargsyan006@gmail.com

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-80>

УДК 821.161.1

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВСЕВОЛОДА ИВАНОВА

Е.А. Папкина (Москва, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. Статья является продолжением нашей работы, посвященной проблемам истории культуры в творчестве Всеволода Иванова 1940–1960-х гг. Новый этап постановки проблемы, дающий возможность проследить истоки темы культуры в творчестве Иванова, оказался возможным благодаря публикации неизвестных текстов писателя раннего сибирского периода.

Цель – анализ темы культуры в раннем творчестве Иванова, рассмотрение эволюции взглядов писателя.

Методология. В статье использованы сравнительно-исторический и текстологический методы, метод историко-культурного комментария.

Результаты исследования. Тема культуры впервые рассматривается на материале произведений Иванова 1910-х гг., прослеживается эволюция его взглядов, формировавшихся в диалоге с областническими идеями и концепцией Востока и Запада А.М. Горького. Отмечено, что в ранних произведениях писателя отразилась тревога за судьбу культурных ценностей в современном мире. Особое внимание обращается на духовные ценности культуры Востока, по своему понятию Ивановым и нашедшие воплощение в его творчестве. На основе анализа повести «Возвращение Будды» и третьей редакции романа «Эдесская святыня» показано, как менялось отношение писателя к Востоку.

Выводы и заключение. Анализ произведений Иванова, посвященных теме культуры, показывает, что эта проблематика интересовала писателя с самого начала его творческого пути. Размышляя над судьбами уходящей культуры Сибири в ранних произведениях, мечтая о возможности влияния древних культур Востока на исторический выбор России и Европы в 1920-е гг. в повести «Возвращение Будды», писатель к концу 1950-х гг., очевидно, приходит к выводу о невозможности силами культуры противостоять развитию цивилизации.

Ключевые слова: Всеволод Иванов, проблемы культуры, эволюция взглядов, духовные ценности культуры Востока, культура и цивилизация.

Постановка проблемы. Настоящая статья является продолжением нашей работы, посвященной проблемам истории культуры и культурного наследия в творчестве Всеволода Иванова. В 1988 г. эта тема, как практически неразработанная, была предложена нам для диссертации выдающимся ученым Вяч.Вс. Ивановым, сыном писателя. В работе речь шла только о произведениях Вс. Иванова 1940–1960-х гг.: романах «Вулкан», «Эдесская святыня», неоконченном романе «Сокровища Александра Македонского», рассказах и повестях «Фантастического цикла». В течение последнего десятилетия было сделано

многое для того, чтобы вернуться к теме культуры в творчестве Иванова на новом этапе, проследив ее истоки начиная с раннего творчества писателя. Благодаря поддержке члена-корр. РАН Н.В. Корниенко и директора ИМЛИ РАН академика А.Б. Куделина, републикованы практически неизвестные тексты писателя сибирского периода (1916–1921) [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010].

Обзор литературы. В статьях, написанных в середине 1990-х гг. и в начале 2000-х, Вяч.Вс. Иванов обратился к данной проблематике, преимущественно акцентируя внимание на вопросах культуры Востока, которая всегда интересовала писателя [Иванов, 2000; Иванов, 2010]. В конце 2010-х гг. появился ряд серьезных исследований, где произведения Иванова 1920–1930-х гг. анализируются именно с точки зрения [Банерджи, 2017; Банерджи, 2020; Якимова, 2019].

Цель. В статье вопросы культуры впервые рассматриваются на материале творчества писателя 1910-х гг., что существенно уточняет наши прежние выводы – утверждения, что «тема культуры волновала Иванова с конца 1930-х гг.»¹. Особое внимание обращается на духовные ценности культуры Востока, по своему поняты Ивановым и нашедшие воплощение в его произведениях. На материале раннего творчества, повести «Возвращение Будды» (1922) и неопубликованных фрагментов третьей редакции романа «Эдесская святыня» (не ранее 1956), прослеживается эволюция взглядов писателя.

Методология. В работе использованы сравнительно-исторический и текстологический методы, а также метод историко-культурного комментария.

Результаты исследования. «К Востоку его тянуло. Ему с юности был близок буддизм» [Иванов, 2000, с. 506], – писал о своем отце Вяч.Вс. Иванов. Увлечение Востоком не было случайным для писателя. На самом пространстве его родины, Сибири, соединились Восток и Запад. Соединились они и в его родословной: «...как в каждом истинно русском, особенно сибиряке, в нем Запад и Восток были перемешаны не только в душе, но и физически (его бабушка, родом из казахской семьи, вышла замуж за ссыльного поляка)» [Иванов, 2000, с. 506]. Характеризуя интерес отца к разным культурам, существовавшим на просторах Сибири, Вяч.Вс. Иванов отмечал: «Наряду с коренной русской сибирской и заимствованной индийской мифологической образностью в ранних прозаических опытах Иванова появляются мотивы мусульманского западно- и южно-сибирского, алтайского и среднеазиатского фольклора» [Иванов, 2010, с. 716]. Интерес к Востоку сохранился у Иванова на всю жизнь, а изучение разных культурных традиций наложило философский отпечаток на восприятие им политической ситуации в стране и в мире в разные годы жизни. 23 марта 1943 г. он записывал в дневнике: «Восток, раньше всех народов, нашел смысл жизни. Движение – зло. Неподвижность – добро. Чем быстрее движение, тем оно опаснее для человека. Самолет принес бомбу в 3,8 тонны» [Иванов, 2001, с. 296].

¹ Папкина Е.А. Проблемы истории культуры и культурного наследия в творчестве Всеволода Иванова 1940–1960-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1990. С. 2.

Ранние произведения писателя, «Легенды об ушедшей (вариант – «умершей») Сибири» (1916–1917), основаны на культурных традициях разных сибирских народов. В этих первых прозаических опытах молодого писателя еще нет размышлений об истории культуры, о преемственности в ее развитии и т.п., эта проблематика появится в его творчестве значительно позже. Заглавие цикла и основной композиционный прием (рассказ в рассказе) передают тревогу Иванова о судьбе культуры народов Сибири в современном мире. Создавались легенды в русле региональной литературы времени, многое в которой определило сибирское областничество. В соответствии с философско-культурной концепцией Г.Н. Потанина и Н.М. Ядринцева преобразованная Сибирь, культурная, экономически сильная, явится посредницей между Востоком и Западом, носителем начал новой цивилизации и новой культуры. «Чем, – писал Н.М. Ядринцев в статье „Возрождающаяся Азия“, – явится слитие нового мира Европы с древним миром Азии, какая *новая цивилизация* вытечет из обмена цивилизаций столь разнообразных и какое оригинальное здание водружится под влиянием объединения народов, когда-то разлученных в среде мира – вот вопросы, достойные остановить внимание философа-историка»². Красноярский журнал «Сибирские записки» в 1916–1919 гг. печатает различные материалы (переписку Потанина и Ядринцева, статьи, этнографические очерки и т.п.), в которых рассматриваются вопросы о культуре, обрядах, религиозных движениях коренных жителей Сибири, делаются попытки определить их роль в прошлом и будущем края.

В своеобразном диалоге с региональной традицией создает свои сибирские легенды и молодой Иванов. Рассказы старых шаманов переносят читателя в некое историческое время, когда «Сибирь была могущественным царством народа, который теперь вымер и не оставил по себе следов. Находят порой у Иртыша скульптурные произведения – богов... Искусные руки ваяли эти статуи и – говорят старожилы, – что вымывает Иртыш их из засыпанных песком развалин городов “чуди” – неведомого народа» («Рао», 1916) [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 31]. Отметим, что о загадочном народе «чудь», «возраст культуры» которого «измеряется четвертым – пятым тысячелетием до Р. Х.» и посольства которого, посылавшиеся в Тибет и Китай, упоминаются в древних письменных памятниках³, писал Н. Козьмин в «Сибирских записках».

Отголоски культуры далекого прошлого можно увидеть в легенде «Сны осени», где рассказчик предстает «древним жрецом, вставшим в предзакатный час на кровлю храма Солнца и молящимся какому-то неизвестному, но близкому Богу...» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 33]. Упоминание о солнцепоклонниках – аллюзия к сибирскому религиозному движению, возникшему в самом начале XX в. и ставшему предметом осмысления в региональной лите-

² Цит. по: *Ландарма*. По поводу писем Н.М. Ядринцева // Сибирские записки. 1916. № 2. С. 72–73.

³ Сибирские записки. 1917. № 3. С. 85.

ратуре спустя десятилетие, – движению бурханистов, сторонников Белой веры, впоследствии названному «народным буддизмом». В ряде произведений сибирских писателей 1914–1919 гг.: повести А. Семенова «Белый Бурхан», очерках Вс. Бахметьева «Алтай» и «У последней воды», статьях В. Верещагина и др. – рассказывалось о распространении веры в забытого древнего солнечного бога.

Свое прочтение сюжета об «алтайском мессии», тесно связанное с размышлениями областников о диалоге Востока и Запада, Иванов предложил в рассказе «Сын человеческий» (1917). Однако, в его понимании, возможность такого диалога поставлена под сомнение. Пророк, пришедший издалека в некий город, силою «тихого слова» сначала тушит пожар, спасает людей, а затем обращается к ним: «Я тот, кого вы ждали. Я – жизнь! Я пришел из той страны, где редко закатывается солнце... <...> Я узнал, что вы день превратили в ночь и не поднимаете глаз к солнцу – и вот я пришел к вам... Я семью свою бросил, я родину бросил – и одинокий пришел сказать вам про солнце – прекрасное, лучезарное, волшебное, миллионоликое солнце!..» Но жители города, ориентированные на ценности культуры Запада, думают «только о покорении земли, о машинах», и «машины поглощают у них истинно человеческое». Они слушают в восторге слова Сына человеческого, но проходит время – и сокровенные слова забыты, а тот, кто осмелился звать «из каменных глыб – к солнцу», брошен в тюрьму [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 42–43].

Понимание значения восточной и западной культуры для Сибири формировалось у молодого Иванова в своеобразном диалоге-споре и с А.М. Горьким. К тому моменту, когда Иванов в 1916 г. начинает свою переписку с Горьким, продолжавшуюся в течение 20 лет, у сибирских писателей сложилось двойственное отношение к его деятельности и взглядам. С одной стороны, поддержка литературных сил областных окраин и писателей-самоучек из народа важна и привлекательна для сибиряков. Начинаящий писатель Иванов вместе с первым письмом посылает Горькому свой рассказ «Степная царевна» и книгу стихов своего друга, курганского поэта из крестьян К.К. Худякова «Сибирь», пишет о трудной жизни Худякова и своей собственной. Очевидно, что он надеется на поддержку Горького. Тот откликается почти сразу: два рассказа Иванова «По Иртышу» и «Дед Антон» и два стихотворения Худякова Горький включает во второй «Сборник пролетарских писателей» (Пг., 1917). Не исключено, что вдохновило друзей послать свои произведения Горькому его предисловие к первому «Сборнику пролетарских писателей» (Пг., 1914), в котором автор размышлял о том, что «хорошо бы создать для писателей-самоучек периодическое издание, которое поставит себе целью изучение литературной техники – главного, чего недостает писателю из народа»⁴. Завершалась горьковская статья призывом: «Вперед, к культуре мировой!»⁵.

⁴ Сборник пролетарских писателей. Пг.: Прибой, 1914. С. 11.

⁵ Там же. С. 12.

С понятиями «культура» и «Запад» связана другая сторона отношения сибирских писателей, в том числе и Иванова, к Горькому. «...в историософской концепции Горького понятия Восток и Запад постепенно начали приобретать не только географический, политический, культурный смысл, но и этнологический, психологический» [Примочкина, 2009, с. 53] – этот вывод Н.Н. Примочкиной подтверждают письма 1913 г. А. Тихонову и Е. Ляцкому, где Горький размышляет над задачами журнала «Современник»: «Журнал надо сделать органом всероссийской демократии, кафедрой, откуда будут говорить о необходимости для России движения от Востока на Запад» [Горький, 2003, с. 239]; «...все брошенные нами лучи будут указывать дорогу на Запад, в атмосферу культуры наиболее разработанной...» [Горький, 2003, с. 242]. Из этих и других документов видно, что в начале 1910-х гг. Горький стремится активно пропагандировать западную направленность пути развития России. После начала Первой мировой войны, которую «писатель воспринял как крушение своих заветных идеалов и надежд на создание “Всемирного разума”, “планетарной культуры”, концентрации энергии всего мира <...>, Горький с тревогой следил за усилением национально-патриотических настроений в русском обществе» [Примочкина, 2009, с. 55]. Именно в этом контексте пишется программная статья «Две души», где Горький, последовательно доказывая идею о непримиримости Востока и Запада и объясняя пороки русской национальной психики азиатским влиянием, противопоставлял человека Востока – «раба и слугу своей фантазии» и европейца – «вождя и хозяина своей мысли»⁶. Позиция Горького вызвала острую полемику; о его односторонности и максимализме писали Н. Бердяев, Л. Андреев, Д. Мережковский и др.

Мысль Горького о том, что русским людям нужно «бороться с азиатскими наслоениями в психике»⁷, вряд ли находила полную поддержку у сибирских писателей, горячо любивших свою «азиатскую» родину. В частности, у членов того омского литературного кружка, куда входили А.С. Сорокин, М.П. Плотников, П.П. Оленич-Гнененко, А.П. Оленич-Гнененко и другие поэты и писатели и к которому осенью 1917 г. присоединился Иванов. Подтверждением этому служит хранившаяся в архиве Сорокина в Омске пьеса-памфлет «Гордость Сибири Антон Сорокин» (1918). На титульном листе стоит имя Вс. Иванова, он же является одним из главных персонажей, но не исключено, что пьеса является плодом коллективного творчества писателей омского кружка. Одним из персонажей пьесы является Горький, в списке действующих лиц ему посвящена язвительная характеристика:

МАКСИМ ГОРЬКИЙ – Пророк с огненной глоткой и мозгом из персидских ковров. Мысли его, как осенние букеты цветов, без запаха. Любит лизать затылки у сопливых литераторов, склонен погрызть орешки культуры [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 144].

⁶ Горький М. Две души // Летопись. 1915. № 1. С. 123.

⁷ Там же. С. 133.

Базовое для Горького понятие «культура» представлено в тексте пьесы в откровенно издевательском ключе:

Появляется Максим Горький, лижет его (Вс. Иванова. – Е.П.) в затылок, гладит по спине Сборником пролетарских писателей.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ. Ты куда на культуру – ША!

Марш туда, в конуру.

Прерия Сибири. Желтая иссохшая трава. Песчаные дюны. Иртыш. Стрекошет кузнечик. Александр Оленич издаёт боевой клич индейцев.

АЛЕКСАНДР ОЛЕНИЧ. Ни с места, сам Максим Горький

Изрек мудрые слова:

Дрожи и внемли,

Сибирь, убога и нема,

Но, вещей, знаю:

Засеют эти земли

Еще благие семена,

Философия и Клюева творения

Прочертят достойный след,

И даже (*Скромно улыбаясь*),

Может быть, хотя берут сомнения,

Мой вдохновенный дерзкий бред [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 144].

Упоминание поэта Н. Клюева отсылает к новокрестьянской литературе 1910-х гг., влияние которой чувствуется в ранней прозе Иванова. Противопоставление земли и железа, природы и технического прогресса – одно из базовых в новокрестьянской литературе. «Город и его детище – технический прогресс – разрастается в представлении новокрестьянских поэтов, особенно Н. Клюева, до масштабов всесветного зла», – отмечал А.И. Михайлов, впервые подробно рассмотревший общую поэтическую концепцию новокрестьянских поэтов, отражающую исторические судьбы русского народа [Михайлов, 1990, с. 109]. Строки Н. Клюева: «Сын железа и каменной скуки / Попирает берестяной рай...» (между 1914 и 1916 гг.), – удивительно близки молодому сибирскому писателю Вс. Иванову [Клюев, 1999, с. 250]. Мотивы «земли и железа» едва ли не ведущие в его легендах. Шаман Апо, маленький и дряхлый, кажется «предсмертной судорогой вымирающего племени шептов, задавленного железными пальцами цивилизации» («Рао») [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 30]. «Невидимыми железными чудовищами» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 44] режет покорную землю гордый человек («Сон Ермака», 1917). Символом жизни и души в произведениях молодого Иванова выступает земля. «Воплощенную мудрость» видит рассказчик Клуао в желании человека «целовать свою землю» («Над Ледовитым океаном», 1917). И автобиографический герой, мечтавший о свободе: «...жить подобно зверю, подобно птице – не думая ни о каких законах и ограничениях», в финале рассказа принимает эту высшую мудрость: «И вот тогда, первый раз в жизни, мне захотелось поцеловать родную землю» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 51].

В последующие годы Иванов не перестает размышлять о значении прежней культуры Сибири и ее трагической гибели под влиянием современной цивилизации Запада. Автор-повествователь в очерке «Отверни лицо твое» (1919) помнит слова недавно умершего дуваны Огюса: «Когда попадешь ты, человек города, первый раз в степь Кара-Айны, остановись, взгляни в четыре стороны света, соверши свою молитву, если ты верующий, и вздохни глубоко-глубоко грудью, если ты лишен веры, потом закрой глаза твои и слушай» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 126]. Герой силится понять смысл этих слов, вспомнить «какой-то красивый символ», но напрасно: прежнее духовное знание не открывается ему. Зловещим предсказанием звучат слова писателя: «...народ Ветхого Завета исчезнет. В степи будут иллюзии, велосипеды и газеты» [Неизвестный Всеволод Иванов, 2010, с. 127].

В 1921 г. Иванов приезжает в пореволюционный Петроград, попадает в другую культурную среду, его размышления о Востоке и Западе обретают иные контексты. Начало 1920-х гг. характеризуется «поворотом к Востоку» не только во внешней политике Советской России, где начинается подготовка «азиатской ориентации мировой революции», но и в духовной культуре: достаточно вспомнить, что выход в 1921 г. в Софии книги «Исход к Востоку» знаменовал собой начало истории евразийства (подробно см.: [Папкина, 2020, с. 49–50]).

Размышления Иванова о Востоке и его культуре идеологи новой власти в 1920-е гг. посчитали контрреволюционными. Комментируя дневниковую запись от 31 декабря 1946 г., где писатель вспоминает отказ А.К. Воронского печатать «слабую» повесть «Возвращение Будды» в первом советском толстом журнале «Красная новь» и слова известного революционера, члена Исполкома Коминтерна К. Радека: «Вы, Всеволод, написали плохую контрреволюционную книжку» [Иванов, 2001, с. 367], – Л.П. Якимова отмечает: «По существу, Вс. Иванов точно выявляет причины “неуспеха” повести: они крылись не в ее художественной “слабости”, а в ее несоответствии господствующему в стране идеологическому курсу, и в этом контексте она действительно выглядела “плохой книжкой”: “плохая” потому, что “контрреволюционная”» [Якимова, 2019, с. 83]. Смысл этой «контрреволюционности» и роль в повести противопоставленных друг другу восточных и западных мотивов («Двигаясь все время, не размышляя о смысле движения, Европа пришла во тьму. Восток неподвижен, и недаром символ его – лотосоподобный Будда» [Иванов, 1924, с. 57–58]) можно понять по-разному.

Заглавие «Возвращение Будды» дало основание исследователю из Индии Р. Банерджи сосредоточить свое внимание на духовных ценностях буддизма, о которых размышляют герой повести – профессор Сафонов и ее автор – писатель Всеволод Иванов: «Следует подчеркнуть особую тягу этого великого писателя к философии и культуре Индии, в том числе к учению индийского отшельника Будды. <...> Буддизм, вероятно, привлекал Иванова, жившего в бурный период истории России, всепримирением и всеотерпимостью, умением справиться с внутренней бурей, страданием и корыстью» [Банерджи, 2020, с. 65]. Исследователь отмечает

знание писателем буддийской философии и ведущую роль ее в повести. Эта философия определяет как духовный путь героя: «Сафонов как бы странствует по пути Нирваны в ходе этой поездки. Исчезает его индивидуальное “Я” – *анатма*. В нем появляются покой и терпимость. <...> Он становится человеком с полным самоконтролем. Целью его жизни теперь является работа на благо других» [Банерджи, 2020, с. 67], – так и общий смысл произведения: «Статуя Будды в повести олицетворяет мудрую философию буддизма, распространение которой, по мысли писателя, могло бы спасти разлагающийся Запад и разоренную Россию от огня революционного движения и гражданской войны» [Банерджи, 2020, с. 69].

Напротив, по мнению Якимовой, буддийский текст важен для писателя не сам по себе: «...под прикрытием буддизма Вс. Иванов <...> обретает возможность иносказательным способом защитить постулаты национального верования, и поругание Будды читается местами как отвержение христианской истины» [Якимова, 2019, с. 94]. Идеологемы «Восток» и «Запад», считает исследователь, отсылают читателя к актуальной проблеме «русского выбора» путей национального развития, выбора между Востоком и Западом: «Отринув национальные ценности и святыни, <...> советская Россия сделала однозначный выбор в пользу соревнования с Европой по принципу “догнать и перегнать”, и мятущимся сознанием профессора Сафонова Вс. Иванов предпринимает творческую попытку осмыслить горькие плоды избранного страной курса» [Якимова, 2019, с. 94–95].

Обращение к эпитафиям, которые предпосланы главам повести и в основном взяты Ивановым из произведений древней китайской поэзии (а иногда и созданы по ее мотивам), отсылает читателя к духовным ценностям еще одной культуры. Большую часть эпитафий к «Возвращению Будды» Иванов, видимо, берет из книги известного ученого В.М. Алексеева «Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908). Перевод и исследования с приложением китайских текстов» (Пг., 1916). Так, глава вторая открывается таким эпитафией: «”...Важные пути тем дальше, чем укромное шествие становится медлительней” (Сыкун-Ту)» [Иванов, 1924, с. 13]. Цитата представляет собой неточные строки из «Стансов» китайского поэта Сыкун Ту: «Важные пути – тем дальше; / Укромное шествие становится медлительнее» (Станс XIV) [Алексеев, 2008, с. 293]. Последняя глава имеет эпитафию: «”...В дымке, в дымке села далеких людей. Люблю свой дымок на пустыре. На дверях и на дворе нет мирской пыли, в пустом шалаше живет в довольстве свобода. Я долго был в клетке” (Тао – “Свой сад”))» [Иванов, 1924, с. 56]. В скобках Иванов дает имя китайского поэта IV и V вв. Тао Цяня. В точности таких строк у этого поэта нет, хотя подобные мотивы встречаются часто. Вынесенные в эпитафию к главе строки о духовной свободе, которая достигается вдали от цивилизации, принадлежат, видимо, самому Иванову и сочинены им на основе текстов китайских поэтов (подробно см. [Папкина, 2020]).

Думается, различные интерпретации ивановского Востока не противоречат друг другу. Главное, это ценности духовной культуры, которые утверждает автор в противовес разрушительным процессам своей эпохи: созидание, внутренняя

свобода, подвижничество. В повести «Возвращение Будды», кажется, наиболее ярко в творчестве Иванова проявилась надежда на возвращение этих ценностей, которые он более всего склонен видеть в восточной культуре. Однако нужно отметить, что мысли Иванова относятся лишь к древней культуре Востока. Современные же его представители: авантюрист Дава-Доржчи, который называет себя воплощенным Буддой, обманом вовлекает профессора в поездку со статуей Будды и бросает его по дороге; богатый и скрытный Хизрет-Нагим-Бей, приказавший отнять свое имущество и убить «смешного человека, везущего в Монголию кусок меди» [Иванов, 1924, с. 67] – бесчеловечны и эгоистичны, одержимы погоней за выгодой и в целом близки тому же разрушительному Западу.

Со временем иллюзии Иванова по поводу роли восточной культуры в сохранении духовных ценностей рассеиваются. На это указывают наброски писателя к третьей редакции романа «Эдесская святыня» (не ранее 1956 г.), действие которого происходит на Востоке в X в. Древний Восток, как и древний Запад, все более напоминают писателю реальность середины XX в.: и в этом мире «царят преступления, пытки, лжесвидетельства, нищета»⁸. В сущности, все представленные в романе государства мало различаются между собой: «Отношение к вещам в Багдаде, Византии, Риме. Все три страны, вернее, их правительства, стремятся к тому, чтобы создавались орудия войны, наилучшие: оружие, корабли, невольники. Они испытывают друг у друга – кто, как и чем это делает?»⁹.

Выводы и заключение. Анализ произведений Иванова, посвященных теме культуры, показывает эволюцию взглядов писателя. В начале своего творческого пути, пришедшегося на самый трагический период истории России, период двух мировых войн и трех революций, он склонен искать в древних культурах Востока те духовные ценности, которые сохраняют человечество на его гибельном пути. Загадочный и манящий писателя Восток явился в его произведениях миром высокой культуры, духовности, подвижничества и обретенной человеком свободы, – миром, почти во всем противостоящим современной Иванову реальности XX в. Однако к концу 1950-х гг. писатель, видимо, приходит к нерадостному выводу о бессилии культуры перед лицом разрушительной цивилизации, о том, что «возвращение Будды» в XX в. вряд ли осуществится.

Библиографический список

1. Алексеев В.М. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837–908): перевод и исследование с приложением китайских текстов. М.: Вост. лит., 2008. 701 с.
2. Банерджи Р. Мир воображения героя в романе Всеволода Иванова «Похождения факира» // Русская революция 1917 года в литературных источниках и документах / отв. ред. В.В. Полонский. М.: ИМЛИ РАН, 2017. С. 382–389.
3. Банерджи Р. Повесть Всеволода Иванова «Возвращение Будды»: символика названия // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 2. С. 63–71. DOI: 10.25205/2410-7883-2020-2-63-71
4. Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма: в 24 т. М.: Наука, 2003. Т. 10. 784 с.

⁸ НИОР РГБ. Ф. 673. К. 10, Ед. хр. 1. Л. 126.

⁹ Там же. Л. 109.

5. Иванов Вс. Возвращение Будды: повесть. М.: Мосполиграф, 1924. 69 с.
6. Иванов Вс. Дневники. М.: Наследие, 2001. 490 с.
7. Иванов Вяч.Вс. Всеволод Иванов – неведомый, полузабытый и известный // Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 715–732.
8. Иванов Вяч.Вс. «И мир опять предстанет странным...» (К 100-летию со дня рождения Всеволода Иванова, 24 февраля 1895 г. // Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. II: Статьи о русской литературе. С. 504–512.
9. Клюев Н.А. Сердце единорога. Стихотворения и поэмы. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. 249 с.
10. Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1990. 275 с.
11. Неизвестный Всеволод Иванов. Материалы биографии и творчества / отв. ред. Е.А. Папкина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 784 с.
12. Папкина Е.А. Реальная и экзотическая Сибирь в повести Всеволода Иванова «Возвращение Будды» // Сюжетология и сюжетология. 2020. № 2. С. 39–52. DOI: 10.25205/2410-7883-2020-2-39-52
13. Примочкина Н.Н. Антиномия «Восток – Запад» в мировоззрении и творчестве Горького // Концепция мира и человека в творчестве М. Горького / отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: ИМЛИ РАН, 2009. Вып. 9. С. 41–81.
14. Якимова Л.П. «При жизни произведен в классики». Всеволод Иванов в историко-литературном контексте 20-х – 30-х годов XX века. Новосибирск: СО РАН: Изд-во СО РАН, 2019. 256 с.

Сведения об авторе

Папкина Елена Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва); e-mail: elena.iv@bk.ru

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2021-14-2-80>

PROBLEMS OF CULTURE IN THE WORKS OF VSEVOLOD IVANOV

E.A. Papkova (Moscow, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article is a continuation of our work devoted to the problems of the history of culture in the creative work of Vsevolod Ivanov in the 1940s–1960s. A new stage in the formulation of the problem, which makes it possible to trace the origins of the theme of culture in Ivanov’s creative work, became possible thanks to the publication of unknown texts by the writer of his early Siberian period.

The purpose of the article is to analyze the theme of culture in Ivanov’s early work, to examine the evolution of the writer’s views.

Methodology. The article uses comparative historical textual methods, the method of historical and cultural commentary.

Research results. The theme of culture is considered for the first time on the material of Ivanov’s works of the 1910s, the evolution of his views is traced, which were formed in a dialogue with regional ideas and the concept of the East and West by A.M. Gorky. It is noted that the early works of the writer reflected anxiety for the fate of cultural values in the modern world. Particular attention is paid to the spiritual values of the culture of the East, understood by Ivanov in his own way and found embodiment in his work. The analysis of the story “The Return of the Buddha” and the third the edition of the novel “The Edessa Shrine” shows how the writer’s attitude to the East changed.

Conclusions. The analysis of Ivanov’s works devoted to the theme of culture shows that this problem interested the writer from the very beginning of his creative path. Reflecting on the fate of the outgoing culture of Siberia in early works, dreaming of the possibility of the influence of the ancient East cultures on the historical choice of Russia and Europe in the 1920s, in the story “The Return of the Buddha”, the writer, by the end of the 1950s, obviously, comes to the conclusion that it is impossible for the forces of culture to resist the development of civilization.

Keywords: *Vsevolod Ivanov, problems of culture, evolution of views, spiritual values of the culture of the East, culture and civilization.*

References

1. Alekseev V.M. Chinese poem about a poet. Stanzas Sykun Tu (837–908): translation and research with the application of Chinese texts. Moscow: Vost. lit., 2008. 701 p.
2. Banerjee R. The world of the hero’s imagination in the novel by Vsevolod Ivanov “The Adventures of a Fakir” // Russian Revolution of 1917 in literary sources and documents / ed. by V.V. Polonsky. Moscow: IMLI RAN, 2017. P. 382–389.
3. Banerjee R. The Story of Vsevolod Ivanov “The Return of the Buddha”: the symbolism of the title // Plotology and photography. 2020. No. 2. P. 63–71. DOI: 10.25205 / 2410-7883-2020-2-63–71
4. Gorky A.M. Full composition of writings. Letters: in 24 volumes. Moscow: Nauka, 2003. Vol. 10. 784 p.
5. Ivanov Vs. Return of the Buddha. The story. Moscow: Mospoligraf, 1924. 69 p.
6. Ivanov Vs. Diaries. Moscow: Heritage, 2001. 490 p.
7. Ivanov Vyach.Vs. Vsevolod Ivanov – unknown, half-forgotten and well-known // Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity. Moscow: IMLI RAN, 2010. P. 715–732.

8. Ivanov Vyach.Vs. “And the world will again appear strange ...” (To the 100th anniversary of the birth of Vsevolod Ivanov, February 24, 1895 // Ivanov Vyach. Vs. Selected works on semiotics and cultural history. Moscow: Languages of Russian culture, 2000. Vol. II: Articles about Russian literature. P. 504–512.
9. Klyuev N.A. Unicorn heart. Poems and poems. St. Petersburg: Publishing house of the Russian Christian Humanitarian Institute, 1999. 249 p.
10. Mikhailov A.I. Ways of development of the new peasant poetry. Leningrad: Science: Leningrad. department, 1990. 275 p.
11. Unknown Vsevolod Ivanov. Materials of biography and creativity / ed. by E.A. Papkova. Moscow: IMLI RAN, 2010. 784 p.
12. Papkova E.A. Real and exotic Siberia in Vsevolod Ivanov’s story “The Return of the Buddha” // Plotology and photography. 2020. No. 2. P. 39–52. DOI: 10.25205 / 2410-7883-2020-2-39-52
13. Primochkina N.N. Antinomy “East – West” in the worldview and work of Gorky // Concept of the world and man in the work of M. Gorky / ed. by Spiridonova L.A. Moscow: IMLI RAN, 2009. Is. 9. P. 41–81.
14. Yakimova L.P. “During his lifetime he was promoted to classic” Vsevolod Ivanov in the historical and literary context of the 1920s–1930s. Novosibirsk: SB RAS: Publishing house of SB RAS, 2019. 256 p.

About the author

Papkova Elena Alekseyevna – Phd (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); e-mail: elena.iv@bk.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила оформления и требования к рукописям статей

К рассмотрению (рецензированию) допускаются рукописи, соответствующие приведенным ниже требованиям.

1. Рукописи статей необходимо оформлять в соответствии с международными профессиональными требованиями к научной статье: объемом не менее 0,5 печатного листа (20 000 знаков), шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5.

2. Текст рукописи статьи должен иметь следующую структуру: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, заключение (выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад).

3. При цитировании обязательно указание ссылок на *все* источники из библиографического списка: «...» [Иванов, 2017, с. 119].

4. Таблицы, рисунки и графики оформляются в тексте статьи и отдельным файлом. *Просьба в названии файлов указывать свою фамилию («Иванов_статья», «Иванов_таблица»).*

Названия таблиц, рисунков *обязательно сопровождаются переводом на английский язык*, что позволяет повысить читаемость статей для зарубежных авторов.

5. К рукописи статьи (в том же файле) прилагаются публикуемые сведения *на русском и английском языках:*

заглавие _____ – содержит название статьи, инициалы и фамилию автора / авторов, УДК;

адресные сведения об авторе – указываются место работы, занимаемая должность, ученая степень, почтовый рабочий адрес с индексом города, страна, адрес электронной почты (*все сведения предоставляются полностью без сокращений*);

аннотация статьи – краткое изложение основного содержания статьи и ее обобщающих результатов (не более 200 слов / 1500 знаков).

Требования к содержанию и структуре аннотации

В аннотации сохраняется структура статьи очень кратко: постановка проблемы, цель статьи, обзор научной литературы по проблеме, методология (материалы и методы), результаты исследования, выводы в соответствии с целью статьи, авторский вклад. Соответственно на английском языке: problem statement, purpose of the article, review of scientific literature on the problem, methodology (materials and methods), research results, conclusions in accordance with the purpose of the article, author's contribution;

ключевые слова (10–15);

пристатейный список литературы – научные статьи, монографии, из них желательно статьи из зарубежных (Scopus, Web Of Science) журналов за последние 3–5 лет с указанием DOI для всех источников при его наличии – оформляется в алфавитном порядке в соответствии с требованиями

ГОСТ Р 7.0.5–2008 и в соответствии с международными стандартами, принятыми редакцией (перевод на английский язык);

данные по каждому источнику предоставляются в соответствии с оригинальным *переводом* названия статьи, названием журнала, в т.ч. и транслитерации фамилий авторов; ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках, содержат фамилию (фамилии) автора, год издания и страницы цитируемой работы. Ссылки на другие виды источников (архивную, нормативную, публицистическую, справочную, учебно-методическую литературу, словари, авторефераты диссертаций...) оформляются внутри текста статьи подстрочными ссылками.

Сопроводительные сведения к статье (в одном файле со статьей)

I. Библиографический список на русском языке и References.

II. На английском языке:

И.О.Ф. автора

Название статьи

Аннотация

Ключевые слова

III. Сведения об авторе и контактная информация на русском и английском языках.

ОБРАЗЕЦ

УДК 378

НОВЫЕ СТАНДАРТЫ – НОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ

А.Г. Сидорова (Красноярск, Россия)

Аннотация

Ключевые слова

Текст

Библиографический список

1. Зимняя И.А. Компетентный подход. Какого его место в системе современных подходов к проблемам образования? (Теоретико-методологический аспект) // Высшее образование сегодня. 2006. № 8. С. 20–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21594618> (дата обращения: 20.10.2019).

2. Романов Р.В. Методология и теория инновационного развития высшего образования в России: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 302 с. DOI: 10.12737/17756

3. Трансформация высшего образования: кейсы российской магистратуры: монография / отв. ред. А.В. Гармонова, Е.А. Савеленок. М.: МАКС Пресс, 2020. 244 с. DOI: 10.29003/m1378.978-5-317-06396-2

4. Shershneva V.A., Shkerina L.V., Sidorov V.N., Sidorova T.V., Safonov K.V. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. In European Journal of Contemporary Education. 2016. Vol. 17. P. 357–367. DOI:10.13187/ejced.2016.17.357 www.ejournal1.com

Сведения об авторе на русском языке

NEW STANDARDS – NEW CONTENT AND TECHNOLOGY EDUCATION A.G. Sidorova (Krasnoyarsk, Russia)

Annotation (английский перевод аннотации)

Keywords (английский перевод ключевых слов)

References (перевод на английский)

1. Lustig M.V., Koester J. Intercultural competence: Interpersonal communication across cultures. 6th ed. Boston: Pearson Education Inc., 2010. 388 p.
2. Plotnikova S.N. The role of interpretative discourse in the organization of communication community. In: Russian Philology and Comparative Studies: international collection of scientific papers on philology. Moscow: Knigodel, 2019. Is. 13. P. 304–312. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.20

Ссылка на интернет-ресурс оформляется следующим образом:

URL: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx> (access date: 05.02.2011).

About the author

Spiridonova Galina Sergeevna – Candidate of Philology, associate professor of the Russian Language and Teaching Methodology Department, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev; e-mail:

Научное периодическое электронное сетевое издание

**СИБИРСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФОРУМ
КРАСНОЯРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
им. В.П. АСТАФЬЕВА**

2021. № 2 (14)

Журнал

Редактор М.А. Исакова
Корректор Ж.В. Козупица
Редактор английского текста Т.М. Софронова
Технический редактор В.В. Ингул
Верстка Н.С. Хасаншина

660049, Красноярск, ул. А. Лебедевой, 89.
Редакционно-издательский отдел КГПУ им. В.П. Астафьева,
т. 8(391) 217-17-82

Подготовлено к изданию 25.05.21.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 11,8